

ХРИСТИАНСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО
ИЛИ
ЗАПИСКИ ИЗ КЕЛЬИ НЕВИДИМЫХ СТАРЦЕВ

(Из выстраданного и пережитого)

«Не я живу, но живет во мне Христос» Гал.2:20

Предисловие

«Господи, хорошо нам здесь быть...»

Мф. 17:4

«Как величественны исполинские горы!»

Свт. Николай Сербский

«Полезно молиться на горах, а не в ущельях или в оврагах. Поэтому и Христос поднимался на горы и молился там. Наверху проясняется ум и оживают чувства» Прп. Паисий Святогорец

Идеал христианского совершенства - жить Христом и во Христе, не прикасаясь к греховным мыслям, следуя словам Сына Божия, знающего сердца человеческие, зная которые свойственно одному лишь Богу: «Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши?»(Лк.24:36). Подобное одухотворенное состояние совершенства безгрешной души есть многовожденная цель всякого монашеского сердца, доколе оно в великом духовном сражении за собственное спасение не облечется «силою свыше»(Лк.24:49). Невозможно разбавлять мирскую жизнь Христом, ни Христа разбавлять мирской жизнью. Рано или поздно для того, чтобы спастись, придётся сделать окончательный выбор: или всецело последовать за вечно любящим Христом в жизнь вечную, или остаться и погибнуть с этим гибнущим и преходящим миром. В этой непрекращающейся ни на миг духовной битве даже секунда - это цена вечности, чтобы успеть «прийти в познание истины». Помнящий о Боге становится благодатным, забывающий о Нем делается землей.

Сделав основой своей жизни на Афоне непрестанную молитву и безмолвное созерцание (исихию), подвожу итог в этих тетрадах всему выстраданному и пережитому в виде небольших разрозненных заметок и замечаний. В добытой в молодых годах невероятным трудом горстке молитвенных переживаний, как оказалось, было мало толку от найденных в ней случайных золотых блёсток мимолетной душевной радости, и не принесло сердцу почти никакой духовной прибыли, поскольку интуитивно искомый Бог открывается только во Христе в сокровенных глубинах человеческого духа, передаваясь из поколения в поколение от старца к ученику. Это во-первых.

Ныне в монашеском отшельничестве на вершинах и склонах гор пытаюсь в который раз заново прийти в себя и войти «в радость Господа своего»(Мф.25:21), чтобы пребывать в ней неисходно и вечно. Для этого пришлось собрать все силы и соединить воедино все усилия, чтобы в молитвенном и созерцательном общении с Богом, по мере данного Им Духа Его, обрести познание Божественного Бытия и прояснить для себя и для других подлинную суть духовной жизни и непосредственного практического опыта спасения как в миру, так и в уединении. Это во-вторых.

И в-третьих, попытаться сделать сравнительный анализ уединенной монашеской жизни и сопоставить ее с иными видами священнического служения и мирской деятельности. В качестве пояснений каждая глава завершается беседами и вопросами о спасении и свободе тех духовных чад, которые не имеют возможности быть постоянно рядом, поэтому, со всей искренностью отвечая на их духовные устремления, с признательностью привожу такие познавательные диалоги в письмах под названием «Из переписки с друзьями».

Теперь немного о келии. В пустынной и труднодоступной местности, которая расположена между мысом Виглы и Святым Нилом, прячется пустынная келия Яннокопуло с храмом в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Наиболее прославился в этой келии старец и духовник иеромонах Христофор. В возрасте сорока восьми лет в 1837 году он пришел на Святую Гору и поступил в послушание к старцу Захарии в скиту Кавсокаливия. За свое совершенное послушание он очень быстро сподобился дара умной молитвы, был рукоположен в иеромонахи и сделан духовником. Ради большего безмолвия и непрестанной молитвы отец Христофор поселился в безмолвнической келии Яннокопула, напротив пещеры прп. Афанасия. У него было трое послушников: Григорий, Неофит и Хризостом.

На келии был принят устав безмолвников. Всю ночь продолжалось бдение и ежедневно совершалась Божественная литургия. К отцу Христофору приходили и тайно причащались обнаженные невидимые подвижники, более того, он был их духовником. Порой он сам ходил причащать их, и Бог так покрывал его, что он проходил среди турок и те не видели его. Лаврские отцы также посещали старца Христофора, испрашивая у него духовных советов. Он утешал их в великих искушениях и говорил: «Новоначальный монах должен с великим усердием заниматься умной молитвой. Работать немного, а молиться много». За неделю он предсказал свою кончину, и в момент исхода его лицо просияло Божественным светом. Почил он в 1862 году в возрасте семидесяти трех лет. Когда открыли его останки, то глава старца источала благоухание и от нее совершались многие чудеса.

С великим благоговением почитая память таких выдающихся подвижников умного делания, издаем мы наши скромные записки, как смиренное служение знакомым и незнакомым монахам и мирянам. Разумеется, приведенные здесь объяснения молитвенной жизни не могут претендовать на исчерпывающую полноту и законченность, но проливают некоторый свет на великую обширность и безграничность духовного восхождения. Эти краткие записки очень важны для нас и, надеюсь, могут оказаться интересными и полезными для всех близких нам не только расстоянием, но и сердцем: «Птица поет не потому, что у нее есть ответы, а потому, что у нее есть песня».

Келия Благовещения Пресвятой Богородицы. Святая Гора.

Тетрадь первая. Всегда радуйтесь

«Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите» 1Фес. 5:16-18.

Под отвесным пятидесятиметровым Афонским обрывом, исполосованным коричневыми жилами песчаника, с крутыми желваками серых глыб известняка, на дыбы вставало пенящееся рваным прибоем посуровевшее осеннее море. Режущий лицо соленый ветер выжимал из глаз слезы, диким вопрем метался по заглохшим садам, заворачивая испод вспыхивающих матовой сталью мерцающих оливковых зарослей. Все это было совсем недавно, а теперь такое чувство, как будто никогда

ничего не было, кроме этого одичалого белесого провала пропасти под ногами и ощерившихся зубцов взметнувшихся в небесную прозелень шершавых ноздреватых скал.

Когда упаковывал рюкзак, радостно волновался, как будто возвращался в молодость. Прощальный скрип келейной двери. Тропа, уходящая круто вверх. Крупные капли пота на лице. Учащенное дыхание в настоявшейся тишине осеннего леса. Ухожу все дальше и поднимаюсь повыше, в лесные скалистые ущелья, где не слышно суетных звуков мира сего. Застоявшаяся кровь стучит в висках. Всей грудью вдыхаю налетевший с моря чистый упругий ветер. Палатка среди каменных глыб надулась серебряным пузырем. Долгожданное безмолвие горного безлюдья. Тихая радость кротко сияющего молчаливого духа, зримо ощущающего свое единение с Творцом. Каждая душа живет так, словно полностью забыла, что Бог окружает ее со всех сторон и таинственно живет внутри неё. Бог очень сокровенен, и потому мы не можем постичь Его чудесного в нас существования и премудрости Его Божественных действий. Бог - совершенен и не совершает ошибок. Ему нет необходимости что-то исправлять. Нам не дано проникнуть в то, кем является Бог по Своей сущности там, глубоко в Его недрах, вследствие чего от человеческого любопытства сокрыто исследование непостижимой воли Божией. Однако Всеведение Божие чтит нашу свободу, и любовь нашего Творца не связывает нас. Только Бог так удивительно может любить, не ограничивая человека Своей безпредельной любовью. Поскольку в Боге нет никакого принуждения, Он даровал каждой душе осознание ответственности за все ее желания и поступки.

Евангелист Иоанн Богослов открывает нам, что «Бог есть Любовь»(1Ин.4:7), а духовный опыт преподобных и богоносных Отцов подтверждает, что Он не просто издали и безучастно наблюдает за копошением нашей жизни, но сострадательно и чрезвычайно деликатно заботится о всех нас, помогает нам, как наш Небесный Отец, духовно возрастать к Небесной непреходящей вечности, ни в чем не ущемляя нашу свободу - свободу уникальных человеческих личностей. Он дарует нам смелость и отвагу всецело довериться Божественной любви, чтобы мы могли непосредственно ощущать, видеть и созерцать Его любовь в глубине нашего сердца.

Когда мы, по святой милости Божией, обретаем доверие к Богу, тогда мы смиряемся и во всей полноте начинаем жить Богом. Без смирения мы не ощущаем и не постигаем ничего действительно прекрасного и святого. Лишь обретя смирение, мы можем по-настоящему возрадоваться в Боге, постичь Его и даже соединиться с Ним. Когда мы живем во Христе и Он начинает явственно жить в нас, тогда мы соединяемся с Ним и ощущаем, что земля человеческая - это первая ступень Небесного рая. Если мы имеем смирение, к нам приходит ясное разумение, что все в этой жизни стремится возвратиться нас к Творцу: благоприятные обстоятельства побуждают нас к благодарности Богу, а неблагоприятные события приводят к сокрушению и раскаянию пред Богом в наших грехах.

Любовь Божия пронизывает все существующее вокруг нас, поэтому всякое явление мира говорит нашему сердцу о великой Божественной Любви - Христовой Любви, Которой живет и дышит все одушевленное и неодушевленное. Красотой наполнен каждый миг и штрих этой вселенной: от бабочки до лучезарных светил. Любой цветок и всякое цветущее дерево напоминают нам о том прекрасном времени, когда земля целиком была как один цветущий сад, сотворенный Богом для человека. Как можно оставаться нам равнодушными при созерцании созданного Богом такого невообразимо прекрасного чудесного мира, который безкорыстно отдает свою красоту и грешным, и праведным?

Дивные дела Божии - прекрасная возможность для молитвенной благодарности Господу, когда сердце умиротворенно радуется и лепету весеннего ручейка, и роскошной соловьиной трели. Умение читать сокровенный смысл существования помогает нам глубже постигать откровение провозвестия Христова - святого Евангелия. Однако греховному сердцу остается недоступен необыкновенно мудрый и глубокий голос природы. Без благодати нет ни подлинного видения истинной ее красоты, ни духовного пробуждения человека ко Христу и Его непредставимой Любви. Когда душа в покаянии исходит из греховной тьмы, она начинает впервые ощущать в себе краткие проявления Христовой благодати. Нужно уметь распознавать ее кроткое вхождение в наше сердце по особому молитвенному настрою, особому тонкому и поэтичному душевному ощущению. Зачастую этому очень способствует какой-либо умиротворяющий пейзаж или трогательный отклик прекрасному из глубин нашей души. Но каждое такое мимолетное явление не должно надолго останавливать наше внимание. Вся его ценность в том, чтобы сердце человеческое научилось благодарить Бога за дарованное Им вдохновенное созерцание тварной красоты мира. В этом есть великая радость - за все благодарить Бога!

Никто из людей не против радости, однако от непонимания подлинной, неподдельной радости, происходит столько скорбей и печалей, что тут уж, как говорится, не до радости. Лжерадость - это и есть лжерелигия, целиком основанная на заблуждении. Настоящая радость всегда духовна, а потому мирна, кротка и спокойна. То, что бездуховно - всего лишь возбуждение, щекощущее нервы и расшатывающее психику. Духовная радость - признак обретения благодати душой человека и такое радование есть плод обновления нашего духа во Христе. Невозможно одновременно радоваться благодати и базарным новостям, поскольку пути их различны.

По-настоящему радуется только юная душа, у которой в Боге обновилась юность, «подобно орлу»(Пс.102:5). Можно знать, что Бог есть, однако, не обретя Бога, душа тоскует. Это похоже на тот случай, когда мы знаем о существовании лекарства, жизненно необходимого для нас, и радуемся только тогда, когда, принимая его, выздоравливаем полностью. Истинное лекарство для нас - это благодать Христова, делающая каждого человека духовно свободным. Поэтому опаснее всего мирская глупость, которая боится духовной свободы. Устремившие помыслы к земному и обратившие ум к Царству Небесному далеко отходят друг от друга и между ними пропасть.

Истинная радость приходит к нам только тогда, когда мы постигаем Бога внутри нас, как нашу совершенно свободную бессмертную сущность. Именно тогда наше сердце радостно вопиет: «Возрадуется душа моя о Господе, ибо Он облёк меня в ризу спасения, и одеждой радости одел меня». Когда мы боимся греха, мы усиливаем его. Во Христе мы перестаём бояться зла и делаемся безстрашными. Когда мы постигаем, что есть действенные средства от греха, которые побеждают даже смерть, тогда мы действительно радуемся. Именно такая радость о Господе становится для нас спасительной.

Самый опасный и страшный порог для подростка - мечтания и необузданное воображение, приводящие душу к полному и безоговорочному пленению демоническими помыслами, когда не могут помочь ни психиатры, ни назначаемые ими лекарства. Больше всего устаёт тот, кто много думает о себе. Такие навязчивые состояния в зрелом возрасте, если молодому человеку удастся до него дожить, становятся одержимостью. Психологические изыски и убедительные доводы, направленные к самому себе, чтобы не грешить, несколько не спасают от греха, а лишь увеличивают чувство полного отчаяния.

Более всего подросткам и юношам, желающим смело встретить все жизненные трудности и испытания, может помочь святая Церковь Христова и совершаемые в ней таинства: исповедь и Причащение, а также молитва, укрепляющие душу благодатью и избавляющие ее от жестокой и невидимой тирании демонов. Радоваться может только свободная душа, изменившаяся дивным изменением под воздействием благодатной силы Божественной любви. Именно духовная свобода - основа всякой радости о Господе и в этой радости собственной свободы мы призваны Богом стоять и возрастать в вечности.

Какие же средство существует для освобождения от греха и стяжания настоящей радости, обретённой в духовной свободе? Прямое и непосредственное познание Бога, свободного, безгрешного и совершенного, Который «внутри вас есть»(Лк. 17:21) - наипревосходнейшее средство для достижения многожеланной свободы, безгрешного и максимально возможного духовного совершенства и предельно возможной независимости от мира. Такое познание возможно лишь с помощью благодати Духа Святого, а стягается оно покаянием, смирением, молитвой и самоотречением от всего того, что связывает нас и что лишает душу подлинной радости во Христе.

Итак, что есть сам по себе «я», пытающийся не только разобраться в себе самом, но и в самом удивительном явлении жизни - в вечносущем Боге, о Котором сказано: «Все из Него, Им и к Нему»(Рим. 11:36)? К чему сводятся все наши усилия и метания по лицу земли, в которую неизбежно все мы отойдём, и что есть мир иной, «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»? Мир всегда непостижим, и привязанный к миру человек боится этой непостижимости.

Печально, когда жизнь завершается тем, что неясного в ней лишь прибавляется и становится больше, а ясного - словно слабая искра на поверхности воды, отразившей случайный луч солнца, который упал на дно тёмного душевного колодца. Несомненно, многие души интуитивно ощущают присутствие в жизни некоей Божественной реальности, которая удивляет их странной свободой и независимостью среди всех тревожений мирской жизни. Душа робко тянется к такому необычному переживанию и начинает его любить, называя это религиозностью, смутно ощущая за ней ту духовную свободу, без которой, как она все яснее понимает, просто-напросто невозможно жить. Эволюция человека состоит в том, чтобы преобразиться в духовное существо за краткий период его земной жизни.

Между этой Божественной реальностью, подобной величественному океану Духа, и миром суеты - всегда есть полоса так называемого «прибоя», подобного земному океанскому прибюю с пеной, мусором, обломками древесины и прочим, что выносятся на берег его волны. Так и в жизни - есть Бог и есть познание Бога, как неустанное движение к Нему духа человеческого, и есть то, что существует рядом с этим движением, так называемые «мусор и пена» - нескончаемая болтовня о Боге, споры о понимании Бога и религии, убеждения, не стоящие ни гроша, а также бессмысленная эмоциональность души под видом «радости» и под соусом «любви». Подобные душевные переживания и умственные концепции составляет то, что люди величают «церковностью», облекая в них свою тусклую безжизненную повседневность, столь знакомую и привычную до безразличия.

Величественные горы и стройные вечнозеленые сосны поднимают наш взор к небесам, кроткое сияние луговых цветов напоминает нам об утраченном рае, а глубина чистых горных озер побуждает дух человеческий к стяжанию чистоты сердца, и во всем этом - величие Божие и красота Христова, которая «спасёт мир» и которая нежно и кротко касается человеческого сердца, чтобы человек непосредственно ощутил ее, оставшись с ней наедине: на прогулке, по дороге в храм, на рассвете с

молитвой, на тихой опушке зимнего леса, в безлюдном соборе среди молчания старинных огненноликих икон, где хорошо быть служителем Христа, но не служителем культа.

Только тогда душа осознает, насколько нужна и важна Церковь - чтобы освящать и упрочнять эти тонкие, хрупкие мгновения свиданий и встреч с Божественной неуловимой реальностью, с Самим Господом Иисусом. Если вместо действительного и пока мимолетного постижения происходит подмена этих удивительных мгновений вечности «религиозностью», то чудо прикосновения Божия рассеивается в «религиозных» разговорах, в навязывание личных, не всегда безкорыстных мнений и в некоей подгонке души под неизвестно кем выработанные шаблоны, и тогда тайна встречи с Божественной неуловимостью умалется и уходит из сердца, подобно тому как чистая и свежая ключевая вода утекает в трещины иссохшей земли.

Наши ближние - это наше зеркало, это правда, замечающая всякую фальшь, надуманность, самолюбование и игру в святость, все то, что представляет собой обломки нашей псевдорелигиозности. Радость здесь всегда неискренна, серьезность всегда немилосердна, особенно если она приправлена «духовной» учёностью. Так, словно ползучее растение-паразит, прокрадываясь в души, фарисейство, лицемерие и актёрство, - фальшивы насквозь, и, тем не менее, живучи, как ядовитый плющ на живой и несокрушимой вере в Бога.

Искренность, - это счастье без всякой примеси фальши. Искренность всегда светла и прекрасна, как первые подснежники весной. Без Бога душе всегда скучно, еще скучнее - пустые разговоры о Боге, но скучнее всего - религиозный снобизм «знатоков». Святой человек не обязательно напыщенно важен и недоступно серьёзен, но всегда прост и бесконечно дорог каждому чуткому сердцу.

Почему мы христиане? Потому что мы хотим знать правду нашего бытия, как она открыта нам в Евангелии, и жить в ее свободе, потому что правда - это любовь. Никогда не следует жадничать в любви к людям. Раздражительность и суетливость человека, а также нежелание правды Божией - всегда признаки внутренней порчи. Дурной помысл, как прыщ на лице - никуда не спрячешь. Спокойная смиренная мягкость - верный признак обретения благодати. Без неё всякая душа чувствует себя потерянной. От такой души веет не только холодом, но и ледяным морозом.

Узок путь вхождения в Царство Христово. Если не сделать Евангельские заповеди основой всей своей жизни, а заниматься только стяжанием молитвы, то спасение обрести невозможно. С другой стороны, похвальба своими добрыми делами и ожидание за них вознаграждения сводят на нет все наши благие приобретения.

Блаженна душа, любящая читать и слушать о Боге, но стократ блажен дух человеческий, утвердившийся в бессмертии Царства Божия ещё при жизни на земле. Привычные, навязнувшие в ушах словеса о Боге и смирении часто предлагают нам в виде проповедей пустые безблагодатные сердца, прикрытые только внешней любезностью и показной религиозностью. Тот, кто действительно спасается, исполнен живой и смиренной радости, потому что спасение - это радость освященного духа, радость нескончаемой свободы во Христе.

Душа, одичавшая без Бога, пусть даже невероятно талантливая, очень ярко может описать свою жуткую одержимость невежественными суевериями и дикими домыслами. Без веры, без озарения сердечного в человеке остаются только невыкошенный бурьян страстей и дикое поле дурных помыслов, никуда не ведущее, ибо такой душе некуда брести, кроме как к своему концу. Это её мытарства по земной юдоли. Для мирского ума предел познания есть «неведомый бог».

Подлинное христианство должно быть выстрадано и войти в кровь многих и многих

поколений, чтобы принести удивительный плод святости и Божественного света истины. За одно поколение это очень трудно сделать, чтобы отвлечь привычку очей человеческих устремляться к желаемому и заставить их обратить взор к необходимому. Когда мысли заняты мирскими делами, невозможно всецело предаваться молитве. Душа спит безпробудно в своей зачарованности этим миром и без Христа дичает и дичает все больше: «По дороге разочарований вновь я, очарованный, пойду».

Ничто так не мешает вере, как власть, какая бы она ни была. Она развращает душу, а в сердце приносит агрессивность. Воинствующей формальной религии нужно земное царство, а Бог ей не нужен. Ее бог - это власть, богатство, величие, слава. Поэтому в воинствующей религии никогда не найти Бога. Его можно найти лишь в отрешенном от мира внутреннем христианстве. Бог истинного христианства - смиренный и кроткий Господь Иисус Христос. Христианство - это сердце человеческое, живущее в благодати Христовой любви. Единственно возможная на земле любовь - это та, которая не разлучает, а соединяет души с Богом.

Общение с людьми может быть только в искренности, а в политике, пропитанной ложью - какая может быть искренность? Политика - это одержимость ума мимолетными и непостижимыми образами и событиями лживого мира и привязанность к преходящим земным целям, отсюда - страшные склоки и раздоры между людьми вплоть до смертельной ненависти. В политике нет душевного мира, поскольку в ней душа раскалена до предела гневом и злобой. Политика - это ненависть к ближним, не останавливающаяся ни перед чем. Часто такие люди неосознанно жестоки к своим собратьям.

Каждый человек - это история человечества. Чем она правдивее, тем у нее больше возможностей соединиться с вечностью. Настоящая история - это восхождение духа человеческого к свободе во Христе и преодоление им всех земных условий и условностей. Подробное описание чьей-либо душевной гордыни, пусть даже «религиозной», и ее краха - не является историей, потому что невежество в религии и нежелание спасения есть проявление крайнего демонизма и более относятся к проблемам психологии.

Как это ни странно, но можно произносить проповеди, рассуждать о добродетелях и смирении, с энтузиазмом цитировать святоотеческие тексты и в то же самое время носить в себе глубоко скрытый демонизм: находиться в самом средоточии душевной одержимости прелестью и быть носителем «псевдоправославия» - исключительного эгоизма. Неудовлетворенность всем земным - признак здоровой души, в конце концов постигающей бытие Бога и соединяющейся с Ним. Показная религиозность внешне похожа на правду, но внутренне не является ею, так как всегда самодовольна. Такая внешняя религиозность - отличительный признак душевного недуга. Это всегда двойная жизнь: на людях - псевдодуховность, в узком кругу - вседозволенность. Подобные люди вынуждены верить лишь кошмарам собственного ума. Чистота души и целомудрие сердца, сохраненные с юности, озаряют душу тихостью и красотой отношений, словно безоблачное солнце над спокойной гладью моря.

Молчащее кроткое сердце больше всего ощущает самый дух христианства, а обилие скучных горделивых слов, выпущенных на ветер - прикрытие собственной бездуховности. Обычный человек только жалуется на свою жизнь, изнемогая в душевной неуравновешенности, настоящий христианин преображает ее, пребывая в благодати Божией. Если Христос познается духом, а дух, наполненный благодатью Христовой, непобедим, о чем можно говорить? Если все решает только практика, для

чего слова ставить впереди прямого духовного опыта?

Уникальность и единственность христианства - его всегдашняя непонятость людьми. Смирение христианства - не только познание собственной греховности, но это самое близкое к любви свойство человеческого духа. Только в истинном христианстве сердце человеческое преображается в действительную любовь. Гордость можно исправить покаянием, а лжесмирение - нет. Мы обретаем смирение не потому, что уничтожаем себя, а потому, что открываем спасительную глубину Христова смирения.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, какие есть специальные методы для стяжания непрестанной молитвы?

Монах. Спасение не требует специальных методов. Все, чем человек является, есть то, на чем он сосредоточен. Не касаться мыслью никакой грязи - великое благо для всякой души. Нужно лишь хранить мир душевный в любой ситуации, поддерживая его постоянной молитвой. Мир душевный - это основа и начало умного безмолвия. Наскоком в христианстве ничего не возьмешь, оно требует постепенности. Когда молишься, исполняешь послушание, разговариваешь с людьми, отдыхаешь или читаешь, храни мир в душе и внимание в молитве. Храня этот мир, ты не впадешь в ошибку, храня свое внимание, не оставишь молитву, а утвердясь в безмолвии, соединишься со Христом. Из всех действий человека именно покаяние становится мудростью и спасением. Поэтому сделай покаяние основой своей жизни и непременно спасешься. В этом нет сомнений.

Ныне чаще всего можно встретить тех, кто ведет неправильную молитвенную жизнь. Такие люди или раздражительны или чрезмерно общительны. От них везде только споры и раздоры. Это даже не христианство, а полное самодурство, которое, тем не менее, может подниматься до самых верхних ступеней иерархической лестницы. Таким людям не страшно потерять даже Царство Небесное. Подобное устройство является религией не сердца, а головы, которой все приносится в жертву, и почитатели такой религии пожнут плод головы своей. Тот, кто взялся за молитвенную жизнь, стремится стяжать мир и благодать, а не увеличение помыслений и объема своего живота. Он должен уметь отличать благодать от безблагодатных наслаждений мира сего и его измышлений, понимать все лукавство сатаны, препятствующего нашему спасению. Тот, кто этого не понимает - жалкая игрушка дьявола. Истинный молитвенник из всего извлекает благодать и отвергает зло, возлюбив Христа и возненавидев свою душу - рабу греха.

П. Что же такое дьявол?

М. Тот, кто склоняет к сомнению в вере и в старце и препятствует спасению - вот что такое дьявол.

П. Чем же нас ловит лукавый, уводя от спасения?

М. Мышление - это его коварная ловушка. Помыслы - это его колючая проволока, оплетающая мозги и сердце человека. Хитросплетенные проделки лукавого - вызывать к мирским делам доверие, а к духовным делам - сомнение.

П. Чем же противостоять дьяволу?

М. Больше всего бесы боятся святого Евангелия, поэтому не расставайся с ним никогда, как написано: «Противостаньте дьяволу, и убежит от вас»(Иак.4:7). Ты спрашиваешь, чем же ему противостоять? Конечно, чистотой сердца и целомудрием ума - тем, что привлекает в душу Христа. Возлюбленный Его ученик возлежал на груди Господа - таково достоинство чистоты и целомудрия.

П. Не вижу в себе ни чистоты сердца, ни целомудрия, в которых не смог удержаться в миру. Значит, для меня все потеряно?

М. Если не потерял ум, то ещё ничего не потеряно. Сила ума - в смертной памяти. Наполни его молитвой и памятью о смерти и обретешь духовное рассуждение, которое приведёт тебя в Царство Божие. Это нужно постичь немедленно, не откладывая практику внимания и молитвы в долгий ящик. Ключ спасения находится во внимании и в том, куда мы это внимание направляем. Во все времена Отцы наши покаянной молитвой очищали ум от помыслов и сердце от страстей и так стяжали благодать. Тогда греховный ум проясняется в молитве. Просветленный ум быстро схватывает слово Божие и возвращает свое Спасение с помощью благодати.

Для такого подвижника легко нести бремя Христово и для него нет препятствий в спасении ни при каких обстоятельствах. Почему? Потому что в мире душевном он обрел свободу мира Божия и не зависит ни в чем от мира сего. Он никогда не теряет своей практики внимания и молитвы, он во всех условиях хранит чистоту сердца от пленения привязанностями к миру и целомудрие ума от помыслов. Всякое дело и все повседневные обязанности должны стать средством нашего спасения и стяжания благодати. Так истинный подвижник, направив ум к Богу, обретает спасение и свободу во Христе с помощью Святого Духа, как сказано в кондаке свт. Григорию Паламе: «Но яко ум, Уму первому предстояй, к Нему ум наш, отче, направи». Если кто-то будет говорить иное, то это заблуждение.

П. Почему же так мало сейчас спасающихся?

М. Не верь глазам и помыслам своим, ибо Бог знает верных Своих. Поскольку маловерие проникло в сердца, то помыслы управляют людьми, как ветер флюгером. Ищут спасение там, где его не может быть: в уставах, в законах, в пении и многотении, развлекая ум и забывая о стяжании благодати. Ничтожное приобретение - любить суетную жизнь и не знать жизни вечной. Ищи не религию, а Самого Христа, не свечи и ритуалы, а спасение. Литургия - это предел земного совершенства, созерцание - предел совершенства Небесного. Не тот верующий, кто тычет то и дело пальцем в небо, а тот, кто хранит в своем сердце Небесную благодать.

Те, кто не может освободить сердце от страстей, а ум от помышлений, вместо того, чтобы расплести их клубок и оставить навсегда, привязываются страстями и мыслями к миру и не стремятся ко Христу. Они очень красноречиво и восторженно рассуждают о спасении и о грехах людей, а сами даже не ударили палец о палец. Такие люди похожи на живых, но они мертвы. Стремящийся к спасению не занимается грехами других, он очищает себя от собственных грехов. Он «весь живот свой» предаёт Богу, рождаясь во Святом Духе, и так обретает внутри себя Царство Небесное.

П. Отче, я постоянно падаю и потому впадаю в отчаяние. Что можете мне посоветовать?

М. Необходимо иметь в жизни свой духовный компас, который всегда указывает верное направление. Что же он указывает? Он указывает то, что ложь живет в голове, а истина - в сердце. Очищай сердце молитвой и добрыми делами. Так ты непременно спасешься, обретая в нем Христа. Произволение человека побеждено лишь тогда, когда он больше не пытается встать. Неважно, что ты падаешь, главное, что ты поднимаешься, идёшь, не останавливаясь, вперед к Богу и остаешься живым человеком, стремящимся к спасению.

П. Что такое живой человек?

М. Познавший свою нескончаемую свободу во Христе является истинно живым человеком. Он живет в Боге и умирает с Богом, обретая в Нем нескончаемую жизнь. Свобода во Христе - это благодатное пребывание в свободе от всех помышлений и обретение жизни вечной и неразрушимой. Помышления - это смерть души, у которой жестокие и беспощадные помыслы украли всю ее жизненную силу. Отрешенность от

вещей избавляет от привязанности к миру. Освобождение от мысленной тирании и утверждение в благодати приводит к постижению истины, которая освобождает человека и дарует ему единение со Христом. Такое единение суть бессмертие и обожение души человеческой и есть духовная жизнь. Поэтому смысл человеческого существования состоит в стяжании Божественной благодати и в ее максимальном возрастании.

П. Как вести духовную жизнь?

М. В целом, духовную жизнь можно разделить на два основных этапа. На первом этапе стягается дисциплина тела и в покаянной молитве достигается сосредоточение ума. Самоотверженное молитвенное покаяние очищает все глубины нашей души, а чистосердечная исповедь проникает в самые истоки нашего греха. На втором этапе совершается единение ума с сердцем и происходит обретение благодатной интуиции, что называется водительством Духа Божия и представляет собой полноту христианского совершенства и спасения во Христе.

За огромным конусом вершины увядает огнистым маковым цветком долгий летний день. Над мгlistой тускло-зелёной глубиной ущелий вспухают хрупкие яркие звёзды. Пронзительно синяя, отчетливо-резкая линия морского горизонта унизана прозрачно-туманными гребнями островов: одна гора зовёт другую, а та - третью, пока все не скроется в вишнёвом зареве торопливого заката. В непролазной «живодёрне» колючих дебрей средиземноморского дуба гомонят шумливые сойки, с моря рвёт душу стонущий крик чем-то встревоженных чаек. Отчаянно алая полоса зарницы тускнеет на глазах. Куда ни посмотри - чистая, неповторимая и совершенная красота мира, но такая хрупкая, что ясно и отчётливо понимаешь: поистине, живой Бог в живом сердце дороже всего!

Тетрадь вторая. Пароль вечности

«И возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» 1Ин.16:22

Ночная, нетронутая ни человеком, ни зверем, дремлет чёрная целина ночи в тяжелых низких тучах. Далеко, будто волчьи настороженные глаза - цепочка огней сухогруза, словно подвешенного в тёмном просторе без неба и земли. В поющем ветре с моря - запах соли и сосен. Один Бог, один дух, одна безмолвная молчаливая благодать - и все это вмещается в одной неподвижной и таинственно живой беспредельной глубине того, что называется душой.

На цепких колючих скалах, где светлым лоскутом прицепилась моя палатка, неясными образами ум по привычке пытается убежать в прошлое. Не тем жаль прошлое, что оно исчезло цветным обманом, а тем, что душа не смогла разгадать его нехитрую загадку чуть-чуть пораньше. Слишком сильна юношеская одурь, незаметно подкрепляемая лукавым злом бесшабашного задора и самоуверенности, которой море по колено. Детство поймано яркой радугой безопасности, юность уловлена женской притягательной красотой, зрелость повязана изнурительной работой, а старость закована безволием и дряхлостью души. И спасение детства в том, чтобы слышать слово Божие, юности - поверить в силу чистоты души и целомудрия, зрелости - понять безстрашие отрешенности от суеты, а старости - постичь мудрость благодати и преобразить греховный ум - «ветхого нашего человека»(Рим.6:6), дабы войти в новую нескончаемую жизнь.

Этот мир - целиком относительный уровень, то есть мир лжи. Мир Божий - абсолютный

уровень или мир истины. На относительном уровне - нескончаемая жестокая борьба за выживание, на абсолютном уровне - безмятежный, блаженный покой духа. В относительном мире - необходимо победить всех, чтобы стать первым и властвовать над другими, как тщеславное исчадие ада. В абсолютном мире - нужно отречься от себя, стать ниже всех и служить всем, подобно Христу, чтобы победить греховный ум с его «страстями и похотями»(Гал.5:24). И мир Божий, поскольку он есть мир правды, ибо в нем везде и всюду пребывает Христос, без борьбы побеждает мир лжи, который в истине не стоит, «ибо нет в нем истины»(Ин.8:44).

Мирская грязь рождает князей мира сего, а детская чистота сердца- птиц Небесных, чья родина - дух Божий. Каждый ребёнок - это надежда человечества на то, что Бог по-прежнему любит людей, когда люди уже перестали любить Бога. Проходит детство и все повторяется - мир снова и снова предаёт человека. Не то плохо, что нас предали, а плохо постоянно помнить об этом. Сердце другого человека только кажется отдельным, но в жизни все сердца - одно, ибо они живут лишь любовью, поскольку такова воля Божия: «Да будут все едино»(Ин.17:21) в Любви Христовой.

Любящий Господа Иисуса любит и Церковь Его, в Которой учится любить и своего ближнего, включая его в свою жизнь, сострадая ему и жертвуя собой. Так поступал Христос, и так же учится поступать подлинный христианин, делаясь земным богом по благодати и являясь носителем и хранителем на земле Божественной любви. Это величайшее духовное богатство сокрыто в душе каждого христианина.

Быть единым со всеми значит принять в себя все людские страдания и пережить эти горести как свои, преобразив их молитвой в спасительную благодать, позабыв о собственных нуждах. Подобно тому, как Христос жил ради спасения всех людей, так настоящий христианин должен жить ради спасения ближних. Каждый несчастный - это частица нашего измученного скорбями сердца, всякий страдающий человек - неотделим от нашей любящей души и ее сострадания и любой грешный человек - это отражение нашего собственного греховного падения. Это есть неразрывная связь любви, в которой соединены души всех людей, живых и усопших. Это есть величайшее откровение Божие - человечество должно жить в Боге как один совершенный человек, уподобившись Христу по благодати Духа Святого.

Правда не боится большой лжи, она гибнет и подтачивается неправдой в малом. Малые дела и заботы незаметно съедают большую жизнь, так и не ставший глубокой и интересной. Суета - это словно засуха на пажитях души, ибо в суете никогда не прольётся на нее дождь благодати. Без суеты душа светла и прозрачна, будто золотой осенний лес, пронизанный солнечной тишиной. Мелочность и суета повседневности дробят время жизни на осколки усталости и душевной пустоты. Обильный ливень затапливает луга, но в бутылочное горлышко попадает лишь несколько дождевых капель.

Уникальность каждой жизни подрывает любую человеческую теорию. Лжебогословие - это мёртвые горы научной эрудиции, где нет ни грамма благодати. Логика является извращением милосердной и сострадательной Божественной правды под личиной справедливости, поэтому логика не знает покаяния и прощения. Духовное рассуждение - это не логика, это интуиция духа.

Вера - это не убеждения, подкреплённые цитатами, а действительное пробуждение души, постигшей в себе Бога, ощутившей, что она едина даже с теми страдальцами, которые по своему неведению далеки от Церкви и находятся вне ее. Такие люди также нуждаются в нашей молитве, чтобы обрести им разум и прийти ко Христу, ибо милостив Господь, «Который посылает дождь на праведных и неправедных»(Мф.5:45). Терпение - это зародыш подлинной любви, ибо подлинная Божественная любовь

всегда терпелива. Так она приходит к блаженному безстрастию.

Псевдоглубина богословских изысканий, рождённых из умственных упражнений, приводит к полному краху спасения безвольной души, которой нисколько не помогают её знания. Суметь отрешиться от повседневности значит преодолеть в себе мёртвый ужас ветхого человека. Каждая душа хочет жить своё собственное мгновение жизни, а Бог призывает ее быть самой вечностью. Солнечный луч, проглянувший светлой радугой сквозь облака, сочащиеся дождём, напоминает о благодати, проникшей в сердце сквозь краткий промежуток в тучах помышлений.

Каждое прекрасное событие - это намек душе о Боге. Слова необходимы для устремлённости к общению с Богом, но для самого общения, когда оно уже наступило, они - словно словесная тля, пожирающая самый цвет радости. Благодатная полнота души, обретшей Бога, отражается даже в мелочах, делая их неповторимыми символами Богообщения.

Самые нужные слова - это те, которые душа вынашивала долгое время, пока их не родили уста и язык, а сердце не придало им смысл. Наилучшее общение не с теми, кто умён и красноречив, а кто мудр и благодатен. Такие встречи подобны радости от нежного благоухания цветущего яблоневого сада.

Внутренняя тишина становится светлее, когда сердца ощущает жалость и нежность ко всему живому. Невыразимое всегда непередаваемо, но лишь в благодати оно становится настолько ошеломляюще ощутимым, что от этого перехватывает дыхание. Посещения благодатного счастья всегда изумительны полнотой своей непостижимой радости пребывания души в Боге. Ум засоряется помышлениями, а душа замусоривается страстями, и только сердце ослепительно прекрасно своим тихим светом немеркнувший благодати Божией.

В «церковности» и законничестве души нет ни мира, ни тишины, а если их нет, то в душе нет и Бога, нет тайного света Его кроткой и смиренной любви. Всё непостижимое и возвышенное - сложно для низкой души, желающей убрать всякие сложности из своей жизни. Для такой души свобода во Христе - самое пугающее известие.

Ненужного в душе накоплено столь много, что за ним не видно самой жизни. А самое нужное лежит глубоко на донышке души - для чего я живу и почему?

Живое слово важнее написанного и очень жаль, что от людей остаются только написанные слова. Самые лучшие доводы не убеждают душу, ее убеждает только благодать. Пока святые достигает святости, негодяи овладевают миром, а преступники дают ему законы. И, тем не менее, святость останавливает негодяев и связывает руки преступникам, ибо она - самое лучшее, что вышло из мира и стало миром иным. Имя этой святости - смирение.

Начало дождя, начало весны, начало детства - всегда смиренно. И подспудно - невероятная реальность нашего духа, неизменно текущего через все явления, из которых каждое - прекрасно. Не потому ли прекрасно всё, имеющее на себе печать этого духа? Только там, где жизнь совершенно смиренна, проста и тиха, происходит самое великое чудо всего человечества - Богоявление в смиренной душе в видении не вечернего света Царства Божия.

Все жизнь целиком - один длящийся момент и ничего более. Но этот момент ценен тем, что в нем совершается великое событие во всей вселенной: рождение в Духе Святом сынов человеческих для жизни вечной, которая предназначена служить тем, кто познал истину, а неродившиеся в благодати и оставшиеся мертвыми духом полностью теряют эту вечность, по своему неведению увлечьшись ложным знанием. Псевдознание - это всякое знание слов о Боге. Истинное знание - это постижение Самого Бога. Божественная дверь открывается вовнутрь, а мы тщетно тянем ее на

себя.

Мир здравого смысла стоит на фундаменте абсурда, ибо все в мире поражено смертью. Сыны смерти живут здравым смыслом, сыны бессмертия живут благодатной верой. Рационализм и рассудочность в Православной вере для благодати - словно дорожный каток против ромашки, которая, однако, пробивает даже асфальт. Счастье - это ясность общения с Богом, где не требуется никаких слов. Молитва к Богу без слов - это непреходящее счастье. Улетевшее, словно приснившееся, земное «счастье» подобно детскому смеху, прозвучавшему утром и испарившемуся на закате. Утешительна радость на исходе прожитых лет открытия подлинного счастья - бессмертия человеческого духа во Христе.

Любое мгновение жизни - это безмолвное слово ее Творца. Как удивительно точно мельчайший штрих мгновенного бытия обращает душу внутрь, к духовному озарению тихим сиянием Бога в беспредельных недрах нашего сознания. Всякий образ напоминает о Боге, каждый помысл зовёт к Нему. Вечная жизнь начинается не потом, после смерти, а прямо сейчас. Она живет в нас, как бессмертный дух, в сиянии вечной Божественной благодати. Поэтому единственный и достоверный смысл нашего пребывания в этом мимолетном мире - постижение этой непреходящей Истины. Мир предлагает человеку только небытие, Бог предлагает душе жизнь безконечную. Всё, что уничтожает в душе детство, которое непосредственно ощущает в себе вечность, - это лжерелигия, приводящая к «износу души» и ее старению. «Будьте, как дети»(Мф.18:3) - это пароль вечности, данный нам Христом. Взрослые не могут быть подлинно серьезными, потому что они мертвы духом и часто весь смысл их жизни в том, чтобы ненавидеть других. Похоть убивает в них детство. Только дети истинно серьезны, потому что ощутимо носят в себе безконечность Бога.

Юность - это тяжелое расставание с детством, потому что связано с его убийством в своей душе. Кто может вернуться в детство из взрослой жизни, тот свят, а кто вернулся к Богу и соединился с Ним - блажен. Детство, когда оно неиспорчено, совершенно правдиво. Ложь появляется в юности, как отпадение от детства. Взрослый человек, если он без Бога и без детства - преступен.

Детство полно любви, оно - как лучезарное летнее утро, которое заглянуло в твоё окно. А потом дожди, слякоть и холод взрослого осеннего одиночества. И только то одиночество, которое становится уединением в Боге - поистине прекрасно! К святости никого не тянут, к ней нужно идти своими ногами.

Безблагодатная засуха души в период взрослых исканий - самая тяжелая пора для сомневающегося во всём сердца. А потом сияющая голубизна душевного небосвода с первыми каплями благодати, и первый комок в горле от неожиданной простоты Божьего чуда, чуда Его благодати - это тоже пароль вечности.

Поистине, дух человеческий, который способен вместить Бога, не может расшириться без уединения, но становится беспредельным лишь когда останется наедине с самим собой. Мелкие заботы и попечения засыпают душу так же, как пыль и песок засыпали древние города. Не прости свою юность, чтобы воспоминания о ней не стали кошмаром в старости. Убивающие время убивают собственную жизнь.

Ликующая радость свободного бытия посещает душу в отсутствии пошлых мыслей и в ослепительной чистоте пробуждающегося в Божественной благодати духа, разрушая все сомнения: «Как это человек может быть рождён ещё раз, когда он уже стар?»(Ин.3:4). Прекрасна радость во Христе - вечная спутница благодати, только с ней может воскликнуть душа - старость, где твоё жало? Дряхлость - где твоё поражение? «Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь»(Флп.4:4), ибо вы стяжали «мир Божий, который превыше всякого ума»(Флп.4:7) - потрясающе прекрасный мир

покоя Божия, которым невозможно не радоваться, потому что умолкло всякое умствование при его появлении. Любая религия - это обещание человеку, что она когда-нибудь принесёт ему избавление от страданий, и только христианство делает человека совершенным и счастливым прямо здесь и сейчас - в святой радости Христовой благодати.

В светлый праздник благодатного преобразования души мелкие искушения - как мелкие осколки стекла на полу: подобные жизненные мелочи так же ранят и режут душу. Только безстрастие и отрешенность делают жизнь светлой и безоблачной. Все что нужно душе, уму и сердцу - это благодать и только дух можете сохранить ее, ибо он не от мира сего.

«Горе имеем сердца» - призыв Церкви ко всем христианам через безстрастие к земному войти и удержаться в Небесном. Глухая душа не слышит Бога, но с удовольствием слушает надоедливый шум мира сего. Эта духовная глухота исцеляется только скорбями. Тот, кто познал Бога, находит в Нем полную свободу, но человека освобождает не эта найденная свобода - его освобождает истина.

В ней нет никакой разделенности, так же как для сердец, познавших эту святую истину, нет никаких расстояний и преград. Во Христе мы начинаем жить вместе одним единым духом и наши сердца делаются одним большим благодатным сердцем. Это есть новая жизнь в Духе Святом, где не существует греха, а потому не существует и смерти: «Кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек»(Ин.8:52). Так спасается всякая душа, так во Христе всякий человек становится вечным. Умерев для страстей, человек начинает жить для вечности. Это благодатное преобразование неуничтожимо и оно полностью изменяет человека, делая его вечным и бессмертным.

Всезнание свойственно горделивому и кичливому уму, а духу принадлежит прозрение в Истину. «Проходит образ мира сего»(1Кор.7:31), но, проходя, он безжалостно затягивает душу в свои страшные жернова, ибо «во зле лежит» и живет мстительностью и злобой. «Я есть плоть» - это привычное ложное представление греховного ума и потому является самым мучительным из всех понятий. Дух не говорит «я есть дух», но просто берет свой крест и следует за Христом. И этот крест становится радостью безграничного спасения духа, поэтому в христианстве нет тупиков.

Понимать на земле нечего, кроме своего греха, того, который есть «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская»(1Ин.2:16). Преобразить тленное и преходящее в нетленное и вечное - именно это постичь нелегко, чтобы спастись через это постижение, но «Богу же все возможно»(Мф.19:26). Дьявол может нанести лукавый удар по написанным словам, но боговдохновенную идею убить он не в силах. С этой одухотворяющей идеей, приняв Духа Божия, человек молится о всех людях и все они молятся о нем, а воедино - о всей Церкви Христовой.

Если хоть одна душа на земле познала и возлюбила Христа, она становится прямо здесь частицей Небесного рая, неподвластного греху и смерти. То, что может сделать один человек, смогут совершить и остальные. Так начинается свобода, так совершается Спасение, в котором все души становятся едины в Божественной любви, подобно Святой Троице. Эта новая жизнь исполнена нескончаемой радости, потому что она есть свет невечерний и подлинное воскресение духа. Пребывая во Христе, мы ещё на земле встречаемся с Царством Божиим, на собственном опыте постигая: «Царствие Божие внутрь вас есть»(Лк.17:21).

Самолюбие самонадеянно и болтливо, а самоотречение и безстрастие молча следуют за Христом. Мирское знание убивает мудрость, которая мудра Богом, ибо является любовью, и все же врата злобного ада не могут одолеть ее. Научное богословие,

сделав опорой разум, по сути утратило Бога, приняв богом греховный ум. Поэтому так невозможно найти душе благодать в так называемых научных «богословских» текстах. Бог входит в душу не через схоластическое научное богословие, но через Богопостижение, просветляя ее разумение светом Царства Небесного, отвергая никчемные знания мира сего. Мы приносим Богу свое покаяние, а Он обращает его в мудрость благодати, вместе с которой к нам приходит настоящая радость.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как возникает грех?

Монах. Когда в уме появляется помысл об наслаждении в еде, возникает страсть чревоугодия. Окрепшее в чревоугодии тело начинает желать плотских наслаждений. Когда в уме возникает помысл о наслаждении похотью, появляется страсть блуда. Эта страсть умервщляет душу, которая начинает считать деньги источником жизни. Когда в уме появляется помысл о стяжании богатства, возникает страсть сребролюбия. Появляются деньги и появляются желающие их отобрать. Когда в уме возникает помысл ярости, появляется страсть гнева. Гнев разрушает душу до основания. Когда в уме возникает помысл огорчения, появляется страсть печали. В этой страсти теряется смысл жизни. Когда в уме возникает помысл отчаяния, появляется страсть уныния. Собрав все силы, душа устремляется обрести наслаждение в обретении власти над людьми и известности. Когда в уме возникает помысл славы, появляется страсть тщеславия. Добившись славы, душа становится высокомерной и чванливой. Когда возникает помысл презрения к ближним, появляется страсть гордости.

П. Каким образом я могу преодолеть эти страсти и помыслы?

М. Если ты с помощью покаянной молитвы и безстрастия отречешься от подобных мыслей, благодать начнёт пребывать в твоём сердце и страсти покинут его. Когда ты на своём опыте постигнешь это и утвердишься в постоянной молитве, чтобы не допускать подобных греховных помыслов и страстей, то мир перестанет удерживать тебя, а ты будешь свободен от мира. Почему? Потому что благодать Духа Святого утвердит тебя в духе, в котором будет вразумлять тебя и хранить. Ты должен постичь свой собственный дух, в котором обретешь Христа и совершенную свободу от греха и смерти.

П. Что такое истинное покаяние?

М. Истинное покаяние - это глубокое изучение в молитвенном сосредоточении скрытых действий нашего ума и решительное изменение их с помощью благодати. Если корень дерева неглубок, то и верхушка его невысока. Если смирение мелко, то и покаяние неглубоко. Сделай свое прошлое причиной для сугубого покаяния, а настоящее - основой для действительного спасения в свободе Духа Божия.

П. Что нужно сделать для обретения такой свободы?

М. Старайся ни к чему не привязываться в этом мире, даже к пустой соломинке, чтобы она не стала бревном в твоём оке и не лишила тебя духовного зрения. Деньги - это просто бумага, а добрые поступки людей - это драгоценное золото. Всегда и всюду всем соблазнам мира предпочитай спасение души. Если можешь удержать ум в сердце, то в нём увидишь свет Христов, в котором ты обретешь непрестанную молитву и Богосозерцание. Тогда Христос станет твоим сердцем, а сердце - Христом. Тот, кто стяжет великую милость Божию в смирении и благоговении, тут же обретёт Спасение в любви Христовой. Он соединится со Христом и через Него со всей Святой Троицей. Тогда слово Божие вселится в него со всей его премудростью, даруя ему духовное рассуждение.

Самые изумительные дни и ночи - ношение внутри Христовой благодати, с которой душа не хочет расставаться. Проснулся рано, когда небо ещё исчерно-синее. На

каменных плечах горы белыми клоками лежат неподвижные жгуты тумана. Робкий сполох зари на глазах раздался в ширину и метнулся выше - пшеничного цвета лучи задрожали на шевелящихся ветках корявых сосен. Задымились тонким паром острые плиты зарумянившихся скал. «Цзвинь! Цвинь!» - воробьиным голосом позвало свежее радостное утро. Здравствуй, новый день молитвы и нескончаемых уроков познания присутствия Божия в каждом дыхании необыкновенно прекрасной и благодатной жизни!

Тетрадь третья. Скрытое неверие

«Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» 1Кор.6:12

Большеглазая заря заглянула в палатку: пепельно-сизые облака тают над горизонтом. На самом краю пушистого облачка мерцает синей крапинкой последняя, неуспевшая скрыться ночная звезда. В непроглядном изумрудном подлеске неистовствует соловьиная трель. Зарево восхода отражается в мириадах крошечных зеркал - дрожащих каплях росы. Истомившаяся по обильному летнему ливню заблудилась среди камней чёрная зелень стеблей осоки. Далеко вверху течёт дымчатая струя от беззвучно летящего самолета. Если широко раскинуть руки, кажется что можно достать ими до горизонта. Муравьиная дорожка под ногами течёт к далеким островам. Ясность духа свободно дышит безмятежностью собственных просторов.

Тот, кто не практикует постижение истины, далеко отклоняется от собственного духа и благодати, занимаясь чем угодно, что льстит его самолюбию и удовлетворяет тщеславию. Если навоз всплыл наверх, ему уже некуда спрятаются. Фальшь всегда чувствуется по скрытой гордыне. Простоте нечего скрывать, ибо она прозрачна до самых Божественных глубин своего бытия. Таинство искреннего покаяния делает душу человеческую чистой и прозрачной для прихода благодати.

Настоящий духовник помогает спасению души, но не погружает её в мир забот и попечений, где она мечтает устроить себе безопасное убежище. Старец - тот, кто отвергся себя, лжестарец, как обычно, - властолюбец. Лжедуховность всегда самодовольна и лицемерна, истинная духовность - покаянна и мудра, она трогательна своей незащищённостью, ибо защищена не своими силами, но силой смирения Христова.

Почему мимолётно все, что связано со временем? Потому что за ним, подспудно, сквозит иная реальность, в которой ничего не меняется, и душе, несмотря на страшное испытание ее временем, отрадно, что дух причастен этой иной реальности, не подвластной никакому времени.

В период болезни смерть безжалостно касается нас и от того все в душе замирает - торжественно и страшно. Но исцеление от болезни подобно пробуждению и воскрешению: все в нас светло и пасхально. Тогда болезнь перестает пугать душу, ибо приводит ее к пробуждению и покаянию. Чем нам страшна смерть? Своей тьмой, в которую не желает идти душа. Но когда смерть побеждена и вырвана её жало тьмы, то дух жаждет перейти в свет Истины, Которая освящает человека. Человек не хочет расставаться с этим Небесным светом, а близкие с великой жалостью призывают душу вернуться к ним обратно, в их тьму.

Христиане, жаждущие погрузиться в политику, клевету и слухи, не поняли Христа, оставшись соляными столбами в своих закосневших страстях. Но даже подобных людей по временам посещает острое чувство того, что личность вневременна, и их больно жалит горькое сожаление о том времени, которое потрачено зря, оставив их

собственную окаменевшую душу вне всякого постижения. Как осенью небо видится огромнее и дальше, а летом - ближе и роднее, так в старости Бог видится непостижимо запредельным, а в детстве таким близким и родным, словно Он Сам - ребёнок. Самое неуловимое и таинственное в Православии - благодать, все остальное уже успело заковать себя в схемы и определения. И, тем не менее, за каждым человеком позади - детство, а впереди то, что было прежде детства - беспредельная вечность. Для книжного богословия нет тайн, а в непостижимом и прекрасном Боге тайна остается неприкосновенной и с этой тайной никто и ничего не может поделаться. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» - сердце щемит от уходящей «раненой красоты» земных идеалов и как одухотворяет его ожидание воскрешения мёртвой души благодатью для осязаемо блаженной реальности Божественного бытия, нескончаемого бытия во Христе!

Нет ничего реальнее христианства, но если оставить в нем только приземленность и повседневность, где будет тогда это: «Иже везде сый и вся исполняяй» - то, что не слышало ухо и не видело око? Отойти от формы и начать жить сутью - это самое важное в христианстве, ибо суть его - любовь. Чем сатана подгоняет людей? Скукой повседневности. А Бог привлекает душу любовью, истоки которой - бессмертный покой вечности, ибо такой благодатный покой есть победа над всякой скукой и обыденностью, победа над самой смертью.

Война - это конец жизни. Но и «прочный мир» - тоже конец. Стяжать тот мир, который не от мира сего - это отвержение земного существования целиком и полностью, ради преображения во Святом Духе. Тишина любит одиночество, а безмолвие созвучнее уединению. Как ослепительно белые чайки только подчёркивают изумительный синий цвет морской глади, так многозначность духовных созерцаний только подчёркивает глубинную молчаливость человеческого духа.

И ум, и интеллект мертвы, а «дух дышит, где хочет»(Ин.3:18). Ни ум, ни интеллект не могут преодолеть «тусклую, безрадостную путаницу» повседневности. Помыслы - это колючая проволока, оплетающая мозги и сердце человека, лишая его свободы. Воспоминания - это кандалы, мечтания - темница разума. Дух же неведимо проходит сквозь все преграды, ни в чем не меняя своей мудрой отрешенности от всех земных интересов.

Приехал как-то на Афон учёный католик, религиовед из Италии. Он рассказал об одной встрече на учёной конференции в папской курии. В перерыве в частной беседе за чашкой кофе между епископами зашёл разговор об искупительной жертве Христа на кресте. И наш религиовед позволил себе высказать своё соображение по поводу соотносённости жертвенной крестной смерти Спасителя и жизни всякого христианина, если он действительно следует за Христом. Один из иерархов осторожно поставил чашечку с кофе на столик и недоуменно взглянул на ученого:

- Неужели вы серьёзно думаете, что Христос существовал?

После этого религиовед-итальянец оставил курию и стал ездить на Афон, о котором издал ряд глубоких исследовательских работ.

Пусто без Бога в человеческом сердце, ибо оно сдружилось с пустотой мира сего. Здоровая душа - это всегда благодатная душа. Поэтому так жадно она стремится соединить себя с полнотой благодати живой и горячей Божественной любви. От мирской жизни, с упоением и влюблённостью в неё, остается мучительный привкус дешёвого прозябания, ведь ничего, кроме горького привкуса, от неё не остается. Отсутствие любви создаёт в жизни человека множество непреодолимых препятствий. Вечную жизнь невозможно жить с земной упоенностью и влюблённостью, она слишком грандиозна для этого, ибо создана для вечной любви.

Быть частично свободным в этой жизни невозможно: всё или ничего. Если «все», тогда эта свобода должно быть абсолютна, как абсолютно свободен Бог. Поэтому богоподобие не роскошь, а средство спасения, с благодатными дарами Святого Духа: «...любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание»(Гал.22-23). Неистребимая жажда счастья - залог спасения не в чувстве первозданной красоты мира, а в полноте познания изначальной истины, создавший мир и нас в этом мире.

У каждого человека - иное солнце, иной ум и иное мышление, совершенно отличные от других таких же, как он, людей. И в тоже самое время - один дух, одна благодать, один Отец Небесный: насколько общее важнее частного! Можно умереть при свете солнечном, но при свете Царства Божия - никогда. Христос всегда первым выходит навстречу упавшим, нам остаётся только подать Ему руку, чтобы Он вывел нас к Своему нетленному свету. Что нас привлекает в Христе? Его удивительная святая любовь. Почему любовь так дорога для каждой души? Потому что она своей радостью преображает душу человека.

Всё, что оставляет человека в трудные минуты, то, что считается отличительными качествами его личности: переживания, страсти, размышления, вдохновение - ложно, и от этого больно жить осознанием такого чудовищного предательства земного существования. Однако, даже в самые сложные мгновения, интуиция ни разу не покинула никого и никогда: таково удивительное свойство и достоинство духа человеческого! Наша жизнь возможна только в жизни Бога, ибо Он дает нам жить Его собственной жизнью. Жизнь Бога - это вечная радость Христова: «Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенной»(1Ин.16:24). Всякая остальная жизнь «в миру» - бессмысленна без жизни Бога в нас самих.

Власть над людьми рождается из дьявольской власти над душой человека. Смирная душа служит людям, а не властвует над ними, именно поэтому она избегает всякой власти. Зачем ей власть, если она живет сладчайшим Христовым блаженством? Самые красивые и мудрые люди из всех людей те, которые не развратили себя властью. Для жизни в миру отрешённость - несомненная ценность, для духовной жизни наиболее ценна отречённость от мира. Всякое преодоленное искушение приносит душе благодать, питающую сердце своей «тихой сладостью».

Как ни оправдывай «свой дом», но совершенная жизнь в вечности Бога, по сути, бездомна, так же, как жизнь Самого Христа, Который всюду был «дома» - во вселенском доме Отца Своего. Когда подлинное Православие все в прошлом, оно становится нестрашным. Но живое истинное Православие страшно мёртвой душе тем, что «дружба с миром есть вражда против Бога»(Иак.4:4). Поэтому такой страх есть скрытое неверие.

Интеллигенция растворила христианство в учености и неверии, живую веру умертвило буквой, а народ остался в обрядоверии и язычестве. Страх учёности пред созерцательным практическим Богословием - абсолютная невозможность вместить его и усвоить в окаменевших сердцах и окостеневших душах, «за чаем со сдобными булочками». О наукообразности «богословских» текстов красноречиво говорит известный нам небольшой эпизод из жизни одного соискателя на кандидатскую степень, когда он принёс свою работу профессору-рецензенту:

- Мало научной терминологии! Слишком понятно... - сделал замечание рецензент.

Вспоминается при этом подобный эпизод, рассказанный на Афоне российским ученым-лингвистом о встрече с известным московским патрологом. Речь зашла о глубине богословской мысли в трудах прп. Максима Исповедника. В ответ на слова лингвиста о том, что подобные глубины до некоторой степени возможно постичь лишь опытом

собственной духовной жизни, патролог иронично заметил:

- Это всего лишь интеллектуальные забавы и не более того! Как можно всем этим жить в наше время?

Такое двойное восприятие, целиком отделяющее богословие от духовной жизни, напоминает о советском периоде, когда можно было рассуждать о коммунизме, но жить по его меркам совершенно не требовалось. Подобные параллели заставляют глубоко задуматься...

Церковь готовит и ведёт душу к познанию Истины-Христа и через Него - Пресвятой Троицы. Но познать Истину каждая душа должна наедине, лицом к лицу с Богом, укрепляемая Святым Духом. Истинная вера - это ясность всего, с чем она соприкасается и чем живёт. Суть веры - соединение со Христом. Завершение такой веры - чистота святости Истины, создавшей в душе свою обитель и сотворившей ее обителью любви.

Душа временами устаёт от повседневности, бредя которой, словно на заклинание, вдруг однажды поднимет глаза, а над ней - грандиозный закат в полнеба, как будто у нее «слепые впадины наполнились глазами», и в этом вечном чуде она ощущает избыток радости, который изливается в душу без всякой меры. Такая радость - дар Христов. И всё это тоже - начало общения с Человеколюбивым Богом.

Сострадание к бытию возможно только из блаженства уединения, как желание все принять и простить. Самый лучшее приобретение в жизни - возвышенная спасительная идея, которая помогает человеку не только остаться человеком, но и стать подобным Христу, истинному Богочеловеку. Жизнь - это радостная любовь ко всему живому, в которой мы встречаемся со Христом.

Многие спрашивали Господа о пути, но в путь отправились немногие, и совсем редкие дошли до конца. И все же те, которые дошли, вселили великую надежду в оставшихся: «Они не от мира, как и Я не от мира»(Ин.17:14). Как следовать этим словам Христа? Иначе говоря, как жить в мире сем, но будучи не от мира сего? Единственно верным способом - владея своим умом, не позволять ему цепляться в мире даже за горчичное зерно, сердцем живя в Том, Кто не от мира сего: «Всю жизнь нашу Христу Богу предадим»!

Постоянная затравленность души суетой - прозябание в городе. Безпрерывная озабоченность зарабатывать на хлеб насущный - проживание в деревне. Неукротимое нашествие помыслов и воспоминаний - жизнь в уединении. И после этого - новая жизнь в благодати Святого Духа, словно вздох облегчения. Никогда не теряй детской легкости души, которая замутняется земными привязанностями и помышлениями. Всякий день, не отданный спасению, становится временем, потраченным впустую. Однако, сознавая собственную греховность, христианин не отчаивается, но укрепляется и обновляется надеждой, что любовь Христова непременно ждёт его на земном пути.

Человек смотрит в окно на сияющий полдень и неожиданно для него не этот удивительный, обласканный солнцем день становится важен для его души, а то невыразимо волнующее движение в глубине его духа, исполненное спокойной и безмятежной, даже несколько отстраненной Любви, которая и создала для него и для всех этот неискажённый грехом промежуток вечности. Это есть сладостные мгновения благодарной любви к Господу, которые делают ценной всякую жизнь человеческую. Во имя красоты никого не посадишь в тюрьму, а во имя человеческого идола «справедливости» государству можно даже убить любого человека и многие народы. Вне Церкви нет христианства, внутри религии нет свободы во Христе. Не выходя из Церкви, обрети в духе огонь Христов: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как

желал бы, чтобы он уже разгорелся»(Лк.12:49) - и для этого необходима всего лишь наша решимость.

Как ни сильна тьма мира сего, а у Бога по-прежнему в этом искаженном грехом мире много простых, верных Ему людей, истинной соли земли, ибо «соль добрая вещь»(Мк.9:50). Смиряющие других - таких множество, а милующих и сострадающих ищем по сей день, ибо их место не на этой земле. Христианство призывает «полюбить», мудрецы убеждают «понять», а Христос открывает всем: «Я и Отец - одно»(Ин.10:30), ибо Он - повсюду.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как прийти к Богопознанию?

Монах. Без покаяния невозможно никакое Богопознание. А поскольку без постижения Бога вся жизнь становится ошибкой и полным заблуждением, то лишь покаянием можно избавиться от этого порока неведения. Поэтому, не доверяя себе и отвергнув себя в покаянии, только так мы можем приблизиться к постижению Бога.

П. Что же нужно для иметь для такого постижения?

М. Конечно, в первую очередь, - глубокое и самоотверженное покаяние, полное изменение собственной жизни, когда мы уже никогда не возвращаемся к прежнему образу действий. Для этого необходимо иметь отречение от всех привязанностей к мирским страстям и преодолеть всякую зависимость от жизненных условий. Лишь в уединении рождается подлинная способность распознавания истинного от ложного, благодати от лукавого возбуждения, мирности духа от сомнений ума и его коварных помыслов. Затем, мы приходим к стяжанию непрестанной молитвы, которая дарует душе духовное рассуждение. Именно оно приводит к подлинному Богопостижению.

П. Можно ли обрести духовный опыт, посещая известных старцев?

М. Посещая молитвенников и подвижников, ты наберёшься не только многочисленных сведений о духовной жизни, но и многих сомнений. Наш старец, архимандрит Кирилл, не препятствовал посещать тех отцов, которые имеют в себе слово Божие. Но он же ещё говорил, что тот, кто все это время постоянно будет подвизаться в спасении у одного духовника, приобретёт больше духовного опыта, чем бродя и расспрашивая о нём других. Когда наш старец был жив, то просто молча посидеть рядом с ним было лучше всяких слов и наставлений. Часто все эти странствия по святым мужам приводят лишь к досужей болтовне и пустым спорам. Православие - это высочайшее духовное искусство, но как у всякого искусства, у него есть подделки. Разумеющий да разумеет.

П. Как вы благословите, отче, можно ли мне спрашивать у вас духовного совета или же искать другого духовника?

М. Вникни в то, что подсказывает тебе твое сердце. Если оно чувствует, что ты нашел здесь родной дом, оставайся. Если нет, продолжай искать и найдёшь то, что тебе более подходит.

П. Часто ли я должен общаться с вами?

М. Суть спасения не в словах, а в силе постижения Бога внутри своего сердца, чтобы утвердиться в своем духе в благодати и соединиться там со Христом, пребывающим внутри него. Если ты практикуешь то, что тебе говорят, то для общения достаточно встречаться с наставником один раз в полгода. Ищи действительную опору в глубине собственного сердца. Твой дух не говорит тебе: «Смотри, я - твой дух». Ты должен отыскать его сам в молчании и безмолвии с помощью непрестанной молитвы.

П. По каким признакам я узнаю его?

М. Поскольку дух вне мира сего, он постоянно чист. Поскольку не запятнан грехами, он целомудрен. Поскольку не имеет ни помыслов, не страстей, он безмятежен. Поскольку

не гордится и не тщеславится, он смирен и кроток. Поскольку он за пределами слов и определений, он есть любовь и мудрость. Поскольку он не волнуется и не переживает, он бестрастен и безмятежен. Ум, душа и сердце изменяются, как им угодно, дух же всегда неизменен. Так ты опознаешь его. Если ты хочешь постичь в нем Христа, не лентяй, предайся молитвенной практике и созерцанию в безмолвии ума. Тогда, где бы ты не был, ты будешь пребывать в Истине.

П. Простите меня, но враг препятствует моим молитвенным занятиям. Я выслушал много лекций и проповедей о молитве и запутался еще больше. Что мне делать?

М. У того, кто не умеет обуздывать собственный ум и держать мысленную деятельность под контролем, его слова о молитве и покаянии - обычное пустословие. Развивай духовную рассудительность. Никогда не позволяй себе, чтобы тобой завладела хотя бы одна вещь, страсть или помысл, которые отдаляют тебя от Бога. Слабость и нерешительность не должны иметь место в твоей душе. Когда ты думаешь о чем-либо, то через мысли невольно впадаешь в привязанности. Помни, что пропуская помысл в ум, пропускаешь с ним и дьявола. Бесовское заблуждение - жить без цели спасения, забывая о стяжании благодати. Поставь внимание сторожем своему сердцу, а в руки дай ему меч молитвы, выкованный в огне духовного рассуждения.

Знай же, как только подумал об оставленном мире, провалился в ад по колена. Как только подумал о мирских богатствах, провалился по пояс. Как только подумал о гневе и ненависти мира сего, провалился по шею. Как только подумал о похотях земных, провалился с головой. Если решительно отвергнешь все это прямо сейчас, то освободишь свое сердце для Христовой благодати. Поэтому ключ спасения - во внимании, а именно, в том, куда мы это внимание направим. Если же мы отдадим Христу наше сердце, ум и все разумение, то кто помешает нам спастись?

Дождь лижет мокрым языком пожухлую, прижженную горячим жаром траву: кудрявый горец, подорожник, луговой с тоненькими стрелками щавель. На подрыснике - белые пятна морской соли, на спине кругами соль от пота, в полы набился придорожный песок. Теперь все это обильно полито цепкими, летящими наискось, струями быстрого шумного ливня. Из узких ущелий выползают, словно ощупывая скалы, мокрые пальцы тумана. Спускаюсь, скользя на замшелых камнях, вниз, к причалу.

Надеясь оторваться от грозы, ускоряю шаг. На западе громыхнула оранжевая молния. Витиевато змеясь, разодрала надвое темную лохматую тучу, ударила прямо в лес, за горой. На берег лениво напоздалая тень обложных низких туч. По широким узорным листьям дикого винограда восторженно зашелестели крупные горошины сорвавшегося с вершины ненастья. Над обрывом, точно жестикулируя, бьется кленовая ветка, стряхивая алмазные капли. Сухая скала широким навесом приютила мое промокшее тело. Согреваюсь молитвой, протягивая озябшими мокрыми пальцами теплые шерстяные чётки.

Тетрадь четвёртая. Жажда свободы

«Где Дух Господень, там свобода» 2Кор.3:17

Настоявшееся на щедрой синеве летнее радостное утро. В бетонный причал плеснуло водой от лихо причалившей лодки, поднявшей зелёной стеной блестящее ровное зеркало моря. В прозрачной глубине серебром вспыхивают косяки юрких мальков. Тугая волна бьет в лодку, заворачивая ее боком под внезапно налетевший шквал. Голоса людей на песчаной полосе прибоя слышатся, словно рядом. Поодаль, на обрывистом берегу чёрным узором впечаталась в облачную синь раскоряченными ветвями одинокая сосна. Белёные пятна рыбацких лодок почти неразличимы, словно

их всосало безбрежное море.

Острым носом наше суденышко легко режет хлопья сиреновой морской пены, поднятой пронёсшимся мимо катером. Крупные брызги, словно светлая фасоль, летят в лицо, с шипеньем падая в воду по обеим сторонам разрезаемой малахитовой глади. Солнце, застрявшее было в облаках над вершиной, теперь в полную силу обжигает лицо, другое солнце в воде слепит взор, заставляя прищуривать глаза. Невыразимое сияние каждого прожитого дня, крохи радостей простой жизни, крохи счастья со стола Господа...

Постоянная жажда свободы втайне присуща каждой душе, потому что в ней живёт Бог. И всегда остается выбор: или попытаться изменить под себя мир, или изменить свое отношение к миру, принять внешнюю несвободу как некоторую жизненную закономерность или спастись в истине, которая освобождает от рабства греха.

Изменяющие мир насилием, в конце концов, начинают убивать людей, а согласившиеся с несвободой духа убили себя. Изменить свое отношение к миру значит постичь, что дух человеческой от рождения и до телесной кончины живёт вне мира в свободе сынов Божиих. Жить духом - это распять в себе грех, а вместе с ним и личную смерть, чтобы духом бессмертно царствовать со Христом, Который не от мира сего. Только с Богом и в Боге заканчивается всякое одиночество. Лишь одна-единственная цель полностью спасительна - полюбить Христа и ближнего, как самого себя. Сам по себе человек всегда одинок, даже в толпе. Достаточно всего лишь возложить все попечения на Господа и ты спасён. Но люди предпочитают возлагать безчисленные заботы и попечения на самих себя. Бог ждёт от человека живого кроткого сердца, а человек постоянно предлагает Ему свой мертвый, коварный и лживый ум, всегда обманывающий всех и его самого. Поэтому Творец долго ждёт, когда появится среди людей такое сердце, которое отдаст Ему всего себя целиком, которое желает, чтобы все спаслись и обрели Царство Божие, дабы даровать этому верному сердцу всю полноту благодати и всё Своё Царство.

Истина создала мир, поэтому ничто от мира сего никоим образом не может сохранять или укреплять истину. Она живёт в полноте своей свободы и избыток этой полноты без меры дарит душам, жаждущим свободы в истине. Жизнь Христа проходит через каждое сердце, неважно знает оно это или нет. Христово Воскресение пребывает лишь в том сердце, которое воскресло вместе с воскресшим Богом. Такое сердце становится особым почитаемым местом для всех, кто стремится ко Христу и жаждет соединения с Ним.

Жизнь преизбыточествует благодатью, но эта благодать протекает мимо души, тщетно пытающейся вместить её в узкие рамки «молитвенного правила». Душа живая и любящая любит Бога всегда, а не только во время «правила». Она хранит живое присутствие Бога во всех своих делах. Бояться быть свободным во Христе - малодушие, удерживающее ум и душу в суете. Бояться пострадать за Христа - отсутствие мужественности, лишаящее радости такое сердце. Мужественное любящее сердце - всегда против рабства, ибо хочет жить истиной, которая освободит его навсегда. Оно жаждет принять страдания ради истины и претерпеть все несправедливости, чтобы жить со Христом.

Что такое духовное падение? Оставление Бога и падение души в житейские мелочи, на которые она разменивает свою вечность. Служение Богу и ближним - это ее выздоровление и возвращение к благодати Божией. Благодать Бога - это сплошной любящий свет, который хочет от нас тишины и покоя, ибо сам есть святая тишина и любящий покой благодати, освящающей душу. Христианство - единственное стяжание подлинного духовного воскресения, где Церковь являет собой объединение всех

жаждущих этого воскресения души в своем личном преодолении смерти.

Молодость - это острое чувство жизни, зрелость - горькие сомнения в её основах, старость - печальное чувство приближающегося конца. И только детство есть совершенно единение с неостановимым мгновением радостного и ликующего бытия. Блажен, кто ещё на земле открыл для себя в благодати беспредельные горизонты младенческой простоты и мудрой святости вечной Истины. Это иной мир, не соприкасающийся с миром суеты и жизненных треволнений, однако в нем нет равнодушия к ближнему, ибо он полон стремления утешать всех людей и помогать их спасению.

Жизнь дана каждому человеку для преодоления смерти, подобно тому, как её преодолел Сын Божий - Христос, а не для её торжества над бессильным и падшим человечеством. Смерть страшна лишь для «других», для тех, кто окружает её ложе. Для самого умирающего - это откровение новой жизни, со всеми её шокирующими узнаваниями и постижениями. Тот, кто уходит в новую жизнь с любовью ко Христу, блажен, ибо стяжал источник живой «воды, текущей в жизнь вечную»(Ин.4:13).

Царство Божие преображает греховную природу человека, но открывается нам через дух, ибо дух человеческий есть образ и подобие Духа Божия, Который есть начало и завершение всего: «Христос сегодня и вчера и во веки Тот же»(Евр.13:8). Когда человек вводится благодатью в дух, постигая пребывающего в нём Христа, все окружающее также испытывает преображение, великое или малое, в зависимости от степени приближения к такому преображенному духу. Малое становится великим, а великое - восстанавливает изначальное совершенство. И только когда ум, рассеявшись и увлечшись миром, ниспадает в мелочность повседневного существования, он мельчает сам и в месте с ним «мельчают» и душа, и сердце, отпадая от радости свободы в духе Христовом.

Единственная реальность - Бог, и христианство - единственно возможная подлинная встреча с этой реальностью. Всё остальное - неправда, все искажено, преувеличено, раздуто своей бесконечной ложью. Блаженство Бога - это абсолютная правда любви, к которой устремляется душа, понимая, что мелочное «счастье» и мелкая «любовь» - это малая правда, которая никогда и никого не привели к подлинному счастью и истинной любви, а потому не стоят в действительности и ломаного гроша.

Божественная Любовь созидает человека, влюбчивость разрушает его душу и сводит с ума. Страсть влюбленности доводит до полного отчаяния и гибели, любовь ко Христу не имеет предела в своей жизнеутверждающей благодати. Все, что внешне похоже на правду, никогда не является ею и не приносит никакой радости.

Цена всякого человека и его достоинство - в свободе преображенного духа, которая ничем и никем не может быть у него отнята. Христос открывает нам эту свободу, в которой только и возможна нескончаемая подлинная радость, изливаемая в сердца не религией, но Самим Христом. Многие в спасении начинаешь понимать, когда пытаешься помочь спастись другому. Помогая ближнему взойти на следующую небесную ступень, сам поднимаешься вместе с ним.

Христианство, как душа - светло и устремлено к небу. А религия - это небо, ставшее на земле плотью, инертной и неповоротливой. Религия страшится христианства и боится проникнуть в его суть, ибо для этого ей нужно отречься от себя. Христос живёт в каждой душе, но на каждую душу - толпа проповедников и богословов, оглушающая ее чутьё и интуицию. Удел таких внешне религиозных людей - эгоистическая замкнутость на самих себе, в противоположность открытости и устремленности к спасению подлинного христианского сердца.

Бог не становится миром и мир не делается Богом, но между ними есть связь, как

между солнцем и земной тенью. Без солнца нет тени, но его мы замечаем, когда видим тень. Вера - это живое присутствие Бога в нас самих, а религия - институт, узаконивающий Его присутствие. Поэтому духовные идеи никогда не втиснуть в мирское понимание, рабски зависящее от цитат. Чем больше мы любим Христа, тем больше жаждем Его любить, чтобы никогда с Ним не разлучаться. От мирских знаний душа увядает и мертвеет, а ненасытимо насыщаясь любовью ко Христу, она расцветает и делается юной и прекрасной, подобной ангелам.

В связи с этим приведем пример, как некий уважаемый профессор позволил себе категорическое высказывание о том, что если в изданных книгах нет цитат из трудов святителя Игнатия Брянчанинова, то такое издание свидетельствует о прелести. Действительно, трудно найти подобные цитаты в современных писаниях старца Иосифа Исихаста или в беседах прп. Паисия Святогорца. К тому же сам святитель напоминает: «Необходимо, чтобы чтению содействовало жительство: «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя»(Иак.1:22). «Во блаженном успении вечный покой» - воспевает Церковь над завершившими жизненный путь в благодати и отходящим на свою вечную родину, Царство Христово - вечное упокоение в неистощимом свете Святой Троицы от земных помыслов, страстей, желаний и заблуждений. Земля никогда не была и не будет нашей родиной: «Кто любит мир, в том нет любви Отчей»(1Ин.2:15). Небесная отчизна ожидает нас вместе с Возлюбленным Иисусом, дарующем утомленной и уставшей душе благодатный покой. Такое упокоение в покое Божиим стяжается всей нашей жизнью, обретшей вселение святой благодати и опытно познавшей и вместившей в себя Христа.

Церковь, как и совершенный духовник, должна приводит людей к единению со Христом, где «Христос посреди нас» - но не к религии, с её склоками, неурядицами и земными нестроениями. Не видеть Бога во всём и всюду и забыть о Нем - грех. Но не увидеть Бога в глубинах собственного духа и не стяжать единение с Ним в Духе Святом - трагедия. Отдать Христу собственную жизнь и вновь получить ее обновленной - величайшее благо. Божественная любовь - вечно жива, поэтому возлюбивший Бога преодолел смерть.

Порывы весеннего ветра, порывы юной души, порывы юности - оставайтесь там, где вы есть и такими, какие есть. Но прекраснее всего, как их завершение - безмятежность духа с тихими веяниями Небесного света. Между детством и старостью невозможно просунуть даже волосок, настолько все события сжаты в одно цельное и неразделимое мгновение! И во всём этом: «Сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное»(1Кор.15:44), и ещё: « Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное»(1Кор.15:46). Отдав себя Христовой любви, сердце жаждет и алчет отдавать ей себя снова и снова.

Возненавидев душу свою, со страстями и похотями, приходишь к духу. В духе обретаешь жизнь вечную, в том теле духовном, которое «восстает» из страстей и помышлений в свободу Царства Божия, где соединяешься навечно со Христом. Сам Господь желает, чтобы мы соединились с Ним, ибо только тогда Он сможет даровать нам всю Его блаженную безконечность. Религия устраивает человека, который желает обустроить в ней свою житейскую обывательскую нишу. Христос спасает душу, благодатью возводя ее до безстрастия к миру и преображая любовью для вечного жительства в Горнем Царстве - обители истины, ибо Он - истина.

Грустно: человек самоутверждается, обличая чужую неправду. Тем самым он невольно обличает и самого себя, не замечая этого. Уединение нуждается в особой поддержке от Бога, иначе оно станет ещё одной борьбой за выживание где бы то ни было: в лесу,

в горах, в пустыне. При этом значительно облегчает трудности уединенного существования поддержка единомышленников, близких по духу - это большое утешение для уединившейся души. Остальные, «сдавшиеся» миру, представляют собой печальное зрелище, и там повсюду - постоянные помехи и препятствия к спасению. Таких трудно поддерживать молитвой, а состояние их душ подобно зерну, которое толкут в ступе. И, тем не менее, и они также держат ту лестницу, по которой ты пытаешься забраться на Небо.

Блаженство радостного соперничества Богу, Который мягко и неназойливо пытается достучаться благодатью к сердцу и пробудить оцепеневший дух: «Се, стою у двери и стучу»(Откр.3:20) - и сострадание всему тому, в чем мучается и пытается созреть и осознать себя душа через Божественную близость в эти удивительные мгновения. Мы постоянно живём и движемся, словно плывём, в блаженстве иного мира, не замечая радости этого блаженства, отравленные земными помыслами и страстями.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, что такое духовное просвещение?

Монах. Духовное просвещение есть благодатное постижение свободы собственного духа, озарённого нетварным Божественным светом, и осознание того, что дух есть истинный образ и подобие Божие, нерушимая обитель Христа. Это постижение никто и никогда не сможет похитить у тебя, поэтому оно называется просвещением. Это есть благодатная мудрость, в которой исчезают все сомнения, это есть рождение во Христе нового человека, который сотворён Святой Троицей для Ее вечности. Это есть совершенная чистота преображенного сознания, озарённого сиянием Святого Духа, единого со Христом.

П. Этот дух изначально богоподобен или он становится таким, уподобляясь Христу?

М. Дух человеческий или сознание, пока действует греховный ум, скрыт под помыслами, словно уголь под пеплом. Когда ум умиротворен и обуздан молитвой, благодать Святого Духа пробуждает сознание и преображает его, делая его Хриstopодобным и свободным. Христос не становится сознанием, Он уже есть Божественное сознание, ибо вне Божественного сознания не может быть ничего.

П. Как же тогда преображенный дух человеческий видит мир и вселенную?

М. Он ясно видит, что они с самого начала были сотворены благим Творцом из ничего, как совершенное благо и такими остаются и донныне. Если же что-то происходит, то всё это является лишь единым Промыслом Божиим, а все остальное есть помыслы и суждения греховного неочищенного ума, который во всём видит лишь собственные грехи, а не Божественное благо. Такие умы подобны Евангельским детям, которые говорят: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали, мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали»(Мф.11:17).

П. Как же тогда спастись, если греховный ум вводит душу в полное заблуждение?

М. Если мы твёрдо усвоили, что греховный ум - корень заблуждения, тогда необходимо со всей решимостью отречься от страстей, отречься от помыслов, отречься от ума, отречься от своего сердца, отречься от своего неведения.

П. Что значит «отречься от страстей»?

М. Это значит жить миром души, храня его во всех обстоятельствах.

П. Что значит «отречься от помыслов»?

М. Это значит жить благодатью и пребывать в ней со вниманием и молитвой.

П. Что такое «отречься от ума»?

М. Это значит пребывать в совершенном безмыслии, то есть исихии, исполняя все Евангельские заповеди и бдительно наблюдая за своим умом. Все, чем человек является, есть то, на чем сосредоточено внимание его ума.

П. Что такое «отречься от своего сердца»?

М. Это значит жить без всякого эгоизма, предпочитая своей жизни жизнь ближнего. Человек лишается благодатного покровя, когда он пытается жить только эгоистическими целями.

П. Что такое «отречься от неведения»?

М. Это значит постичь свой дух или сознание и укорениться в нём с помощью непрестанной молитва и благодати, чтобы узреть Христа лицом к лицу не где-либо ещё, а прямо в глубине своего сознания. Просвещение благодатью приходит лишь после уничтожения нашего эгоизма и становится духовным постижением.

П. Каков путь духовного постижения?

М. Принятие Божественной благодати, познание с помощью этой благодати собственного духа или сознания и спасительное единение со Христом в преображенным ею духе - это прямой путь духовного постижения. Духовная свобода - это благодатная жизнь, не требующая мышления.

«Лёгкое пламя» блаженной радости горит глубоко в груди. Раньше в сердце возникали смутные догадки, что внутри абсолютно ничего не меняется с самых детских лет. А теперь твёрдо уверен: конечно, нет! Дух неизменен и всегда тот же, в отличие от душевных переживаний, которые, изменяясь, дают ощущение протяженности времени. Солнечный луч на лице - словно улыбка небес. И душа тоже отвечает улыбкой. Улыбка души - молчаливый язык небесного рая.

Огромное небо вымыто прошедшим дождём. Последние капли с мягким шорохом падают с листьев в волнующие легким ветром травы, вспыхивающие под солнцем мириадами ослепительных искр. Горная тропа ещё скользкая от сияющих лужиц. Внутри, где-то на окраине сердца, возникает борьба добра и зла - кто кого?

Благодатная радость против неугомонной суеты ума: неожиданно агрессия суеты оказывается мыльным пузырьём мыслей, где душевная «радость» - такая же бессмыслица! Если истинная радость пребывает в духе, она непобедима, потому что непобедим преображенный благодатью дух.

Тетрадь пятая. Невысказанность духа

«Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» 1Кор.6:19

Южная жара «нотья» душит все живое отсутствием даже малейшего ветерка. От сильной духоты в теле вялость и слабость, от избытка соли в воздухе трудно дышать. На склонах в горячем прогретом мареве доцветают последние радуги ярко-фиолетовой пасхалии и пронзительно-желтой мимозы. В водянистой дымке лениво перелетают с камня на камень бакланы - любители понырять за мелкой рыбешкой. Гладкие, словно причёсанные штилем, в море недвижимо стоят многоголовые цветные перевёрнутые облака. По ослепительно-зеркальной поверхности сыплется радужное зерно мальков, пропадая в прохладной морской глубине. И тут же волна с шорохом пересыпает в своих мягких ладонях прибрежную гальку.

Седые кипарисы темной шеренгой стоят вдоль высокого берега, из-за них сереют купола храмов с блеклыми крестами. За кудрявой зелёной шерстью каштановых лесов, взбегающих почти к вершине, манит синью высокое небо. Надо мной, в пёстрой тени платанов, висит жара. Из-за сухих каменных стен засматриваются на солнце, которое словно плавит текучий воздух, зрелые подсолнухи. В придорожных бурьянах слышно сонное гудение шмеля. Вскинулся, прошумел и затих легкий бриз, подернув рябью зелёное стекло моря, мимоходом кинув в лицо цветочную пыльцу с вересковых куртин.

Пробуждение сознания несравнимо ни с одним действием этого беспокойного мира. Мучительно: видеть гибель жизни и не видеть спасения, понимать природу зла и оставаться бессильным, догадываться о постоянном присутствии Бога в душе и не постигать Его. В притворе храма прохладно и безлюдно. Из-под купола от цветных окон до пола - зеленые и красные столбы солнечного света. Со старинных икон сияют лики святых - с обоженными благодатью сердцами и душами, обоженными Богом. В груди возгорается глубокая благодарность Ему за все выпавшие на долгом пути скорби: только в них и через них прекращается всякое самолюбование и пустые думы о себе.

В написанных строках - желание передать, поделиться безыскусной радостью от постижения невероятно реального иного бытия, невысказанности и безбрежной необъятности человеческого духа, соприкоснувшегося с Духом Божиим, Который благодатью вводит душу в светлую радость Христову, как в чудо нескончаемого святого мира, ведомого лишь одному Богу. И, тем не менее, дух человеческий - часть от части того необходимого духовного камня, который положен во главу угла Богом. Суть последнего времени - полностью прагматический ум. Человек без постижения живого Христа - жалкая игрушка демонов, будь то мирянин или монах. В противоположность ложным представлениям века сего, тот, кто истинно стремится к спасению, живет идеей свободы во Христе. Это его безусловный выбор. Настоящая духовная жизнь всегда начинается с практики. Подлинные монахи - это романтики духа. Они совершенствуют его в благодати до возможных пределов, сохраняя при этом целостность и ясность собственной личности.

Ослепительно ясный солнечный луч неспеша перебрался на лицо, словно Бог смотрит прямо в душу. В тени церковных стен мягкий полумрак. По присутствию в душе Христа видно, как она постоянно стоит перед выбором: восходить ли к свету Христову или отступить в полумрак мирского удушья. Немыслимая непостижимость духа человеческого и отрезвляющая недостижимость спасительного Христова смирения - все преодолевается Духом Святым, убирающим и снимающим все противоречия в постижении Божественной любви, целой, единой, мудрой и святой. Но это блаженство Истины открывается лишь тогда, когда мы повернемся к Ней полностью, отвернувшись от всего пустого мира, вменив его ни во что, потому что познание Бога - это Божественное молчание и святая благодать.

Жизнь потаенно радостна даже там, где этого не ожидаешь. Если бы этой радости не было, кто бы мог вытерпеть все условия такого удушающе бессмысленного существования? Выбрав Неизменное, радуешься тихой радостью: Оно не подведёт никогда. Соблазнившись преходящим, клянёшь себя за минутную слабость. Ведь так хочется обратно, в надвременную свободу, жизнь и Христову любовь. Божественный мир может предложить только совершенную свободу, человек может предложить Богу только стремление к совершенству.

Дух - весь, в высоту и глубину, необъятно безпределен, словно внутри открывается целый мир безграничных просторов и постижений. Он весь Христов: «И возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:22). Дух - это человеческая истинная личность, которая должна пробудиться от мысленного усыпления, от «снотворности» ума и стать преображенным духом по благодати. Делая любящих Его Своими друзьями, Господь дает им великое дерзновение войти в Его жизнь до конца, пребывая с каждой душой в сокровенном общении. Поэтому всякая жизнь - сугубо личная и развитие ее зависит лишь от того, насколько дух пробужден в Боге к любви или же заснул навечно.

Психология учит тому, как убрать беспокойство по поводу бессмысленности

собственной жизни, убаюкивая людей пустой формулой «все будет хорошо». Она дает лукавые советы, как примириться с развращающим душу предельным эгоизмом, вместо принятия простого и мужественного слова Христа: «Отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»(Мк.8:34). Углубиться в себя, находясь в беличьем колесе мира - невозможно, одухотвориться в многотысячной толпе - нереально, пока не постигнешь, какова глубина человека и каков нездешний ее мир, рожденный не от мира сего. Многие возглашали в надмении своем: «С нами Бог!» и, зачастую, - это становилось голосом гордыни и похвальбы. «С нами Христос!» - эти слова меняют все содержание нашей жизни, наполняя ее смирением и кротостью Христовой.

Все земные связи рвутся и рушатся и только в молитве они преобразуются в новую духовную полноту, не исключаящую из неё ни одного человеческого сердца. Чем дальше душа от людей, тем они становятся ближе. Они делаются ближе самой сокровенной близостью души ко Христу, прикоснувшейся к Его всеобъемлющей любви. По-настоящему, сердце, прилепившееся к земле, трогает только святая красота души, как образа и подобия Божия, несравнимая ни с чем в целом мире и во всей вселенной, до тех пор, пока оно не познает превосходящую всякие земные представления нетленную красоту Христа, которая спасёт мир.

Молитвенник служит всем, но прежде всего он служит Богу. Таково безупречное решение подвижника, принявшего самоотверженное намерение обрести спасение. Поэтому он всецело утверждает в свободном произволении служить Богу и людям совершенно и безкорыстно. Он неотступно практикует то, о чем говорит, и живет тем, к чему стремится. Такое произволение духа человеческого преодолевает все преграды, не допуская греху разлучить его со Христом, ибо имеет сокровенную помощь в благодати Духа Святого.

Каждое обстоятельство жизни пронизано печальной неувимостью всех ее «радостных грёз», когда даже тело, столь близкое и кажущееся таким знакомым и родным, изменяется на глазах, разрушается и уходит в небытие, словно чужое и незнакомое. Одним словом, «печальная плоть»... Греховность кружит над нею, словно запах гари на пепелище. Казалось, все уже давно прогорело и угасло, но дым от пожарища неистребим.

Сначала мы каемся в том, что согрешаем, а потом обнаруживаем, что нам необходимо каяться до конца жизни в том, что грешили, не ведая беспредельного милосердия Божия, и потому огорчали Бога своей изменой и предательством обещанной нам жизни вечной. Ходить в страхе Божиим, дабы ни в чем не согрешить пред Отцом Небесным - узда для нашего ветхого человека. Но восходить в любовь Божию - небесные крылья для «мужа совершенна».

Благословенна старость, благодатная и умудрённая, как дозревающий на ветке духовный плод, источающая сладость мудрого опыта всем желающим принять его, озаряющая познанием вечного всех проходящих и внимающих ей, которая просвещает человеческие души жизнью нестареющей и согревает сердца людей лучами нетварного сияния «оттуда», из Царства Небесного. Тишина, обнимающая благодатное сердце, молча говорит об ином бытии, которое полно мудрого безмолвия, живого и просвещающего душу своей вечностью.

Там, в глубочайших недрах духа, идёт неустанная невидимая работа по очищению от этого надоевшего «я», от узости понятий и представлений о духовной жизни, от всякого эгоизма, где проступает, пока туманно и неопределённо, иное Бытие, гораздо реальнее всего того, чем живёт душа и чем пытается себя занять ум. Это Божественное бытие ждёт полного к Себе внимания и безоглядного участия в Его жизни, накрепко соединённой с бессмертием пробужденного благодатью сознания.

Чем дух привлекает внимание сердца? Наверное, невозмутимым покоем своего пребывания внутри, от которого и ум, и сердце, и душа также приходят в совершенное спокойствие, которое удивительно просветляет сердце и наполняет его мудрой сострадательной любовью. Эта неизъяснимая Божественная любовь позволяет любящему сердцу узреть лицо Божие ещё здесь, на этой самой грешной земле. Трудно душе отрешиться от человеческих привязанностей и утешений, когда Небеса ещё молчат, а на земле ей уже нечего делать. Жаль уступать душу пустым помышлениям, ибо пока есть внимание ко всему, что происходит внутри, остаешься цел и душой, и сердцем. В минуты рассеянности зло как будто отыгрывается за моменты своих поражений, и тогда остро чувствуешь собственную беспомощность. Спасительная любовь ко Христу обретается только через страдания. Лишь постоянно взирая внутрь самих себя, мы можем сродниться со Христом, чтобы жить вместе с Ним, творить и созидать в себе новую жизнь с помощью Его любви и благодати. Рождаясь в страданиях и муках, ещё тогда сполна прочувствовав и ощутив боль этого рождения, человек менее всего хочет страдать, при этом особенно остро не желает страдать добровольно. Постигнув на опыте, что единственно спасительная религия - христианство, он обнаруживает неожиданную для себя вещь, что спасение приходит через добровольное принятие страдания, через распятие страстей и помышлений на кресте безстрастия, чтобы отвергнуться себя и наполнить дух своей силой любви, побеждающей все страдания. Принимая в сердце Христа, он принимает невозможное для себя претворение духа в жизнь нескончаемую. Поэтому никем неслышимая и сокровенная тихость великих претерпеваемых страданий такого человека, благодаря которому жива земля и живы мы с вами, не оставляет равнодушным ни одно живое и чувствующее сердце.

Целый кусок жизни вырван юностью из души и брошен ею во времени за ненадобностью. Но зрелый возраст научается видеть в безвозвратно ушедшем периоде ростки того, что не могут уничтожить ни время, ни невзгоды. Удивительный вывод: чем труднее и сложнее юность, тем сильнее и отчаянней её тяготение к Богу, тем иступлённее её попытки постичь ускользающий смысл взаимоотношений души и всего мироздания с Промыслом Божиим. Душа не может быть пустой: если она обращается к свету веры, в ней начинает жить Христос, если же уходит во тьму безверия, в неё вселяется диавол.

Многое из того, что в разное время казалось необходимым душе, оказалось ненужным духу. Но постижение духа стало возможным лишь благодаря пониманию, что ничто в мире, кроме Бога, не нужно душе, чтобы дух обрел ту свободу, которую имел с самого начала. Каждому сердцу Бог наедине говорит то, что ему необходимо для спасения. А оно об этом рассказывает другим так, как умеет. Для того, чтобы поделиться с другими самым сокровенным, нам достаточно всего лишь пары внимательных зорких глаз и пары умеющих слышать чутких ушей.

С самой ночи, затем с утра и весь день - удивительная живость духа, все тело - как одна цельная прозрачность духовного постижения. Блаженная открытость души всем явлениям внутри: там все наполненно светом, до ощущения собственной невесомости и одухотворённости, какой-то просветлённой чувствительности к каждому движению ума и сердца, и вовне: во всем окружающем ощущается сокровенная полнота и законченность, отчетливая живость восприятия всех мелочей - узор веток на фоне голубых вечеряющих небес, чистота и ясность всех звуков, музыка птичьих голосов и приглушенный говор людей где-то за кельей, далёкий улетающий гудок парома с моря, как будто все внутри и вовне обрело свой собственный выразительный и очень понятный язык и вступило в общение с духом вне слов и мыслей. Такое не изгладить

из памяти, когда возвращаешься к земным занятиям, где все сохраняется как тонкий отпечаток неземного света в душе.

Бог просвечивает сквозь дух, как прекрасная и волнующая морская глубина сквозь зеркало водной глади во время штиля. Ум замирает, оставив всякое движение, и тогда отчетливо проступает живая Божественная Безпределность, вся сотканная из непереводимых в слова смыслов и непостижимых умом интуиций. Нашедший в себе благодать, делится ею со всеми и повсюду.

Иногда изнутри повеет такой юностью, такой чистой свежестью и жизненностью, как будто не было ни долгих лет, ни болезней, ни тихого увядания тела: «Обновится, как у орла, юность твоя»(Пс.102:5). Ощущение подлинного счастья обжигает сердце и наполняет глаза потоками сладких слез, а чувство благодарности Богу за таинство, совершаемое Им в тайниках души, снова и снова обращает сердце к нескончаемой молитве, которая переходит в глубокое, ничем не нарушаемое созерцание Его непостижимого бытия.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, сказано: «От слов своих оправдаешься, и от слова своих осудишься»(Мф.12:37), поясните, в каких словах Евангелия содержится наше Спасение?

Монах. Если ты стяжешь благодать, то постигнешь, что всякое евангельское слово, исполненное на деле, приводит нас к спасению. Глубочайший же смысл спасения содержится в словах Господа: «Не ищу моей воли, на воли пославшего Меня Отца»(Ин.6:38). Если же сможешь на опыте постичь это, то выйдешь за пределы слов и утвердишься через непрестанную молитву в священном безмолвии: «Память Иисусова да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия», поскольку «духовно-разумное безмолвие не имеет нужды в словесных наставлениях, ибо он вместо слов просвещается самими делами», по прп. Иоанну Лествичнику. Какими же делами? Делами благодати Духа Святого.

П. Не могу понять суть безмолвия, отче, объясните.

М. Отречение от своеволия приводит к отречению от всех помышлений и домыслов. Неуклонное пребывание в благодатном духе, не имеющем никакого мышления, есть безмолвие, столь возлюбленное святыми Отцами. Без него всякие усилия созерцать свет Христов и славу Христову будут подобны попыткам удержать в ладони луч света. Духовная жизнь открывается лишь с полным прекращением рассудочного мертвого мышления.

Только благодатному сердцу открывается Дух Божий, и не иначе. Исследуя изречения и цитаты, не имея при этом никакой практики, только зря растратишь свою жизнь, ищи у других то, что можешь стяжать сам. Избегай таких заблуждений! Никому не нужны твои знания трудов святых Отцов, если ты не применяешь их к самому себе. Тебе необходимо обрести благодать Духа Святого, а не многочисленные сведения о том, как это сделали другие. Не теряй же своего времени!

Величайшее благо в том, что приобретаешь в безмолвном благодатном покое Господа при совершенной неподвижности ума, когда возникает священное и благоговейное созерцание света Христова и просвещения через него твоего духа и соединение с этим светом.

П. А что же будет с моими послушаниями? Продолжать мне исполнять их или оставить совсем?

М. Для безмолвника есть только одно послушание - пребывать без отвлечения во Святом Духе. Если есть послушание, исполняешь его, не теряя внимание и молитву. Когда нет послушания, пребываешь в келье в непрестанной молитве и рукоделии или

же в созерцательном благоговении, оставив все попечения. «Падение послушнику - собственная воля; а безмолвнику - оставление молитвы». Лучшее же делание в безмолвии, - чтобы в сердце не проникала ни одна мысль. Тогда зрелый ум весь становится вниманием.

П. Отче, в своей жизни о чем вы сожалели более всего?

М. О зря потраченном времени, проведенном без молитвы и созерцания, без стремления к спасению. Монах не ищет у старца еду и монашескую одежду, он ищет благодать, к которой прилагается и пища, и монашеское одеяние. Даже осел, который много работает и мало ест, лучше того монаха, который мало молится и много ест. Монах без смертной памяти - это мирской человек. Мирянин, забывая о смерти, становится живым трупом. Иногда мне пишут: «Знаем давно всё то, о чем вы проповедуете!» Если знаете, то где же ваши плоды? Такое знание живет лишь на языке, а не в делах.

Суть спасения не приобретается за питьем чая и обменом досужими домыслами о святых старцах, следуя прихотливому течению праздной болтовни. Оно стяжается тяжкими трудами самоотречения. Звоня в колокола, никто ещё не достиг спасения, как и всеобщим чтением и пением на гласы. Отречение от своеволия поставь во главу угла, не оставляя и последнее. Все прилагается к спасению, а не спасение к нему. В духовной практике все обстоит абсолютно по-другому: есть только Бог и ты, со всеми своими грехами и потрохами, и ещё покаянием. Нет давай лукавому уму обманывать тебя и приучаясь развлекать его, как бесы кричали святому старцу Иосифу Исихасту: «Оставь чётки, иди пой вечерню!» Не мешай сам своему спасению, следуй святой воле Господа и спасешься!

В рябоватом от ветра морском заливе плавится лето. Белоснежные клубы облаков под вершиной пережидают томительный зной. Зубчатые тени виноградных лоз наискось пересекают раскаленный дворик, вымощенный старинными каменными плитами. Текучесть времени полностью останавливается в молитве. Дух - по ту сторону даже самого сердца, которому больно признаться в том, что оно, как этот расплавленный залив, как высокие облака, как знойный полдень - не вечно, а дух - един и вечен, как единый и вечный Бог-Троица, создавшая его.

Тетрадь шестая. Соль земли

«Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее солёною?»

Мф.5:13

Изнуряющая жара. Коршун, раскинув косые крылья, словно заснул в горячем воздухе. Ивы жадно пьют воду из прохладного ручейка. Отголоски зыбких речных струй освежают дремлющий слух. Одуванчиковое детство вернулась непрерывной молитвой. Изломистая сосна - словно утонченный монумент на неподвижном силуэте огромного камня. Душа после молитвы не узнает себя - настолько все в ней преображается. Тысячами трепещущих листьев зачарованный лес, в котором утонули мои глаза, засмотрелся на закатное румяное солнце. Зелёное стекло моря отражает ослепительный диск уходящего светила.

Незрячей молодости трудно угнаться за прозревшей старостью. К старости сложнее пребывать с людьми и легче оставаться наедине с одинокими закатами. Долго тянутся минуты летнего вечера - крупцами ещё не прожитой мимолётной жизни. Спелым яблочным хрустом на зубах запомнилось ушедшая юность. Что нужно человеку, чтобы его неуловимая жизнь стала непреходящим блаженством? Неустанно смотреть внутрь себя. Каждый август воспоминания просятся в душу - как много молодых желаний

унесли с собой эти летние звездопады! Упрочение покоя души во Христе дороже всех мимолетных явлений и легковесных причуд этой кратковременной земной жизни.

Логика - средство для самооправдания человека, утратившего веру, дерзкая попытка гордыни заглушить совесть, убрать ее из жизни и жить так, словно её нет и никогда не было. Расхождение проповедников с Евангелием четко выявляется в отношении их привязанности к маммоне. На слова Спасителя: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»(Мф.19:21), они отвечают: «Хотим следовать за Тобой только со всем нашим имением, продать не хотим, а раздать не можем».

Блудные помыслы смиряют гордую душу, а гневные помыслы - самоуверенный ум. Но из этого не следует, что подобные нападения дурных помышлений следует принимать для смирения. Смиряет душу борьба с ними, а согласие с мысленным злом убивает её. В духовной жизни невозможно править людьми насилием, то есть быть агрессивным человеком. Сердце человеческое влечёт лишь любовь, потому что оно создано любовью. Разве Христос стремился стать властителем и вождем народов? Он служил людям как Спаситель и привлекал к Отцу Небесному смирением и любовью. Вожди - это подручные дьявола, желающего властвовать над людьми принуждением и владеть ими подчинением их воли. От одержимых земной властью многие беды на земле и, перефразируя молитву, можно сказать, что наше спасение во Христе - от «командиров» мучима рода человеческого.

Христианство - не чувство, которое душевно, не переживание, которое страстно, не умствование, которая чуждо смыслу самого Православия. Это ясное и глубокое постижение истины, которое должно происходить в человеке, и Церковь во всех её богослужениях и Литургиях призывает к прямому постижению того, что «Христос посреди нас». Он посреди нашего сердца, посреди души, внутри человеческого духа. Христос - это источник нашего безграничного духовный мир, в котором любовь и свобода неразделимы. Только зрелый виноград дает хорошее вино, и только духовно зрелая душа приносит истинный плод святости.

Можно всю жизнь потратить на поиски духовного старца, придуманного нашим воображением, и все эти благие устремления так и останутся тщетной мечтой. Даже найдя опытного наставника, можно многие годы снова и снова вопрошать его и искать от него ответы на свои бесконечные вопросы о том, что было и что будет, изобретаемые неугомонным любопытным умом, и все эти безчисленные попытки познать истину останутся лишь интеллектуальными упражнениями в так называемой «духовности». В чем же причина отсутствия кардинальных изменений в таких душах? В том, что они не имеют силы для практической реализации спасительных наставлений, поскольку привязались к самолюбию и остались рабами нечестия: «Имеющие вид благочестия, силы же его отрехиися. Таковых удаляйся»(2Тим.3:5).

У тех же, кто неустанно жаждет действительного преображения духа и отдает кровь в великой битве с собственной греховностью, при встрече с богоносным наставником не возникает никаких сомнений и у них прекращаются все вопросы. Само присутствие такого хриstopодобного старца и пример его богоугодной жизни без всяких слов наполняют сердце благодатью, растворяют в уме мирские помышления и разрушают в душе весь эгоизм, приводя ее к спасительному и преображающему жизнь покаянию.

Тогда Христос тихо и таинственно становится нескончаемой жизнью такой преображенной души: «И в тот день вы не спросите Меня ни о чем...»(Ин.16:23).

Далёкие берега в туманной дымке, в море «белеет парус одинокий» едва различимой крохотной яхты, которая упрямо борется с волнами. Над вершиной Афона всплывают и тут же растворяются прозрачные воздушные облачка. Глубокая осознанность

уединения даёт душе прямую возможность увидеть как неспешно и словно исподволь кристаллизуется дух и проясняется сердце. Если бы все это можно было раздать людям, чтобы их сердца ощутили неразрывную кровную связь со Христом, со всем Божественным бытием, которое всегда здесь и во всех нас! Бог ждёт от нас стяжания спасения, в котором мы «всю жизнь нашу Христу Богу предадим», а эгоизм жаждет признания от людей, похвалы от близких и мирских «утешений» для неизжитой гордыни.

За окном автомобиля мелькают речушки, перелески и голубеющие на горизонте хребты. Спешим к пещере, месту подвигов святителя Григория Паламы. Прикипело сердца мое к этому горному леску, узенькой тропинке, лесному водопаду и полумраку пещеры с огоньком лампы и благодатью молитвенного созерцания. Мир Божий неисходно живёт внутри, в духе человеческом, а душа воспринимает красоту Бога вовне и, в слепоте своей, видит ее как отклики одушевлённой красоты мира, как случайные прорывы к благодатному покою, как окна, распахнутые в вечность. Хотя сей «мир во зле лежит», но Бог хранит этот мир через тех, которые есть «соль земли», её неумирающий дух праведности, святости и доброты, который поддерживает в таких душах Христос.

Пустая дорога тянется сквозь бесконечный белый день. Никого вокруг, словно душа осталась одна на земле, наедине с Богом, далеко от всех и всего. Ощущение такое как будто Бог доверил ей все земные просторы и необъятные дали: «Береги и храни все это через любовь, которую дарю тебе, сын человеческий». И в этой любви - Пресвятая Богородица, как ранний, нежный рассвет души перед восходом в ней солнца-Христа. Иисусова молитва, которую Она подарила сердцу в уединении, Ее голос, и особая благодать Ее храма на высотах Афона - неизгладимы и незабываемы, словно впечатанные навеки в самую глубину сердца.

Истинное Богословие не может быть мёртвой наукой, оно может быть только творчеством в благодатном просвещении Святым Духом. Переход от одного понятия к другому - это всего лишь накопление пустых религиозных знаний, а стяжание благодати даёт постижение истины, которая освобождает душу и наполняет ее благодатью. Если этого благодатного просвещения сердца и ума не происходит, то нет и богословия. Святость богословствования - это отдать Богу сердце и ум, завершение восхождения человека к Божественности, к обожению его бессмертного духа.

Духовное преображение состоит не в частичном изменении характера, мыслей и переживаний, или в перемене понимания человека и его представлений о мире и о Боге. Подлинное преображение - это совершенное изменение в глубине нашего бытия всей человеческой личности, благодаря вселению в нее Святого Духа: «Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом...»(2Кор.6:16). Это новая цельность всей одухотворенной сущности человека, соединившейся в смирении и покаянии с вечным и бессмертным Божеством. Но для того, чтобы совершилось это дивное преображение, человек должен отдать Богу всего себя, и на это может потребоваться вся жизнь без остатка.

Душа, не испытавшая такого Божественного преображения, остаётся поражённая страхом и маловерием. От чего в ней возникает самый большой ужас? От диавола? Нет, само по себе, его существование, как носителя зла, понятно. Ужас возникает от проникшего глубоко в душу трудноистребимого лжесмирения, которое изворотливо присасывается к ней и выпивает все соки ее веры, становясь мертвой религией.

Духовная жизнь - это стойкое терпение всех скорбей ради спасения, ради обретения живой благодати. Если же терпение прилагается не к спасению, а к упрямым попыткам добиться собственного «счастья» в церковной карьере, то оно остается судорожным

цеплянием за ускользящую жизнь, мёртвой хваткой за вещи этого мира, где нужно «терпеть» постоянный распад и исчезновение всего, к чему привязалось сердце. Закат над Олимпом. Зубчатый профиль далёких горных хребтов, разбрасывая по лесам снопы лучей, съедает диск застрявшего в них жаркого солнца. Неспеша выхожу помолиться на закате в лес и под мягкий шорох сосновых ветвей окунаюсь в волны зелени и птичьих посвистов. С высоты горного склона и далее, до самого убегающего горизонта, мир расстилается предо мной, такой таинственно прекрасный, весь в золотой пыли уходящего солнечного дня. Живая молитва остановила неуловимое мгновение. Дух Святой учит душу неумолкающей молитве. Как ясно, как открыто сердцу, что присутствие Божие возможно всегда, где есть живая душа, воспринимающая со смирением и благоговением каждое движение Бога внутри неё, полное глубокого смысла и бесконечной мудрости.

Поняв и приняв целиком в себя богослужения Церкви, сердце продолжает все ещё искать то, что окончательно даст ответ томящему чувству разделённости с Отцом Небесным: как узреть и ощутить Бога в себе, чтобы избавиться от всех недоумений и вопросов: «И в тот день вы не спросите Меня ни о чем»(Ин.16:23)? Без сугубой молитвы и её стяжания, без созерцательного порыва к тишине и святости Святого Духа и преображения души в нетварном свете Христовом, вопросы будут возникать снова и снова и тщетно пытаться услышать на них ясные ответы.

«Былое и пережитое» ушло в прошлое настолько далеко, что как будто вернулось к своему началу. Даже греческие названия уже звучат так, словно их говорят по-русски. Однако во всей этой кажущейся раздробленности и фрагментарности событий проглядывает незыблемая целостность и всеохватывающее единство гениального Божественного замысла жизни только одной человеческой души, связанной неразрывно с жизнью многих поколений. И всё в этом преломлении судеб и событий видится так удивительно гармонично и целостно. О, если бы я не был в молодости столь упрямым и несговорчивым, насколько прекрасен был бы этот узор явлений неистощимой на чудеса удивительной жизни с любимым Богом!

От короткого пребывания в городе - полное онемение чувств, а с этим онемением в городах живут, трудятся и создают семьи люди, верящие в то, что «все будет хорошо в этом наилучшем из возможных миров». После многих встреч остались в памяти лишь те люди, которые сожалели о том, что не пошли в юности за Богом и не начали духовной жизни: упустили случай стать святыми. Наверное, это чувство сожаления самое острое... Отказавшийся от Бога - конченный человек и дни его на земле сочтены. Отрекшийся от мира до конца жизни сокрушается о том, что он слишком поздно обратился к спасению и не начал подвизаться как можно раньше. Благочестие, без внутреннего отречения от мира сего, превращается в «удобное» мирское прозябание, суть которого - всепримиряющее чувство безнадежности для всякого роста души и отсутствию в ней Бога.

Безоблачное небо и море словно льются в комнату горячими искрами света.

Солоноватый ветер дотрагивается до лица мягкими прикосновениями лета. Всю ночь - оглушительный гром, то гремит в отдалении, то с треском лопается над головой.

Почему-то второстепенное всегда легко укладывается в слова и понятия. Главное же и самое важное постоянно ускользает от всех слов и определений. Ежедневное погружение в дух, сначала с молитвой, а затем с молитвенным памятованием, когда душа молится тонко и безсловесно, безмолвно умоляя и прося Бога, словно она ныряет, затаив дыхание от благоговения, в совершенно Невыразимое, в то, что ей сокровенно открывает безмолвие Бога, в эту непредставимую молчаливость, полную благодати, где нет ничего застывшего и определённого, но все есть Божественная

правда и единство Ее чистоты и мудрости.

Встречая на духовном пути прекрасных людей и вникая в их многотрудный жизненный опыт, обнаруживаю в самом себе огромной душевной недобор самого «сока» жизни - сколько ещё не узнал хорошего, не понял полезного, не победил в самом себе дурного и не претворил эти усилия в благодать. И тогда собственное существование кажется недопустимо скудным и всё ещё не вместившим всей полноты жизни в её невероятном многообразии. Успеть бы устоять и утвердиться в главном - в действенной любви к блаженному Богу и во всепрощающем понимании страданий и ошибок ближних. К тебе, Господи, влечётся душа моя, дабы прийти «в познание Твоея истины»!

Злоба человеческая больше всего ненавидит доброту за её наивность, детскость и доверчивость. Злоба приносит удовлетворение самым низменным инстинктам испорченной души, убивая её грехом, но совершенно непобедимым для зла и счастливым может быть только добрый человек, который добр не сам по себе, но добр Христом. Боль за человека всегда естественна, а переживания - нет. Никогда и никому переживания не принесли пользы. Доброта человека в том, чтобы нести чужую боль и всемерно поддерживать ближних в их спасении состраданием и молитвой. Разве можно быть довольным, не помогая другим?

Дух Святой предлагает нам в дар совершенную свободу, но взамен требует отречения от нашего эгоизма. Христова свобода есть беспощадная ненависть к самому себе, ненависть к постоянной обращенности на самого себя - привязанности и жалости к своему «я», которые высасывают все силы души. И Христос предлагает нам единственный и наилучший способ освободиться от этого прилипчивого эгоизма: служить Богу и ближним самоотверженной любовью. Но такая возвышенная любовь зарождается не в суете человеческих эгоистических отношений, она создается в совершенном молитвенном уединении и полном отрешении от мира, дабы обрести нетленный свет Богопознания.

Жизнь представляется таинственной, потому что таинственен Бог, создавший её, и Он открывается духу как Божественная жизнь, поскольку Истина, наполняющая её как «все и во всём Христос»(Кол.3:11) - Божественна. Миру суеты, миру грез человеческих, может противостоять только мир духовный. Всякие попытки вовне утвердить мир и покой - плачевны, а, зачастую, и - трагичны. Мир духовный требует обучения, как и все полезное в спасении, но тот, кто стяжал подлинный мир своего духа, остается духовен в любой суете, ибо суетный мир не знает его покоя и узнать не может. И только тихая сила Божественной благодати открывает каждому сердцу прямую возможность победить мир земной тщеты силой преображенного благодатью духа.

« Сердце их было окаменено»(Мк.6:52). Что это означает? Невозможность впустить в себя новое извещение духа, полная закрытость от всего приходящего изнутри и извне и абсолютная слепая самодостаточность души: «Еще ли окаменено у вас сердце?»(Мк.8:17). Каменное сердце значит мёртвое, не живое, полностью охладевшее к чудесам Божиим, которые сопровождают всю нашу жизнь, и окаменевшее в неверии, в нечувствительности, в нежелании пробудиться и избавиться от мертвой темноты окаменения.

Лицо человека, затравленного грехом и страхом пред ним, ужасает своей мёртвостью и падением такой души в бездны одержимости, и оно взывает к нашей жалости, состраданию и любви. И тем не менее это также входит в необъяснимое совершенство всего мира, призывая нас оставить все мимолетное и преходящее и жить вечным, то есть спасением всякой души, «униженной и оскорблённой». Болтовня о религии пытается прикрыть и спрятать подальше от глаз ту страшную правду, что под тоненьким ледком благочестия скрывается жуткие бездны, где глухо ворочается и

отыскивает свои жертвы царство диавола. Однако, сколько надежды и несокрушимой веры в этих словах: «Покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас»(Иак.4:7).

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как лучше всего подготовиться к смерти?

Монах. Самое лучшее, что можно сделать, это достичь такого состояния духа, когда безразлично - умереть или остаться: «Ибо для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение»(Фил.1:21). Когда мир Божий становится истинной жизнью, а пребывание в плоти - служением людям: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас»(Фил.1:23). Избегай заблуждений, сумей встретить вечность на земле, а не ищи ее в Небесах. Если хочешь достичь этого, действуй усердно и не имей сомнений.

П. Отчего меня борют сомнения?

М. Когда недостаточно веры, то сомнений более чем достаточно. Практикуют одно, затем бросают, хватается за другое, цепляются за третье. Тем временем силы уходят и ревность к спасению угасает. Вот корень сомнений.

П. Как же избавиться от сомнений?

М. Дай передышку уму, пусть он отдохнёт от тебя, а ты - от него. Обрети покой и отдохновение в благодатном мире душевном и обрящешь покой в собственном духе, где почиет покой Божий. Найди внутри того, кто молчит. Если не обретишь духовный покой здесь, то как надеешься встретить его там, после отшествия из тела? Не бывать такому! Крепко это уразумей. Полное предание себя воле Божией - лучшая помощь во всех обстоятельствах.

П. Каковы пути спасения для молитвенника, отче?

М. Есть два пути спасения: или мы отвергаем плоть «с ее страстями и похотями» и живем Духом Святым, или делаем тело и дух помощниками в своем спасении и обожении в благодати покоя Божия. Никакие внешние условия не могут повлиять на стремящегося к спасению христианина, поскольку оно возможно всегда и повсюду.

П. Если я не смогу стяжать благодатный покой Божий и наступит смерть, что меня ожидает?

М. Тебя ожидает Христос прямо в твоём сердце. Что тебе мешает постичь Его и стать христороподобным? Чего тебе недостает? Господь никогда не перестаёт сиять в твоём духе, лишь отвергни дурную привычку постоянно осквернять сердце помышлениями: «Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши ?»(Лк.24:38) Если сможешь обрести такое разумение, то вовек не усомнишься в своём спасении.

Ликующее утро льётся в окно. Ветви высокого кипариса уходят в небеса. Позади - молитвенная ночь, в теле - лёгкая усталость и неприметная чуткая радость благодати, льющаяся из сердца навстречу новому светозарному дню, этому отмеренному мне краткому промежутку бытия. За огромным восходящим солнцем - пустынное море в переливах рассветного красно-фиолетового неба.

Душа замирает в легкой сладковатой свежести утра, мысли как будто утонули в темной глубине морской безбрежности. Сердце словно сосет эту бездумную торжественно-серьезную тишину лета. В душе тонкий голос благодарной молитвы. Рассветная прохлада щекочет тело, покрывая его «гусиной» кожей. Проредевшая темнота разрывается в клочья брызнувшим огненным лучом. Молчаливое здание взрывается гулким щебетом стрижей, влетающих в полусвет коридора и затем серой молнией ныряющих в безпредельную ликующую синь, посверкивая металлическим отливом крыльев. Растрёпанная прядь густой кизиловой ветки, свесившейся в окне, пламенеет

наливающимся алым заревом. Свобода от мирских желаний становится ежедневным чудом рождения души во Христе!

Тетрадь седьмая. Исцеление ума

«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» Флп.4:13

Порывистый ветер прогнал с небесной шири лениво парящую стаю чаек. Угрожающе чернеют передовые валы тяжелых туч. В воздухе повисло выжидающее молчание. Полыхнув сухим пламенем, молния вогнала огненный ветвистый ствол в отпрянувшую землю. В потемневших далях забормотал ветер и на скалы посыпалось крупа частого ливня. Пушечным выстрелом грома над самой головой полыхнула яркая синева небосвода, словно развалилась на облачные куски, беспорядочно попадавшие на истомленные жарой далекие острова. Согнулись под порывом бури тоненькие тополя, трепеща белыми звездочками мелкой мокрой листвы. В оглушительной, мгновенно наступившей тишине осталось только мое дыхание, слившееся с затаенным шорохом дождя.

Печалиться о людях, «как кровь проливать», то есть испытывать боль об их (и своем) падшем состоянии, и тут же печалиться о Боге, о невозможности и недостижимости постичь его своими жалкими усилиями - и все это соединяется в одну цельную непреходящую радость, побеждающую всякую печаль, что Христос победил мир, и воскрес, и воссел одесную Отца. Душа, осеняемая благодатью, внезапно ощущает в себе безбрежное море любви, когда молитва Иисусова произносится сама собой, без всяких усилий, источаясь из сердца, словно «реки воды живой»(Ин.7:38).

Отвлечь внимание от спасения, разжечь любопытство души, затянуть ее в искушение и погубить - вот демоническая мышеловка, которая поглощает поколение за поколением. Ничего нового, но тем страшнее гибель человеческой жизни в этой непреодолимой монотонности, тем горше понимание неизбежности этой невероятной трагедии безволия и душевного безсилия. Потерять себя в Боге означает спасти свою душу, но потерять её в одержимости любопытством и в рассеянности значит уйти во тьму и стать навеки непроницаемым для света.

За дверью и окном - неистовствует буря, море штормит, пугая настороженный слух канонадой и гулом прибоя, а в уголке перед Спасом, не колыхаясь, горит, чуть потрескивая, свеча. Ясный для меня пример быть телом в мирской «буре» искушений, а сердцем - с Богом и в Боге. И то, что Бог - в сердце, делает всякую душевную бурю обычным набежавшим и исчезнувшим искушением, подобным порыву ветра. В присутствии Бога даже самое незначительное послушание и любое повседневное занятие становится решающей попыткой непосредственного спасения и обретения благодати.

Умение радоваться и веселиться в Боге не означает умение постоянно находиться в перевозбужденном состоянии, потому и не сказано «всегда возбуждайтесь». Отказ от мирского беспорядочного возбуждения, приводящего к безконтрольному перевозбуждению, не является отказом от радости: «Да возрадуется душа моя о Господе»(Пс.34:9). Благодать - это всегда радость, отказ от радости есть отказ от благодати. Если благодать тиха, скромна, кротка, то такова же и радость, которая светла, мирна и чиста, потому что она «о Боге». Это умение видеть все другими, духовными глазами и просветленным сердцем.

Свобода духа во Христе - это мирная благодатная радость. Победа над грехом - тоже благодатная спокойная радость в Боге. Начало радости в том, что Христос победил смерть, а вершина радости для нас - наша победа над тлением. Церковь

предназначена для освобождения души от рабства греха и смерти, от привязанности к эгоистическому телесному существованию, а пение, поклоны и свечи - для привлечения ее к церковным ритуалам, и они всегда вторичны. Если второе станет главным, тогда ни о каком освобождении от греха и, тем более, от смертного тления не может идти речь.

Психология примеряет на себя священнические одежды. Но чего в ней абсолютно не существует и никогда не будет существовать? Святой благодати. Если корень греха - гордость, то глупость - побег этого корня. Евангелие возвещено не для глупых, но для разумных, а для глупости существует безверие. Только по глупости можно идти воровать, клеветать, убивать. Глупость хитра, лукава и изворотлива и в этом её земное торжество, ибо заимствовала своё подобие от диавола. Глупость может казаться умной тем, что постоянно ей приходится врать и лгать, как лжёт диавол, который «лжец есть искони»(Ин.8:44).

Наиболее агрессивное проявления глупости - идолопоклонство уму. Сколько раз он предавал, обманывал и продолжает предавать человека, но ведь сколько у этого лживого ума фанатичных поклонников! Ум глуп, а сердце мудро, ибо умеет хранить правду Божию: «Поможет мне Бог, спасающий всех, хранящих правду в сердце своём»(Пс.7:11).

Христос, «света разума», начинает Спасение людей с проповеди покаяния, с изменения ума, отказа от неразумности неверия и глупости греха, с отречения от рабства диаволу. Глупость и ум - два сапога пара: глупость берет себе в помощники ум и его умение лукавства и хитрости, а он служит глупости, сделавшись идолом для неё. Сущность веры - не ум, но благодатная мудрость, которая от Бога, тогда как лукавство ума - от диавола. «Приступит человек, и сердце глубоко»(Пс.63:7) - поэтому ум исцеляется лишь мудростью глубокого сердца, благодатью Духа Святого. Всякое мирское образование лишь изоцряет греховный ум, вконец развращая его, делая его «окаменелым» для всякого блага. Исцеление ума совершается его обузданием, успокоением, просвещением и подчинением сердечной мудрости и благодатной любви. Это и есть истинное образование - воссоздание настоящего человека по образу и подобию Божию. Для этого существуют посты, поклоны и молитвы, для этого предписывается очищение ума от помыслов, обуздание его и полный контроль умственных состояний. Для преодоления греховности ума Церковь проповедует покаяние как благое изменение ума, предлагает смирение, как исцеление его от гордыни, дарует святыя таинства для освобождения ума от гневливости, делая человека кротким и простодушным.

В душе неизгладимо живет смутное воспоминание о ее потерянном единстве с Богом. Органы чувств ослепили ум, а ослепший ум наполнил нераскаянным грехом сердце человеческое. Поэтому вначале Бог влагает в него раскаяние во всецелом отпадении от потерянного рая. Душа словно спохватывается на самом краю жизненной пропасти и начинает свое нескончаемое покаяние пред Богом за содеянные ошибки и грехи неведения. Это первый этап покаяния: посты, слезы, плач и поклоны.

Постепенно очищаясь, она прилагает все свои усилия к отторжению от зла и к стяжанию благодати, вступая в суровую и смертельную битву с грехом и смертью. Это второй этап покаяния: бдения, молитвы, ненависть к греху и к самой себе, что приводит к обретению милости Божией и усвоению и хранению Божественной благодати, благодаря чему душа изменяется благим изменением и полностью прилепляется ко Христу.

Посредством обретения отрешенности от мысленной суеты и разрывая общение со страстями и помышлениями, душа постепенно приходит к безстрастию и в Духе

Святом, утверждается в святости Христовой и безмолвии священного созерцания. Это третий этап совершенного покаяния, являющий собой преображение духа человеческого в бессмертном свете Царства нетленного, соединение со Христом и всецелое возвращение в Божественную обитель Троицы, где «времени уже не будет»(Открыт.10:6). Тогда молитва становится всецело благодарностью преображенного человеческого сердца.

Совершенству духа чуждо невежество. Умный часто бывает дураком, но мудрый - никогда. Торжество зла есть торжество греховного глупого ума: и в религии это, по сути, зачастую - торжество глупости. Многоучёный человек трагичен в своих шаблонных действиях и навыках, так как не знает, как применить обретенные им знания в личной жизни. И часто простой человек более разумен в своих действиях и в понимании жизни, поскольку может правильно пользоваться своим разумом.

Тот же, кто все усилия прилагает к стяжению благодати, и очищает ум от злобы и коварства дурных помыслов, успокаивает душу и просветляет сердце. Он обретает Иисусову молитву, которая затворяет вход в ум дурным помышлениям, обретает благодать и постигает в себе самом, в своем духе, свет разума или сознания. Так человек через благое произволение приходит к смирению и любви.

Почти неподвижная «созерцательность» неспешной осени: глаза, кажется, сроднились, с темно-синим горизонтом моря и прозрачным небом - это все мои друзья. В их свете внутреннее и внешнее словно сливаются воедино: сокровенные движения недвижимого духа на фоне вселенской неподвижности мироздания. Безмятежный ум спокойно ожидает прихода благодати.

Ни во что земное не всматриваясь, сердце совершенно свободно в своём восхождении к созерцанию духовных тайн. Ум, ничего не предпринимая, кроме отвержения эгоизма, плавно входит в молитву, не замечая сам этого вхождения, без всяких усилий постигает безграничное бытие духа и обретает в покаянии невообразимое Христово смирение по дару Божественного милосердия. В душе нет ни образа, ни чего-либо иного, кроме Христа. Когда совесть спокойна, благодать хранит сердце, а сердце хранит благодать, которая словно обнимает каждый уголок вселенной и каждое человеческое сердце, в котором пребывает Отец Небесный.

Раскаявшиеся грешники не распинают Бога, потому что они любят Его, пребывают в постоянном сокрушении и каются пред Ним в своих грехах, укоряя во всем самих себя. Бога и поныне распинают фарисеи, потому что возлюбили закон и возвышают сами себя, оправдывая себя своей правдой. Философия не хочет слышать о Боге, а схоластическое богословие не хочет слышать о соединении с Ним. В конце концов, философия приходит к отрицанию самой себя, а научное богословие - к интеллектуальному краху и развлечению для кучки болтунов.

Где-то там, в большой «говорильне», доказали, что меня не существует.

Рассматриваю свои записи, чтобы убедиться, что я пока ещё жив. Когда в сердце тайком прокрадывается ропот на ближнего, не можешь делать ничего. Принимаю без всякого возмущения сплетни и слухи, которые уже не вызывают сильного отвращения, как прежде, но оставляют в душе лишь иррациональное чувство полнейшей их безблагодатности. Удивительно то, что молитва значительно укрепляется и обретает силу и прочность, когда не находит в уме ни малейшего ропотного помысла в ответ на любую клевету.

Поднялся рано, еще стоит черная, как антрацит, ночь. На мгновение прорезался иззубренный профиль горы - его многократно ужалила молния, словно танцующая змея. На стекле окна - стекающие капли раненой темноты, из которой слышны всхлипы дождя. Свеча медленно разгорается, как бы «собирается с мыслями». Ранее утро -

моё любимое время для рождения и возрастания молитвы и созерцания. Ум неторопливо приходит к молитвенной неподвижности. Сердце обретает устойчивость, а внимание не торопится ускользнуть наружу.

Душа становится безмятежной и чистой от помыслов, и тогда медленно, образ за образом, исчезает весь мир. Благодать беспрепятственно течёт в сердце, в уме растворяются все помыслы и воспоминания и проступает спокойная ясность сознания, безмолвно внимающего всему, что совершается глубоко в сердце. Ум утверждается в нем окончательно и наступает сияющее безмолвие благодатного покоя, в котором дух благоговейно узнает начало Царства Небесного. Светает. В окне безнадёжные тучи безрадостного остывающего мира, и сердце отогревает его, как свое дитя, тёплой радостью непрестанной молитвы.

Когда-то в прошлом, зимую в горах Кавказа, поднимался по ночам молиться в келье, занесённой мерцающим снегом вровень с окнами. На Афоне все иначе: вечерами в окне бушует алая метель закатного зарева, а подниматься на молитву приходится в келье, занесённой под крышу звёздным лучистым крошевом, сияющим прямо в душу... И то, и другое становится второстепенным, когда она всецело обретает себя в вечносущем Боге, когда «душа сбылась».

Религия становится слабой не сама по себе, слабой её делают люди, вымогающие у Бога исполнения корыстно поставленных целей и ищущие в ней исполнения своих мирских конкретных желаний: браков, разводов, крещений и отпеваний своей кончины. Сила веры - в Христовой благодати. Благодать в Церкви - Христова, а радость в ней - радость наших сердец, которую «никто не отнимет от нас», поскольку Бог никогда не забывает просьб души человеческой.

Церковь раскрывает нам в полноте замысел Божий о человеке, о жизни и о мире, но остается непонятным вопрос: как жить этим замыслом? Конечно, жить в простоте и мирности духа. Благодаря такому святому устроению, каждый христианин может воплотить в жизнь своей души, уверовавшей во Христа, ее прямое Хриstopодобие, стяжав его личным опытом, утвердившись в нем молитвенно и преобразившись благодатью Духа Святого и ещё на земле став жителем Царства Небесного, Царства истины. Этому устроению трудно научиться самому. Его обретают чисто интуитивно по благодати или в виде передачи духовного опыта от сведущего старца.

Игры ума всегда безблагодатны, а потому и безсодержательны, поскольку уму, во что бы он ни ввязался, безразлично, для чего и ради какой цели он действует. Разум, подчиняясь добровольно благодати, действует лишь ради спасения ближних, сам при этом преображаясь в дух любви и сострадания: «Ищите прежде всего Царства Божия» (Мф. 6:33). Царство Божие - это Святая Троица, пребывающая в человеке, и постичь Ее присутствие есть тот самый наиболее необходимый поиск всякой души, решивший победить грех и познать любовь Христову и уподобиться этой любви.

Поиск подлинной свободы - это также поиск Царства Божия. Оно не может существовать отдельно от человека, потому что он есть образ и подобие Божие. И это Царство - его прямое наследие и достояние. Христос вводит душу, верную Ему и стремящуюся единственно к спасению, в Царство света, открывая вход в святая святых души человека - в его дух или сознание, которое только одно может вместить в себя все Царство Божие, при этом не утратив ни одно из своих свойств, но преобразив их Святым Духом.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, хочется стяжать благодать и помогать всем людям. Как благословите поступить?

Монах. Если хочешь уподобиться Христу, не ищи своей воли. К чему призовет тебя

Христос, тому и следуй, никогда не ищи ничего в этом мире. Чистый свет разума Христова - вот истинная цель духовной практики, превосходящая всякое разумение любовь Божия - вот истинный плод спасения.

Непонимание этого и неведение спасения есть сатана, прокрававшийся в твой ум вместе с помыслами. Потеряв детскость души, разучишься любить, как умеет любить ребенок, а мертвые помыслы не знают любви. Духовное рассуждение, которое кладёт конец всем помышлениям, - истинный свет благодатного разума и достойный плод человеческих усилий в самоотречении. Вслед за духовным рассуждением неотступно следует просвещение и обожение. Это просвещение и обожение человеческого духа и есть уподобление Христу.

П. Разум - это свет человеческого духа?

М. Дух человеческий не есть свет, но светит светом Разума Божия, поскольку является Его образом и подобием. Постичь Разум Божий значит отвергнуть в себе неразумность ветхого человека со всеми страстями и похотями и преобразиться в новое существо - разумное Божественным Разумом и благодатное Христовой благодатью. Пребывать в преображенном духе значит неисходно пребывать в истинном разуме или просвещенном Святым Духом сознании. Если ты истинен, тогда все истинно. Если ты благодатен, тогда все благодатно. Ум, принявший помыслы, падает на землю, подобно подстреленному голубю. Сердце, принявшее благодать, спасается во Христе, взлетая в небо, подобно ширококрылой чайке.

П. Почему так опасны и вредны помыслы?

М. Потому что именно они являются сетью сатаны, улавливающей душу человека. Каждый помысл - это ещё одни безчисленные оковы, налагаемые на человеческую душу. Как только молитва очистит ум и сердце от помыслов, человек, где бы он ни находился, пусть даже в концлагере, сразу освобождается от духовного рабства и обретает благодать.

В душу каждого человека диавол, чтобы полностью овладеть им, впрыскивает губительный и парализующий яд греха. Парализующий укол греха - это греховное мышление. В таком омраченном состоянии находятся почти все люди. Только те немногие благословенные души, которые обрели милость Божию через покаяние, избавляются от этого дьявольского омрачения и обретают свободу в Христовой благодати. Однако враг рода человеческого неусыпно следит за ними вплоть до самой их кончины, надеясь уловить их в свои сети, остальные же находятся в жестоком рабстве, не сознавая его гнета и власти.

Почему ты не можешь оторваться от разрушающего душу мышления? Потому что с самого рождения привык следовать мышлению и подчиняться его произволу, оно погружает тебя в мечтания, соблазняет воображение и навеивает пленительные замыслы. Безмолвный ум - это здоровый ум. Когда ум умолкает, душа полностью открывается Богу и становится причастна Его свету.

Если ты возьмёшь меч духовного рассуждения и щит благодатной молитвы, то сможешь защитить сердце от нашествия помыслов и утвердить его в спасительной благодати. Тот, кто хочет спастись ради избавления от греха, чтобы не попасть в ад - наемник. Тот, кто хочет вечно пребывать в любви Христовой, исполняя сладчайшую волю Господа - верный ученик Христов.

Если ты истинный последователь Христа, никогда не поступишь иначе. Если ты верный ученик Христов, то Его любовь становится твоим достоянием, а Богопостижение - твоим наследием, дарующим тебе Царство Божие внутри тебя самого. Царство Божие - это свобода во Святой Троице.

Ливень закончился также неожиданно, как и начался. Тусклым блеском окон

откликается марево крохотных огоньков далекого города. Досадливо вьются вокруг лица комары. Горячее южное межгорье занавесилось пеленой пыльной дымки, налетевшей с побережья Сахары. Под вечер собрались пепельные облака, кое- где упали редкие капли. Море вгрызается в обрывистый берег размеренными широкими гребнями, белой кружевной пеной осыпая излом афонского мыса. Землю придавила, растекаясь по дремотным холмам, паркая липкая мгла. Пора в дорогу. Великое блаженство всюду и во всем постигать Христа и не иметь с помыслами никакого дела!

Тетрадь восьмая. Ключ разумения

«Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие» Лк.12:1

Зной, словно кипятком, плеснул в лицо. Шершавые чахлые травы выгорают на солнцепеке. В тёмные норы на холме утекают лисьи следы. Запылённые мальвы излучают мягкий свет и нежный, еле уловимый тягучий аромат. К вечеру, словно подбоченясь, вышел из-за далекого хребта месяц и поплыл все выше и выше среди тонких облаков, уменьшаясь в размере. В полутьме вечнозеленого колючего дуба взахлеб кричит сверчок. Запела звонко цикада - соловей щедрого лета. Вечерние бабочки слетаются на огонь костра, кружась белой метелью над головой. Глеющие угли медовым дымком щекочат горло. В середине их мигает багряный огонёк, будто подмигивает в темноту смеющимся веселым глазом.

В дороге вспомнился А.П. Чехов : «Никто не хочет любить в нас обыкновенного человека». Этим словам откликается сердце и инстинктивно ищет опоры и поддержки во Христе. Его любовь убеждает нас в её необыкновенности и уникальности : полюбить людей так, чтобы отдать за них собственную жизнь и этой смертью помочь подняться хотя бы одному человеку до его Богоподобия. Такая любовь достойна величайшего благоговейного уважения.

Терпение - это послушание Божественной воле, которая являет собой Божественный Промысл . И потому это терпение естественно, мягко и без насилия становится началом подлинного смирения. А где смирение, там - любовь, которая «никогда не перестаёт»(1Кор.13:8). Тем не менее, в действительном смирении от присутствия всякой пошлости и злобы, слегка прикрытой лицемерием, больно сердцу и тогда внутри становится не по себе, словно в душе ощущается вкус оскомины. Пошлость злобна до ненасытности и в этом она солидарна с миром, который «во зле лежит»(1Ин.5:19).

Уход из Церкви и даже бунт против неё - это предательство и, как таковое, малополезно, а также, по сути, бессмысленно: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни»(Ин.6:66-68). Христос это свет, поэтому Церковь светоносна и её цель - сделать людей такими же светоносными и свободными через постижение истины, ибо в Церкви живёт истина. Стать в Церкви внутренне свободным во Христе, без порабощения души вещами или людьми, взять крест свой и Церкви и победить несвободу души спасением духа в святости постижения Святой Троицы - это наша верность Христу и Церкви, это и есть подлинная христианство.

Всякие искушения в православной жизни - это расплата за обретенную благодать, за увиденный свет. Православие призывает к спасению и оно же, как религия, через людей,ослепленных своим самодовольством и своим мнимым достигнутым в нем «совершенством», препятствует этому восхождению душ к немеркнущему свету Христову. Поэтому наше спасение всегда трагично, но оно побеждает всякую земную трагичность своим вхождением в иное бытие, в жизнь не от мира сего, которую мир не может ни понять, ни вместить.

«Я сплю, а сердце моё бодрствует»(Песн.5:2) - с этим в религию не поиграешь, такому состоянию духа нужно отдать всю жизнь. В нескольких словах выражена вся суть духовной жизни и всей духовной практики, иначе говоря: «Я живу, а сердце моё бодрствует, то есть осознает себя в Боге, в Его правде». Каковы же плоды стяжания этой Божественной правды? «Праведность, мир и радость в Духе Святом»(Рим.14:17). В итоге, это является сущностью духовной практики в нескольких словах: стяжание Святого Духа и утверждение своей жизни здесь и сейчас в воле Божией, надежной которой ничего нет и которая есть праведность, благодатный мир и духовная радость. Чем слабее внутренняя вера, тем более люди укрепляют и упрочняют внешнее религиозное благочестие, закореневая в своем эгоизме. Чем меньше благодати в душах, тем больше возводятся храмов, тем пышнее их украшения и тем торжественнее богослужения. Храмы - это религия, а Церковь - христианство. Религия учит, христианство учится постигать истину. «Умный любит учиться, а дурак - учить». А. П. Чехов. Учить значит остановиться своем развитии и убить в себе способность познавать. Эгоизм убивает всякое Богопознание в себе и не дает прийти к этому Богопознанию другим. Духовное научение непрерывно и безконечно, если учиться у Бога быть в вечности подобным Ему, ибо Бог ни в чем не имеет предела. Существенное и основное различие религии и христианства состоит в том, что религия учит своих сторонников лишь пониманию различных представлений о Боге, а христианство прямо и непосредственно приводит человека к действительному постижению Бога в сердце человеческом. Добрые дела должны вести к отрешенности от мира, а не к погружению в мир. Поэтому во всех так называемых наших «добрых» делах самое достойное их завершение - обычная человеческая неблагодарность: не ищите земного, «ищите горнего»(Кол.3:1). Поэтому не бойся неудач, продолжай пребывать в молитве спокойно и без тревог и Бог сделает это поражение твоей победой, а первенствующие в мире сем тем большее примут посрамление. Ослепительный кусок серебристой вершины на восходе режет глаза. Так истина трудна для усвоения: будьте теми, кем вы призваны быть: «Но вы - избранные род, царственное священство, святой народ, Божье владение, избранные, чтобы возвестить о великих деяниях того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет»(1Петр.2:5-9). Эти слова проникают в сердце и душу своей Божественной истинностью и становятся в них действенной правдой. Однако против нее всегда восстанут сыны противления: «Настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете ли вы это?» Ф.М. Достоевский.

Храмы и обряды предназначены для религиозного воспитания людей. Христианство и Церковь, особенно Литургия, служат для спасения людей. На начальной стадии «воцерковления» души ей необходимы храмы и обряды, как формы религии. Однако на завершающем этапе спасения души главными критериями становятся сокровенное христианство и святая Церковь. «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»(Евр.11:1). В переводе на наш язык, это означает достижение непосредственно Царства Божия и спасения, а также уверенность в том, что Царство Божие и спасение состоят в постижение невидимого Бога, пребывающего «внутри» нас.

В уголке окна трепещут мелкие листочки оливы, вздрагивают, словно пытаются сказать наедине что-то очень важное. Должно быть, хотят рассказать о том, что они будут зеленеть как всегда, даже когда им очень жарко или холодно. Понимаю сладостное переживание их свежести и чистоты как ежесекундное неповторимое свидание с вечносущим Богом, поэтому душе моей так дороги и эти хрупкие веточки, и синее окно с убегающими далями, с прозрачной голубизной, и, особенно, - неизменное

длящееся присутствие Божие. И снова вдали медленно потухающее солнце, снова возвратилось к нам недолгое сентябрьское тепло.

«Благовестуй, земля, радость велию, пойте, небеса, Божию славу» - земля благовествует радость душе, которая не привязана к земному. Приземленная душа не может принять в себя небесную радость и радоваться ею. Небеса поют славу Божию тем, что дух человеческий созвучен небесам и ему дано вместить славу Бога и жить ею в вечности.

Чем крепче скорлупа душевного эгоизма, тем сокрушительней удары болезней и скорбей, разбивающих в пыль надежды на земное «счастье» и поиски опоры в мирских «любовях». Хотя эти вхождения в нашу жизнь Божественной правды болезненны для эгоизма и самолюбия, тем целительнее и спасительнее они для спасения души. Не стоит чрезмерно огорчаться даже тогда, когда благодать отходит от сердца. Любовь вернётся таинственным образом, лишь только в сердце родится первое искреннее и смиренное чувство покаяния.

«Ищите прежде всего Царства Божия»(Мф.6:33). Царство Божие просто и оно любит простые сердца. Что можно обрести досужей болтовней? Только другую болтовню, то же самое, что и «богословием» за горячим чаем с бутербродами. Как же искать это Царство Божие и где? Кротко искать через Церковь, поскольку Царство Божие - это кроткий Христос, и искать без надрыва это Царство внутри себя, поскольку Христос принёс спасение всякому богоподобному человеку, по неведению утратившему свой образ и подобие. Это достижение того, о чем говорил Спаситель: «Царство Божие внутри вас есть»(Лк.17:21).

Видеть и слышать может всякий человек со здоровыми органами чувств. Почему не видят и не слышат иные, добровольно уподобляясь слепым и глухим? Ум делает и видимое, и слышимое «непроницаемым» для постижения, заменяя все воспринимаемое размышлениями и измышлениями, становящимися «медной» стеной между Богом и сердцем, между благодатью и душой. Остановить разрушительные действия ума, подавляющего все духовное в человеке, и помочь ожить сердцу, или духу, в благодати - вот на что должны быть направлены все наши усилия. Она - наш лучший учитель. Ясность духа, чистота сердца и покой ума - наилучшие условия для того, чтобы видеть Бога как Он есть, и слышать Его живое слово, чтобы в нём и через него стяжать вечное спасение.

Духовная свобода состоит не в отыскивании отступлений и ересей, а в свободе спасения и поклонения «в духе и истине»(Ин.4:23). Закрывая двери свободе, мы закрываем двери и самой истине. Духовная свобода вырастает из послушания. Тогда без всяких усилий приходит умная молитва. От всего, что не делает нас свободными во Христе, необходимо уйти, и от того, что не может дать нам благодати, следует отделиться или, хотя бы, свести с этим отношения до минимума. Когда стяжаются Дух и истина, всякие отступления и ереси отмирают, как ненужные «опухоли» на здоровом теле Церкви, живущей духовной свободой, и в этой свободе делаая верных навсегда свободными во Христе.

К вере не может быть привыкания, оно в ней просто невозможно, поскольку вера - это живое и постоянно обновляющееся переживание присутствия Божия в душе. К этому присутствию Господа душа начинает стремиться не только во время бодрствования, но хранит память Божию даже во сне. Привыкают к религии, к её формам, постоянным и однообразным и, привыкая, умирают в вере. Кабинетное «богословие» не знает, что делать с тайной Божественного бытия, потому что не «носит» и не может «носить» в себе Бога. Поистине, взяли «ключ разума», при полном равнодушии к стяжанию Царства Божия и даже враждебности к этому стяжанию, тем самым закрыв для

остальных вход в истину. Благодать для таких людей не научна, а поэтому спасение для них - лишь предмет теоретических умственных спекуляций.

Религиозное «благочестие» разорвет на клочки любого, кто не подстроен под общепринятые условности и шаблоны. Поэтому, чтобы сохранить радость, пришедшую свыше - «о Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь» - необходим великий труд по стяжанию устойчивого и непоколебимого душевного мира, который не нарушаем ничем изо дня в день. Любовь ко Христу можно хранить и в трудах, и в многообразных послушаниях. Тогда такая святая любовь безраздельно наполняет сердце и душу. Это есть обретение подлинного благодатного смирения - пребывать сердцем во Христе, ничего не принимая и ничего не отвергая, но находясь в молитвенной любви к Богу и ближним. Христианство ждёт от человека смиренной свободы, лишённой всякого эгоизма, свободы духа и сердца в Христовой любви.

Если в душе что-то остается от земного мимолётного бытия, хотя бы в самый малый форме и частице, то душа не оторвётся от земли, чтобы подняться ввысь и взлететь в Царство Божие. А так как мир сей находится во власти дьявола, то эта связь души с земным и тленным - порочна и греховна, а запутавшаяся в земном душа подвластна тирании демонизма. Как к непромокаемому плащу не пристает дождевая вода, так к одеянию безстрастия не пристает ничто демоническое.

Церковь постоянно напоминает об этом, религия - нет. Вглядываясь в Дух, видишь Церковь, вглядываясь в других, видишь религию. «Аще око твое просто будет и все тело твое светло будет»(Мф.6:22). Одухотворение плоти совершается через очищение ума, умного ока. Оно делается «просто», когда лишится помыслов, тогда и тело «светло будет» от полноты благодати. Чем наиболее близок Христос тебе и каждому? Тем, что он делает свободным именно тебя. Он спасает не религию, Он спасает твою душу, которая для него ценнее всего мира и всей вселенной.

Когда благодать прочно входит в нашу жизнь, она неразрывно «сливается» с ней и становится нежной и многовожденной молитвой-руководительницей. Не в смысле поисков наслаждения и не в виде удовлетворения страстей или тщеславия помыслов, а как постоянно присутствующее в душе блаженство постижения и созерцания духовной красоты и высочайшего, смиренного достоинства истины Христовой. Благодать неизменна, как субстанция, но она свободно меняет свои проявления в зависимости от состояния души, тем самым постоянно напоминая ей о Боге и о спасении.

Из переписки с друзьями

П. Отче, отрекшись от мира, печалюсь о близких, оставшихся в миру. Чем, кроме молитвы, я могу им помочь?

М. Старайся не допускать прежних ошибок. У тебя есть только один Христос, Которому ты должен отдать всю свою жизнь. Иго Его есть великое благо. Предай Господу свои попечения и старайся уподобиться Ему в любви и милосердии. Когда Христос будет жить в твоём сердце и ты будешь жить во Христе, твои близкие по твоим молитвам также обретут милость и покров Божий.

П. Сейчас многие монахи заняты поисками благодетелей. Должен ли я, собираясь отречься от мира, подыскать таких помощников в моем отречении?

М. Для того, чтобы привлекать благодетелей, требуется много лицемерия и актерства. Ты же предайся на нищету Христову и на Его святую волю. Кого Христос приблизит к Себе, для того Он становится истинным Благодетелем и лучшим Помощником, «ибо иго Его благо»(Мф.11:30). Христос дарует тебе свободу «не от мира сего», а покровителям и благодетелям ты будешь должен по гроб жизни и свяжешь себя долгами по рукам и ногам. «Кто имеет уши слышать, да слышит»(Мф.11:15).

П. Многие с добрыми намерениями стараются дать мне полезные советы. Как я должен относиться к этим советчикам?

М. Кто соединился в Духе со Христом, шагает свободно, не позволяя всей своре помыслов, подобно псам, рвать сияющие благодатью одежды его души. С людьми будь ниже всех, а духом прибывай высоко со Христом. Не ищи в людях подпорок и костылей, разве ты не убедился, что эти подпорки непрочны?

Когда я был подростком, однажды весной родители переехали в большой город, а мне пришлось несколько месяцев ездить на электричке в школу, чтобы закончить в пригороде учебу в восьмом классе. Видя, что я езжу в школу один, пассажиры часто расспрашивали меня о моей жизни и давали различные советы, которые я выслушивал не без некоторой робости. Пришлось мне спросить у отца, как я должен поступать в этих случаях? Он мудро ответил: «Слушай всех, а думай своей головой!» Точно так же советовал поступать и старец Кирилл (Павлов).

П. Понимаю, отче, но как же быть с послушаниями, в которых я должен отсекал свою волю?

М. Уже став монахом, мне довелось в монастыре выполнять множество разнообразных послушаний, и не все их удавалось исполнить в срок, так как начальников было много, а сил моих явно не доставало, чтобы всюду успеть. На исповеди я покался старцу, что количество послушаний выше моей меры. Духовник, архимандрит Кирилл (Павлов), заметив мое уныние, сказал: « У тебя голова есть на плечах? Вот, и учись пользоваться ею: рассуждение развивай, рассуждение! Это высшая добродетель! В чем суть этой добродетели? - спросил он. И сам же ответил: - Всегда и во всем с рассуждением старайся стяжать мирный дух, а с ним легко будет во всех послушаниях!» То же самое говорю и тебе, послушнике!

П. Меня ужасают предстоящие испытания и скорби, которые необходимо принять ради спасения. Что вы посоветуете?

М. Все святые Отцы и преподобные только и делали, что стремились к спасению. Тот, кто хочет добраться до цели, не обращает внимания на трудности пути. Решительный в один миг пересекает весь путь и водворяется в обители Христовой, в Его благодати. Достигнешь благодати и на этом закончатся твои душевные страдания, хотя телесные скорби останутся, чтобы учить тебя исправлять твои грехи и ошибки. Возложивший упование на Бога не страшится скорбей, как скала не боится ударов молнии.

П. Что же такое спасение от греха?

М. Спасение от греха - это избавление от страха смерти. Грех - это смерть, а победивший грех духом благодати победил смерть. Твой дух - не раб смерти, ум есть раб греха, а потому и раб смерти. Дух - это царство безсмертного света, когда воспримлет свет от Подателя света - Господа Иисуса. Не рассуждай о свете по мертвой букве, постигай его живым духом своим, исполненным святости, Божественного просвещения и разумения. Свет Христов тогда приходит в душу, когда она начинает жить без помыслов.

П. В чем состоит наше понимание спасения?

М. В том же самом, как понимали и постигали его все Отцы, начиная с древности: на постижении духа или сознания, как образа и подобия Божия в человеке. Только с помощью духа мы приходим к Богопостижению и соединению со Христом. Это посвящение совершается не где-либо ещё, а в твоём собственном духе, как и в духе всякого человека, очистившего своё сердце и обуздавшего свой греховный ум. В твоём духе находится стяжание святости, чистоты и посильного для человека совершенства. Но не погружайся в слова или понятия, отыщи собственный дух или сознание и в нём узришь истинную свою личность, в глубинах которой пребывает Христос. Жив Бог, и

мы, уверовавшие в Него, будем жить вместе с Ним вечно.

С отрешенных платанов под ноги падают отметины осени - щедрые слитки тусклой листвы: мир словно выступил из своих пределов и безкорыстно делится его богатствами. Река неторопливо уносит в море розовые и фиолетовые листья. Над обрывом дрожат тонкие нити липкой паутины, щекочущие лицо. Оголённые ветви блаженствуют в бледно-голубом небе. Тонко очерченные дали зовут к отрешению от усталой зыбкости земной жизни. Берег думает свою вековую думу, перебирая волнами выброшенные на песчаную отмель старый спасательный круг, разбитую лодочную доску и кусок зеленого пенопласта.

Одна гора призывает другую летящими перьями поднебесной выси. Душа открыта небесному простору. До самого бирюзового горизонта такая ширь, что трудно оторвать глаза. И, тем не менее, сердце не переполняется ею, но спокойно и отрешенно принимает в себя и песчаную отмель, и нескончаемые горные хребты, и далекий горизонт, и всю неохватность волнующего бытия. Справа догорает багровое солнце, на треть съеденное фиолетовым отрогом. То, чем пространство было вчера и чем оно стало сегодня, слилось в одно неразрывное целое. И все эти мгновенные штрихи бытия, словно краткие отсветы вечности, глубоко западают в душу. Не потому, что в них Бог, но потому, что они от Бога и говорят о Боге.

Тетрадь девятая. Царство Божие - не загробный мир.

«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» Рим.14:17

Горы подернуты струями легкого тумана. Вокруг - неувядаемо голубые просторы одиночества, тишины и молитвенной радости. В сердце - чистота и свежесть, словно «поцелуй ребёнка». Заснеженные вершины возвышают дух, взирающий к Богу со спокойной доверчивой кротостью. Дни, месяцы, годы - что они для вечности благоговейного созерцания? В глазах - солнечные блики, на теле - алмазы пота. В живой, горячей молитве - и душа, и сердце, и все горные дали, которые дух вмещает непостижимо и просто, как свое неотъемлемое достояние. И безмерного неба все больше, как и молитвы, когда следуешь за тихим светом в душе, отрешённым и всеприемлющим. Хорошо под небом Божиим нескончаемо странствовать в просторах преображенного духа.

Церковь земная - прообраз Царства Божия. Церковь Небесная - осуществление этого прообраза в Святых, Мучениках и Преподобных. Церковь, ставшая земным суетным миром и служащая этому миру и властям его, осуетившись, постепенно перестает быть Небом на земле и делается религией века сего. Однако, Дух Святой, пребывающий в ней, через святых, смиренных носителей этого Духа, словно святое пламя, сокровенно передается ими от поколения к поколению и «врата ада не сокрушат» Его. Заповедь «Непрестанно молитесь»(1Фес.5-16-18) становится блаженным состоянием этой таинственной передачи, глубочайшей основой которой всегда остаются Христовы слова: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»Мф.18:3). В постоянной памяти Божией мы становимся «как дети», а дети всегда веселятся и радуются тому, что они просто есть. Само по себе, бытие в Боге есть веселие и радость, ибо оно благо. Удержать и закрепить это радостное веселие и святое благо в себе, в своем духе, есть спасение.

Без любви жизнь страшна, как будто она умирает безвозвратно. Отсутствие любви - это смерть и порождает страх самой жизни: как жить, если нет любви? Поэтому «совершенная любовь побеждает страх»(1Ин.4:18). Страх коренится в греховном уме, потому что он не умеет любить и не имеет ее в себе. Божественная любовь - это

любовь Духа, поэтому она живёт только в духе человеческом, которым и в котором она познаются как совершенная истина. Слово «любовь» рождается влюбленной душой и произносится любящим сердцем.

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос»(Гал.5:1). Как стоять? Обуздывать ум, чтобы возвратиться к свободе духа. Освящать душу благодатью, чтобы прийти к миру душевному, как свободе от страстей. Безкорыстно стремиться к спасению, ибо оно есть самоотречение. Очищать сердце, чтобы оно упокоилась во Христе, живущем в нём, ибо Христос даровал нам Себя, потому что Он и есть свобода в истине. Царство Божие - не загробный мир. Это достижение полноты благодатной жизни здесь, на земле, чтобы утвердиться навечно в жизни безконечной, которая начинается на земле и продолжается в вечности. Это Царство необходимо стяжать здесь и научиться им жить вечно. Поэтому мы «чаем» воскресения в нем мёртвых, чтобы они ожили Словом Божиим. Царство Божие - Царство любви, и стяжать Его значит стать самой любовью.

Постигая истину, мы узнаем жизнь вечную, потому что истина приобщает нас этой жизни. Приобщает же она через прямое познание в Духе Святом, ибо в истине нет уже никаких действий, кроме Богопостижения. Постигать истину значит жить ею в благодатном чувстве любви. Нет никого, кого нельзя было бы спасти, при наличии в нём стремления к спасению. Нежелание постижения Бога есть отказ от спасения. Испорченный и развращенный ум, словно самоубийца, идёт до конца, реализуя свою свободу выбора, предоставленную ему Творцом.

Дух человеческий - иной и отличен от всего земного, поэтому совершенно живёт иным, он полностью находится и в инобытии, на ином берегу, где светит свет невечерний. Ум, сердце и душа - всегда посюсторонни, земны и привязаны к земному. Дух - обитель Бога и от Бога через дух изливается жизнь и сила земным проявлениям духа - уму, душе и сердцу. Земные проявления - клубок привязанностей к миру, но не к Богу. Поэтому этот разрыв губителен для человека. Целостное обращение и возвращение ума, сердца и души к духу, а через него ко Христу, с помощью просвещающей благодати, мягко и без чрезмерного напряжения восстанавливает внутреннего человека во всей его целостности и красоте: «Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом»(1Петр.3:4).

Жизнь духа совершается в нас и в тоже самое время «помимо» нас. Это та грань, где Небо соприкасается с землёй, Небо Царства Божия с землей сердца человеческого. Дух постоянно созерцает, не вмешиваясь ни во что, потому что он - тайна человеческого бытия, но без духа ничего не может быть, что может быть. Дух человеческий - обитель для Христовой любви, которая не утомительна и без которой нет ни молитвы, ни самого спасения.

Христоносный старец удивительно человекен и прост, живя за пределами греховных падений, свойственных всем нам, обычным грешным людям. И в то же самое время он преисполнен чрезвычайно привлекательной, свойственной только ему индивидуальности. В душе осталось навсегда трогательное воспоминание о жизни с любимым духовником как о ежедневном благодатном празднике. Однако за этой умиляющей сердца человеческие душевной притягательностью умудрённой личности, стяжавшей в себе Бога, всегда присутствует невидимая для мира и неизвестная ему смертельная духовная битва, где врагом является безжалостный адский демон эгоизма. Таков суровый, политый кровью путь духовного крестоношения.

Пробежал быстрый ливень, потрогал каплями лицо, как ласковое приветствие Божие. Все - трава, кусты и деревья, словно привстали на цыпочки и подняли к небу зелёные

глаза - удивительный и какой-то по-детски блаженный мир , тут же исчезающий и тающий на глазах. Благодать легко узнается по присутствию в душе тонкого умиления, зовущего к молитве и возникающего без какого бы то ни было усилия с нашей стороны. Облака растворились в просторе ветра и снова солнце и жаркая выцветшая голубизна неба.

«Светлое око» Христово - во всём, а душа прячет от него виноватые «несветлые» взоры. «Мир ловил меня, но не поймал», а вот меня ещё ловит звуками, ароматами, красками и причудливой вязью событий. Собираю ум вниманием, накапливая опыт в сосредоточенной молитве. Понимаю их суть, что мне не принадлежит ничего, но к пониманию ещё нужно добавить благодать, чтобы из их союза образовалась непоколебимое безстрастие сострадающей всему живому никогда не убывающей и светоносной живой любви Христовой.

Коридор спасения настолько узок, что лучше не скажешь, чем «тесные врата».

«Тесные врата» - это полное отсутствие рассеяния ума, когда он перестаёт блуждать. Все делается живым и одухотворенным от присутствия в нас любви. Без нее и внутри, и вокруг - мертвящая пустота. И со всех сторон, отовсюду, исходит слепая тьма чужих и чуждых религий. С одной стороны, - опасность привязаться к стереотипам и шаблонам фарисейского христианства, с другой - не соскользнуть в лабиринты туманных рассуждений и домыслов лжерелигий. И если бы не Христос , то «не спаслась бы никакая плоть»(Мф.24:22).

Находиться «не в духе» - печальное состояние, если неправильно его понять. Когда человек не находится в духе своем, он легко поддается дурным помыслам и страстям. Это есть своего рода потеря бытийного центра. Пребывать в духе означает равно видеть все и воспринимать все изнутри, из сердцевины собственного духа, где есть только «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Больше ничего. Тогда все функции ума и тела действуют правильно, когда человек хранит внимание ко всем этим действиям, сам оставаясь вне их власти и досягаемости. Там совершается непрестанная молитва, там рождается благодать, там сияет незримый свет Царства Небесного: «восстает тело духовное»(Мф.10:8), то есть тело духа.

«Душе моя, душе моя, восстани , что спиши? Конец приближается...» - хочу, Господи, и пытаюсь бодрствовать в Духе Твоем, аз, ленивый и грешный! «Из глубины я воззвал к Тебе, Господи! Услышь меня!» На каждом шагу рассеиваюсь, на каждом движении отвлекаюсь, на каждом слове спотыкаюсь. Не показною любовью жажду любить Тебя, не шумной радостью радоваться благодати Твоей, не ложным смирением стремлюсь пребывать смиренным духом во Святом Духе Твоем, но молюсь Ему всем сердцем, отданным навеки Тебе, Первому и Последнему в жизни моей!

Когда появляется слишком много злых борцов со злом, кто же будет творить добро? Всякая борьба со злом не становится ли сама злом? И так, когда творят добро, оно само сдерживает зло, не давая ему распространяться. Самое наивысшее творение добра - стяжание мира душевного и благодати, желающей всем прийти в разумение и обрести спасение. Если хочешь бороться со злом, перестань его замечать, и оно погибнет само по себе, ибо существует и питается лишь нашим вниманием.

Создавать идолов легко, а оторвать их от сердца трудно. Всё, что не есть Христос, легко может стать идолом и самоцелью, тогда неизбежна борьба одних идолов против других: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте»(Мк.13:37). Как мы узнаем христиан? Они имеют мир и любовь между собою. А как распознаем религиозных людей? По их неприязни и злобе к ближним. Поэтому очень жаль тех, которые молятся о приумножении благодати, а осуждением и клеветой истощают свою жизнь и не дают жить другим.

Человек всегда максимален: начав ненавидеть одного, закончит тем, что возненавидит всех. Тогда, казалось бы, начни он любить одного, чтобы затем полюбить всех, однако сделать это гораздо труднее. И, тем не менее, человек никуда не денется от любви, потому что она - сердцевина его собственной жизни.

На этой неделе разболелся так сильно, что дал Богу «согласие» на смерть, перестав бороться за свою жизнь. И как только отказался от борьбы за неё, началось выздоровление. В умирании душа смиряется окончательно, даже помыслы отстают из-за сильной телесной слабости. Молитва переносит все внимание, все оставшихся силы в дух, где так хорошо и безболезненно течет иная жизнь, вечная. Даже становится жаль выходить оттуда, изнутри, и снова настраивать себя на обыденное существование или «бывание». Но та жизнь, иная, где пребывает Христос, стала ещё дороже и роднее, чем это телесное прозябание, словно застывшее в своем монотонном течении.

Пасмурный день. Голые ветки миндаля чеканным неразгаданным узором легли на светлую даль. С мокрой скалы взлетели дикие голуби, раскинувшиеся по небу белым, быстро меняющимся облаком, умиляя смирившуюся душу. Доходят слухи о пророчествах, о бедах и грядущих войнах. Если не помнить, сколько ещё хороших людей есть у Бога, тогда мир становится похожим на живой ад. «Старцы» передают, что необходимо запастись продуктами. Запасали несколько раз, и уже столько их пропало, что теперь отношусь к этим слухам спокойно, стараюсь «запасаться» молитвой и отсечением помыслов осуждения и иронии. Тогда душа погружается в неторопливое «безвременное» время сладостного уединения и безмятежного покоя.

Прекрасно быть отрешённым и свободным. Прекрасно ощущать непривязанность к миру. Прекрасно не угрызать других. Прекрасно находить свободу в духе, устремленном к неуклонному стоянию в истине. Прекрасно иметь одно цельное сознание, в котором нет ни образов, ни мечтаний. Прекрасно забыть о себе и ожить в неизменности любви. Прекрасно стяжать сердце, открытое Царству Небесному. Прекрасно, когда ум умер, а дух живет во Христе. Прекрасно, когда дух наполнен благодатью и сознание созерцает Бога как всё во всём. Прекрасно, когда душа и сердце едины и одухотворены Духом Святым.

В Христе нет никакой властности, Он всегда в стороне от власти над людьми. Удивительно Его отвержение от всякого соблазна борьбы с «врагами» и возвышенная отрешенность от объединения толпы вокруг земных «справедливых» целей. Он живет совершенным безстрастием к земным проблемам и абсолютной свободой от мира сего: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»(Ин.16:33). Христова свобода направлена на любовь к ближним и к стяжанию Царства Божия. Свобода от мира есть Его победа над миром. Отсюда, всякое стремление властвовать над людьми есть «закваска» антихристова, а потому следует постоянное падение на наших глазах всех подобных властителей, одного за другим. А в месте с ними происходит падение их последователей.

Всякий помысл есть ложь. Все, познаваемое мыслью, является частью мыслительного процесса и не выходит из границ лжи. Только интуитивное, в Духе Святом, вне всякого мышления познание Бога приводит нас к неизменной и не теряемой истине и позволяет преодолеть искусственные ложные границы и стереотипы, навязываемые нашим греховным умом. Тогда эта истина становится неуязвимым и действенным словом, которое приводит всякую душу человеческую к безсловесному чистому опыту Божественного бытия. Благодать отвергает всякую мечтательность, чтобы дух обрёл силу «видеть Бога как Он есть». Такое безмолвное восхищение ума или Богопостижение находится вне всяких хитросплетенных слов и всяких мысленных

ухищрений.

Дух живёт Богом, а ум тянется к земному. Душа стремится к благодати, а сердце не может забыть о земном «счастье». Необходимо помнить, что всякий мыслительный процесс является принудительным для нашей души, сотворенной Богом для безграничной свободы духа. Обязанность духа - стать Небесным благодатным жителем, а долг тела - отдать его безкорыстному служению ближним. Безстрастие спасения состоит в отвержении всех земных помышлений и привязанностей, а поступки и действия человека - в том, чтобы исполнить и оплатить земные «подати». Разрешение подобного разделения находится в словах Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»(Мк.12:17).

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, что сначала предпочтительнее исправить - внешнее или внутреннее?

Монах. Вспомним слова Спасителя: «Если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло»(Мф.6:22). Внутреннее есть ум, поэтому сначала очисти внутреннее, чтобы совесть твоя не краснела за твои помыслы, а тело твое и всё остальное тогда последуют за умом, и тень твоя перестанет дрожать от стыда за твои дурные поступки. Тот, кто пытается все время очищать лишь внешнее, закапывает себя по шею в свои же грехи.

Учись быть хозяином ума и сердца, и станешь свободен во Христе. Вовне может происходить что угодно, но внутри тебя пусть неизменно сияет благодать Христова. Тогда все обстоятельства станут для тебя твоим спасением.

П. Скорблю, что сделал неудачный выбор и нахожусь в послушании у несведущего старца. Может, мне уйти от него?

М. Прп. Порфирий Кавсокаливит, как пришел подростком к старцам, не выбирая и не перебирая, так и стяжал в послушании им величайшую святость и обожение. Не следует покидать своего старца, если только он не понуждает тебя к недолжному. С другой стороны, даже пчела сначала исследует цветок, есть ли в нём нектар, а потом, убедившись, остается на этом цветке, пока не соберет столько, сколько сможет унести. Ты же одарён умом, будь же осмотрительнее пчелы, не сразу вверяй себя в чужие руки, чтобы не утратить своего спасения.

П. Что такое правильное рассуждение?

М. Правильное рассуждение - это духовное рассуждение, рождённое Святым Духом в сердце подвижника. Иначе говоря, это есть благодатное рассуждение, ибо оно помогает отличить Христа от принявшего его образ диавола, благодать от злобы духов поднебесных, прикинувшихся кроткими овцами, помогает отличить дешёвый обман от святой мудрости. Того, кто это умеет делать, называют истинным духовником или старцем.

Не имеющий духовного рассуждения, не может быть духовным руководителем и давать «духовные» советы. Настоящий духовник потому истинен, что умеет постигать истину среди заблуждений мира сего, и стоит в ней, не колеблясь, и тем самым укрепляет тех, кто устремился по его стопам к Истине-Христу.

П. Что такое чистота сердца?

М. Сердце, для которого не существует ни малейшего греха, ибо живёт единым Христом, есть чистое сердце. А его чистота - это совершенная незапятнанность духа, преображенного Христом и соединившегося с Ним. Ложная осведомленность не есть знание сути вещей. Только чистое сердце проникает в глубины Божии.

П. Что такое Богопостижение?

М. Это способность просвещенного или обоженного духа человеческого постигать

безпрерывно и без всяких отклонений и потерь пребывающую в нём Святую Троицу. И во все времена это было и есть подлинным просвещением Духа Святого. Очень часто критические ситуации включают наши внутренние душевные и духовные резервы. Такова жизнь многих выдающихся подвижников Православия.

Обладающий Богопостижением никогда не лишается его и свойственной ему свободы, где бы он ни пребывал. Ничто внешнее не может склонить его оставить это Богопостижение или утратить проистекающую из него свободу духа. С кем бы он ни встретился, ни один помысл не ввергает его в сомнения или колебания. Поскольку он свободен, то свободен от всех условий, утверждённый навечно в чистоте своего Богоподобного духа.

На далекой тропе душу посетила радость при виде пробуждающихся почек «несрочной» весны, и сердце затопило счастье от нахлынувшего молитвенного благодарения Богу за причастность души к Его простым и трогательно-прекрасным «откровениям», что Он здесь, внутри и всегда рядом. Начавшая зеленеть кудрявая горная долина издали ярко сверкнула белизной берёзовых стволов, измятых и изломанных зимними лавинами, но упрямо цепляющихся за скалы, за жизнь. Уголок безвременного счастья, молитвы и внутреннего созерцания. Уходя оттуда, оглянулся: только слегка примятая трава говорит о том, что здесь кто-то был, молился и прожил несколько удивительных мгновений с Богом и в Боге. И снова - бездонное небо и мои неспешные шаги среди одиночества горных ландышевых просторов. Сердце, оставившее воспоминания, проникает в самую сердцевину явлений.

Тетрадь десятая. Временная «свобода»

«К свободе призваны вы, братия...» Гал.5:13

По верхам гор тянутся зыбкие, постоянно меняющиеся облака. На луговом склоне - дрожащая под ветром ольха, как будто присела пугливая зелёная птица на мгновение короткого весеннего вечера, прежде чем исчезнуть в ночи. В каждой кроне леса гостит месяц, но утром все равно уйдёт домой, в небытие. Радуга в небе - словно мост к Богу для человеческих сердец. Куда в этом мире ни уйдёшь, прежним никогда не вернёшься - ни ты, моё сердце, ни ты, моя душа. Только дух, ловец тишины, всегда один и тот же. В палатке, у крохотной свечи, не вижу, но чувствую всеми порами кожи, как ночь становится все ближе, все гуще и все темнее.

Вечернее небо полно ожидания ее благоухающего прохладного прикосновения. Капли кроваво-красного остывающего вечера застывают на лету, превращаясь в падающие заезды. Догорает заря, похожая на прогоревшие пепельные угли в костре. Под утро тихой дремой ночь уползла в темные ущелья. Птицей запела душа на рассвете, когда коснулась её благодать и влила новые силы в молитву. Благодатная молитва - не принуждение, а порыв души, не таящей в себе никакого внутреннего сопротивления. Тропа, поднимаясь все выше, под самой кручей вдруг стала облаками, окутавшими летящую сквозь них вершину. Слово «Иисусе» проникло в самую глубину сердца и сделалось блаженной светлой радостью.

Интуитивное противостояние неослабевающего стремления к уединению, тишине и сосредоточенности против устремлённости зрения, слуха и ума в мир сей «притворный и привременный», где светит холодное солнце и веет душевная стужа, разрешается слезами покаяния. Каждая мысль отгораживает нас от Бога, от Его живоносной любви, так как мертвая мысль не знает ни любви, ни благодати. Неистребимая сердечная жажда дышать свежим воздухом, напоенным весной, благодатной радостью и кроткой тихой любовью, чтобы любить всех простых и смиренных, чутких душою людей, кому

открыта эта любовь, и трудность преодоления самого себя, чтобы сострадать иным, премудрым и сложным, запутавшимся в своих помышлениях и навязываемых ими нескончаемых «проблемах» - эти чувства находятся в постоянном противоборстве. От этого на сердце - дымка грусти.

Непередаваемо волнующий запах много раз испытанной и пережитой, но от того не менее любимой весны, вечно спешащей куда-то, веющей ароматом апрельской «детской» зелени на мокрых ветках ивы. Что делать в миру тем, кто больше не может в нем жить? Что делать с самим собою, который оторвался от земного и ещё не начал жить Небесным? Как возлюбить Христа больше, чем преходящее утешение от увлечённости души «религиозностью»? Сердце не хочет выжимать из себя любовь, оно желает чисто и по-детски любить, без всякой оглядки.

Холодный весенний ветер. С севера бегут низкие пурпурные тучи, стелясь над посеребрившим плоскогорьем, погружающимся в опаловый закат. Край неба помрачнел и словно сделался ближе. Листья деревьев стали фиолетовыми, потом черными. Ночью - тишина, неожиданно лунная, ясная, неподвижная. Через сердце словно льется поток благодатной жизни, поток любви, которой не нужно никаких усилий: «В чем застану, в том и сужу».

Не Христос в нас возвращается через наше покаяние, а мы возвращаемся во Христа, где снова находим Его милость и благодать. Господь зовёт душу к новой жизни в «иных берегах», а не к формальному благочестию. Пока у человека нет силы духа, он находит отдохновение в повседневном опыте, что уединение - это временная свобода. Но дух утверждает сердце в благодатном постижении самого нужного и главного: Христос - это наша свобода навсегда.

Промозглый туманный день. Откуда-то снизу наплывают сырые, вязнущие на скалах тяжёлые облака. Вокруг серое блеклое одиночество, без ярких красок. В душе родилось понимание, что всякое неприятие - это тоже привязанность. И каждый день и каждую ночь - снова искание, напряженное и мучительное, нерушимого спасения от скрытых привязанностей ума, утверждения в спасении и преображения в нём, как будто до этого ничего не было: ни раскаяния, ни покаяния, ни потерь, не обретения. От этого где-то, на самом краю сознания - сумрак отчаяния.

Немота ума благотворна, ибо дает начало пробуждению к жизни человеческого духа. Пустота жизни страшна, как пустая нежилая комната, брошенная людьми. Когда начинается очищение сердца и в нем рождается благодатный радостный трепет, ум отдыхает от путаницы и мелочности повседневности, которая постоянно стремится доказать себе и всем свою значимость и нужность. Но сердце интуитивно видит всю незначительность мирских упований и всю ненужность земных устремлений, потому что в нём и через него спокойно и мягко льется «избыток» Христовой жизни: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком»(Ин.10:10).

С некоторым оттенком сожаления и печали просматриваю современные трактаты об исихазме, речи и доклады - как это все это скучно, мертво, безрадостно, далеко от жизни и непоправимо чуждо душевному безмолвию и подлинному духовному постижению. Мёртвое сердце и мёртвая душа умерщвляют всё, к чему они прикасаются: «Не знаете, какого вы духа»(Лк.9:55). Только в живой молитве, вбирающей в себя все сердце без остатка, душа становится мягче и делается способной слышать глаголы Божии. Так наполняется сердце радостью, так в него приходят мир Христов и Его благодать.

Верующий человек - обязательно мытарь. Религиозный человек - почти всегда фарисей. К верующему человеку легко приходят смирение и любовь. К религиозному привязываются тайная гордыня и желание поучать и критиковать других. Доброта

утешает сердце верующего и его близких. Благочестие, неправильно понятое, держит в раздражении религиозного человека и в стойкой неприязни ко всем, кто с ним соприкасается. Верующему открыты врата покаяния и спасения. Религиозному нужно много потрудиться, чтобы смириться и обрести милость Божию. Церкви, как и человеку, вредно быть богатой и властительной.

Очевидный признак того, что мир полностью поглотил доверившуюся ему душу - просыпаться от ужаса перед наступающим днём и мертветь душой в страхе перед невозможностью заснуть ночью. Ясный признак того, что сердце освобождается от пленения и рабства мира - засыпать и просыпаться с молитвой и благодатью. Тогда ум собирается в сердце и обнаруживает, что в сокровенной таинственной глубине души находится «святая святых», где пребывает Христос, откуда он напрямую общается с человеком.

Детство прекрасно своей беспечностью, зрелость ужасна своей многопопечительностью. Радостное детство не задаётся вопросом о смерти. Безцельная старость страшна одним своим вопросом: какова будет её смерть? Когда благодать не слышна внутри, в душе, ей хочется развлекать и возбуждать себя чтением мирской макулатуры. Когда же душа находится в благодати, молитве и созерцании, ей для счастья достаточно одного Евангелия, даже всего лишь одного его стиха, подобного бездымному блаженному огню.

Когда сердце затягивает мирской водоворот, спустя некоторое время этот жизненный водоворот перестаёт замечаться: душа привычно в нём тонет и камнем идёт ко дну, иногда лишь вздрагивая от боли, как от кошмара. Если ей рассказать о том, как где-то светит яркое солнце, летают стремительные стрижи, как под свежим ветром волнуются луговые травы, на склонах гор бродят летящие тени разноцветных облаков, плывущих в синеватых озёрах, словно белые, удивительно красивые перевернутые небесные стога, а в водной ряби горят слепящие кристаллы полуденного светила, - душа в сонной одуре ничего не хочет, кроме одного: «не мешайте мне спать!». Это признак полного душевного бесчувствия и краха, окончательного и бесповоротного. Там нет ни Евангелия, ни Царства Божия, ни любви, ничего. Таков конец всякое временной «свободы».

Церковь - это не приходские заботы, попечения и дразги и не вовлечение людей в мир, чтобы они там устроились понадёжнее. Церковь - это Слово Божие, для стремящихся к стяжанию благодати, о том, как выйти из мира и стяжать ещё на земле Царство Небесное внутри себя, и ещё о том, для остающихся и занятых попечениями, как жить в миру, чтобы «спасены были». В итоге выходит: «Врач, исцели себя сам» (Лк.4:23). Поэтому Церковь есть постоянный призыв к покаянию, не одноразовому, но ко всецело покаянной жизни до самого волнующего перехода туда, «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

Фанатизму в христианстве нет места, так как христианин все покрывает любовью. Христианин всегда свободен, потому что он уважает свободу другого человека. Мы добровольно пришли ко Христу и того же ждём от других, не навязывая никому свою волю. Наша главная молитва должна состоять в том, чтобы любовь ко Христу распространилась по всей земле, а покаяние вошло в каждую душу. Покаяние есть возвращение не к собственной праведности, а к святости и совершенству Бога: «Духа Твоего Святого не отними от меня» (Пс.50:13). Без Бога человеческое покаяние становится всего лишь самооправданием, ничего не меняющим в душе и нисколько не преображающим её. Покаяние, ни в чем не преображающее кающуюся душу, - это и есть фарисейство.

Только начав молиться, мы понимаем, о чем нам нужно просить Бога и как это делать.

Молитва приучает нас слушать свое сердце и слышать его подсказки. Посторонние советы всегда скользят по поверхности, не задевая душевную глубину. Поэтому лучший совет для молитвы - уметь слышать голос сердечного «центра», голос истинной жизни - духа человеческого. Однако его можно услышать только в молчании и глубокой молитве. Нам всем, как христианам, важен пример Христовой любви, которая своей благодатью изменяет сердца, а не безчисленные слова и проповеди, зачастую не имеющие никакой силы.

Без молитвы нет ни благодати, ни спасения. Не бывает даже простого «утешения», а только нервное возбуждение или душевная эмоциональность. И как часто второе подменяет первое, то есть спасение, и тогда вспоминаются слова Христа: «Доколе буду с вами, доколе буду терпеть вас?»(Мф.17:17). Поэтому на духовном пути так необходим богоносный опытный старец. Тогда между ним и верным послушником рождается удивительное таинство духовной передачи, не столько словесной, сколько внутренней и сокровенной. Духовный опыт одной души напрямую переходит в другую душу, научившуюся внимать и слушать, подобно тому, как одна свеча зажигает множество других свечей.

Постижение Бога внутри духа человеческого и затем жизнь в Духе Святом есть всецелое преображение земли в небо. Это не мечта, не утопия для мирского ума, не страстный всплеск возбуждения для усталой души, не чувствительное переживание для истосковавшегося по благодати сердца, а реальное обретение непоколебимого камня веры - Христа в собственном существе. Когда молишься в уединении, хорошо молиться так, словно рядом с тобой находятся все люди, чающие спасения. А когда молишься среди людей, хорошо возносить такую молитву, словно во всей вселенной только Бог и ты. Тогда земля и небо сольются в сердце в одной благодатной молитвенной устремленности.

Если всякий заменит эгоистическое «каждый за себя», что есть явный эгоизм, на исповедание христианского состояния души - «каждый за Христа», как сжатое до предела христианство, земля бы преобразилась, как она преображается там, где есть хотя бы один человек, живущий Христом и во Христе. Сначала преображение происходит в душе, затем в теле, сначала совершается в человеке, затем во всём мире. Сначала это постигает один человек, затем постепенно все люди. С людьми следует меньше говорить о религии, но надлежит больше открывать им внутренний путь христианства, всем сердцем молясь о них, и тогда никто не останется равнодушным. К безпристрастному и смиренному, искренне доброжелательному, исполненному любви христианину мгновенно поворачивается всякое чуткое сердце. Чтобы во всех обстоятельствах оставаться истинным христианином, сначала необходимо освятиться благодатью.

Христианство - это «отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною»(Мк.8:34). Это значит взять на себя не только собственные страдания, но и страдания всех близких и последовать за Христом. «Непонятое» христианство, ставшее религией, живет одной идеей: как бы спастись, не страдая, спастись через обряды, молебны, акафисты, не испытывая в жизни ни скорбей, не мучительной борьбы с собственным злом. Стоять у креста есть великий подвиг души, а критиковать первосвященников и Пилата значит просто отвести душу в бессмысленном осуждении.

Сколько ни собрать воедино всевозможных знаний о Боге, все эти «знания» - ничто перед одним-единственным знанием Самого Бога. И человек становится ценным для Бога только тогда, когда он ценит это единственное знание и с его помощью соединяется духом с единым Богом. Человек входит во внутреннее молчание, где нет слов, но где слышится веяние Духа Святого. Там происходит Божественное

посещение, когда человек опытно испытывает такое благодатное состояние, несравнимое ни с чем на земле.

«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его»(1Кор.2:19). Тот, кто пережил это в духе, понимает, о чем говорят эти слова. Простая и безкорыстная любовь Божия переполняет сердце и душу. Ум становится безмятежным, а сердце укрепляется в благодати. Тогда внимание полностью сосредоточено в сердце, в котором нет праздных мыслей. Благодать собирается постепенно, без внутренней напряженности, увеличиваясь изо дня в день, тогда становишься искусен в безмолвии и тебе открывается через молитву твой собственный дух. Обретя непрестанную молитву, занимайся только созерцанием духа, и тогда сольешься в одно с нетленным Небесным светом. Всё, что было рассеянно: ум, душа и сердце, становится одним целым и ты непосредственно постигнешь Христа в самом себе лицом к лицу.

Искусственная «добродетель» всегда осуждает других за неимение добродетелей. Искусственная «духовность» отделяет себя от недуховности. Искусственная «любовь» гневается на недостаток любви по отношению к себе. В том и состоит трагедия мира, что диавол подчиняет себе и рясы, и клобуки, и митры, и чины, и награды. Но не может подчинить лишь чистое сердце, в котором живёт Христос.

Свободное обсуждение веры - это обмен своими практическими познаниями и непосредственным постижением ее. Спор - это средство уничтожить противника, высмеять его и опозорить. В обсуждении веры необходима определенная культура духовной свободы, которая только усиливает истинность настоящей веры. Боязнь свободы - это изгнание веры из жизни и подмена её заранее выработанными мертвыми религиозными схемами, без жизни и без огня.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, почему не могу остановить мысли, как ни пытаюсь?

Монах. Ты же не пытаешься остановить ветер, когда он дует, ты просто отворачиваешься от него. Почему же не делаешь так в отношении помыслов?

П. Не могу понять, о чем вы говорите.

М. Как человек, желая избежать сильного ветра, заходит в дом и там находит укрытие и наслаждается тишиной, так и ты ищи свой «дом» внутри собственного сердца, где найдёшь покой от помыслов. Именно там неисходно пребывай с Иисусовой молитвой. Натиск врага - словно судорога души. Если малодушно поддашься натиску греха, то душа впадёт в духовный паралич, который есть духовная смерть. Как избавление от мышечной судороги происходит в телесном расслаблении, так спасение от натиска зла совершатся в терпеливом спокойствии неослабеваемой молитвы. Нападение греха не может длиться долго, а наша стойкость держится на вере и долготерпении.

Безгрешная душа всегда стойка в вере и долготерпелива.

В глубине сердца находится прибежище от всего мирского, в глубине твоего духа пребывает неомраченная радость святости, недостижимая для всякого зла. Для постижения этого не требуются десятилетия, такое постижение может произойти мгновенно по дару Святого Духа. Бог не предстаёт перед нами постепенно. Он являет Себя сразу и целиком, поэтому и постижение истины такое же - она мгновенно делает нас свободными. Познание собственного духа - это настоящее неподдельное лекарство от всех душевных недугов. Постигая Христа, обитающего в твоем сердце, сразу избавляешься от всех скорбей.

П. Что такое свобода христианина?

М. Настоящий христианин свободен от всего земного, он победил мир так же, как победил его Христос. Поэтому истинный христианин всегда радостен. Он радостен, обретя благодать, он радостен, обретя целомудрие ума, он радостен, обретя смирение, он радостен, став единым со Христом. Если ты обрел такую свободу во Христе, ты истинный христианин. Если же нет, то ты попал в религию и только носишь имя христианина, не имея силы подтвердить эту христианскую свободу духа на деле. Усугуби же свою духовную практику, чтобы соответствовать святости этого богоподобного имени.

П. Как стяжать духовное зрение?

М. Духовное зрение - это способность обоженного духа прозревать суть Божественного мира. Препятствиями для обретения такого зрения являются неведение Бога, а также мирские привязанности, побуждающие око ума устремляться не к Небесному, но к земному, погружая ум в пыль и прах мирской суеты. У запорошившего себе глаза дорожной пылью откуда возьмется острое зрение? У ума, припорошенного «пылью» мирских привязанностей и заблуждений, как появится духовное зрение?

«Припорошенный» ум всё делает напоказ, смиренное сердце совершает свои деяния тайно ради Христа. «Слепой» ум связан помыслами, рисуящими ему ложную картину греховного мира, прозревшее сердце или дух всё делает из любви к Богу. Тогда Бог, видя его смирение, дарует такому кроткому духу духовное зрение - видеть во всех событиях Божественный Промысл. Совершенное смирение - это благодатное состояние без мышления, когда душой водительствоует Дух Святой.

Для того, чтобы сердце стало зрячим, ищи постоянно стяжание целомудрия, стремись достичь непрерывной молитвы, возжаждай постичь свой неизменный дух, чтобы открылись его благодатные очи. Очисти ум от сомнений, и твой духовный путь прояснится. Очисти сердце от вожелений похоти, и твое понимание спасения просветится благодатью. Очисти душу от гнева и твое постижение духа станет мгновенным, подобно сверкнувшей молнии. Подчинив себе ум, ты будешь управлять им, а не он тобой. Подчинение ума есть его успокоение. Успокоившийся ум сливается с духом, в котором открывается благодатная прозорливость. Так стяжается духовное зрение.

Пусть у всех всего будет в меру: и радостей, и скорбей. Здесь, на горах, не хочется тревожить покой небес громкой речью. В суровом холоде высокогорья душу греют цветы голубого мака и желтой примулы. Зачитался книгой у входа в палатку: лунный луч закладкой лёг на страницу. Половина вдоха - жизнь моя, Боже. Как ни кляни дождливый май, но когда выглянет солнце - он божествен. Бог Сам дает душе то, что ей полезно, если она не будет требовать у Него то, что ей не нужно. Набежавший дождь капля за каплей смывает с души земную тяжесть. Неподвластность души земным помышлениям мгновенно возвращает ее в утраченное детство.

Тетрадь одиннадцатая. Духовничество и старчество
«Всякий, престапующий учение Христово и не пребывающий
в нем, не имеет Бога» 2Ин.8-9

Не могу надышаться синевою нагрнувшей весны: окунаю лицо в каждую цветущую ветку, цветы миндаля застряли в бровях и бороде. С ночной темнотой слилась моя тень, а душа - со звёздным небом, словно выросла в нем. Сердце, непрестанно молящееся в груди и безоглядно жаждущее Бога - это судьба моя, бредущая по тропе духовных странствий в беспредельное. Горный холод словно теплеет и тает от ласковой улыбки человека. Невидим Бог, но как радуется душу Его родное

прикосновение. Душа растёт знанием Бога, а не рассуждением о Нем. Ум никогда не познает Бога, как разумом никому и никогда не ухватить Божественную любовь. В пещеру вместе с ветром заглянул синий вьюнок - вот он, мой лучший друг горного уединения! Ни один лепесток с цветущего миндаля не упал одинаково, так зачем же завидовать людям? Множество троп осталось за спиной, теперь одна-единственная мерцает предо мной - далеко уходит в небеса Млечный путь. Прекратил я листать старые книги и отправился в путь искать их настоящий смысл. Господи, Ты - один и я - одинок, не потому ли мы прячемся в одиночестве и друг в друге, объединённые любовью?

Мирское сердце любит мир и то, что в мире. Оно не любит истину, которая страшна для него и не нужна ему. Нелюбовь к истине убийственна для души и есть наибольший грех пред Богом. Нежелание познать истину - величайшее преступление, а отказ от пребывания в свете истины - самоубийство: «Люди более возлюбили тьму, нежели свет»(Ин.3-19). Иными словами, люди более возлюбили мир, нежели любовь, потому что этот мир стал для них светом. Тот, кто любит истину, имеет горячую любовь к Небесам духа.

Большое отличие в том, чтобы знать умом, что Царство Божие «посреди нас», внутри нас, и совершенно иное: постичь в духе, что это такое - собственным опытом. Первое есть кабинетное богословие, а второе - святость. Рассудочное понимание христианства - это благочестие, а интеллектуальное объяснение христианства есть богословие. Постижение истины - ни то и ни другое, но является практическим вхождением духа человеческого в саму истину с помощью благодати Святого Духа. Святость - это соединение духа человеческого с Духом Божиим, когда весь мир оставляется, ибо ему нет места в духе. Мир живёт умом и в уме, и, если ум оставляется, то вместе с ним оставляется и мир. Святость и любовь приходят в мир через сердце освятившегося человека, желающего всем спасения, но который не живет миром. Так, вслед за духом, освящается и мир, и живущие в мире по мере своей отрешенности от мира. Поэтому человек, устремлённый к святости, душою должен уходить от мира, пребывая духом в Царстве Божиим, а телом оставаясь на земле. Есть духовничество и есть старчество. Чтобы служить всем как духовник, необходимо или ограничить всех в служении им, или ограничить себя, служа людям. Ограничить всех, отведя каждому минимум времени для общения - это своего рода духовный «конвейер». Так можно увеличить количество людей, которым необходимы такое общение и помощь. Это духовничество.

Ограничить себя значит отказаться полностью от личной жизни, ограничить себя в собственных нуждах и желаниях. Тогда встреча с каждым человеком будет происходить со всей полнотой общения, хотя число тех, кто требует всей полноты общения, не будет велико. В первом случае служения нет ни учеников, ни послушников, но есть последователи. Во втором случае образуется круг постоянных послушников и преданных мирян. Это старчество.

Праздничные пунцовые облака над вершиной Святой Горы бросают на нее сиреневые тени. Пасха повсюду - и в небе, и на земле, и в сердце, в котором кротко изливается пасхальный тайный свет, свет от света и пламя от пламени Божественной любви. Душа вбирает этот путеводительный свет, словно он слегка движется, а на самом деле совершенно спокоен. Словно он медленно исчезает, а в действительности никуда не уходит. Так рождается благодать, неосязаемая, но ощущаемая каждой клеточкой и всеми порами души и тела.

Преизбыток любви предпочитает хранить молчание духа. Внутри стоит недвижимая тишина простоты и полноты благодати, во всей её завершенности. Окружающее

меняет свои привычные приметы: верх и низ, широта и высота - словно всё это видится со стороны, как будто светит сама беспредельность своим чудным светом без лучей: «Чтобы вы, укоренённые в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что ширина и долготы, и глубина и высота»(Еф.3:16) духа, запечатленного во Христе. Главное в смирении не в том, что кто-то действует против тебя, а ты без сопротивления принимаешь это, но в том, за тебя ли и с тобой ли то, что пребывает внутри тебя. Для смирения не нужно быть ни сильным, чтобы тебя боялись, ни богатым, чтобы тебе льстили. Когда все силы ума и души собраны в духе, а дух с полной самоотдачей собран в Боге, тогда постоянно совершается возрастание благодати, которая умудряет и освящает человека. Поэтому смирение - это благодать и её мудрость, благодать и её сострадание, благодать и её кротость и её любовь, благодать и её знание жизни земной и Небесной, это знание «жизни с избытком». Как происходит ослепление миром человеческого понимания? Ведь убегающая жизнь не скрывает своей мимолетности. Те, от кого она уже убежала, что поняли, что уловили, в конце концов? Слабый отблеск, мгновенное дуновение неуловимого видения? Чувство пустоты и неудержимости происходящего? Чудовищная слепота ума, как наваждение дьявола, князя мира сего. Это рабство греха, рабство злой и безжалостной силы.

Тени, высасывающие все силы из души и сердца, энергии, безпрестанно вращающие «волчок» ума, никогда не могущий остановиться, чтобы познать суть бытия - это все мир, любимый и возлелеянный человеческим сердцем: «Остановитесь и познайте, что Я - Бог»(Пс.45:11). Что значит выйти из мира, если не все все это могут сделать? Выйти из мира умом - вот духовный подвиг, оторвать от мира сердце - вот духовное делание, собрать душу внутри, в Боге - вот спасительный выход для всякой страдающей души. Иссяк завод у «волчка» ума - и мир не имеет сил запустить его вновь. Оторвалось сердце от пустых зрелищ жизни - и они не могут его схватить, как прежде. Соединилась душа со Христом - и она мужает и спасается в Нем, ибо Христос победил мир.

«Утешения» могут быть многократными, а спасение может не прийти. Жалобы могут быть бесконечными, а покаяние может не наступить. Размышления могут не иметь конца, а постижение Бога может не совершиться. Не жди ничего от будущего, забудь прошлое, собери все силы, начни жить в Боге, и не нужно будет ждать, чтобы все поскорее закончилось. Тогда бесконечность распахивается настезь в сердце человеческом.

Где бы человек ни находился и чем бы ни занимался, его неотвязно преследует, словно тень, один помысл: как уйти от одиночества? Поэтому все мирские увлечения не что иное как исполнение постоянного требования ума: развлекай меня чем-нибудь. Вера, ищущая не самоотвержения, а мирского счастья и «утешения» - не вера, а обычное желание найти себе «нишу» в религии и там обосноваться. Истинная вера отдает целиком всю себя Богу, не желая ничего, кроме Бога: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе»(Мф.6:9).

Обращение к истинной вере означает «обратиться», то есть возвратиться обратно к Богу, от которого ушла душа, уловленная обольстительными приманками мира. Завершение такого возвращения состоит в том, что необходимо войти в самое себя, найти и постичь свою собственную личность, свое сознание или дух, который один может хранить и «носить» в себе Бога. Молиться, не значит думать о Боге, как и любить, не значит думать любви. Когда мы молимся и любим, то исполняем все заповеди Божии и в монашестве, и в миру.

Любящие родители в семье должны быть как земные боги, чтобы дети могли с

увлечением последовать их примеру. Не нравоучения исправляют детей, но благодать, которую должны иметь родители. Излишняя опека превращает сыновей и дочерей в капризные и ленивые существа. Насильно хорошим верующим никто и никогда не стал и не станет. К сожалению это часто происходит в семьях священников, когда детей принуждают к вере. Пусть проблемами веры занимается Бог. Каждое утро отец и мать должны с радостью и надеждой на помощь Христову встречать новый день, обновляясь в молитве и благодати вместе с детьми.

Не следует передавать подрастающим малышам свои грехи, лучше передавать им свою любовь ко Христу. Это даст детям ощущение несокрушимой жизненной опоры и они станут нравственно стойкими христианами. Матери научились переживать, но не научились молиться о своих питомцах. Крик и раздражение по сей день не исправили никого. Если в воспитании детей не прибегать к помощи Бога, то в доме будет стоять нескончаемый вопль. Старец Кирилл (Павлов) говорил, что христианин может только просить ближних, но не имеет никакого права им приказывать. Поэтому в молитвах и просьбах, обращённых к детям, не должно быть никакого раздражения. Святость отца и матери делает чудеса, и дети таких родителей также избирают путь святости.

Хорошо, когда семья передаёт подрастающим поколениям добрый опыт взаимопомощи. Взрослея, подросток, унаследовав благое произволение с детских лет, всегда выберет правильный путь и с радостью последует за Христом. Наблюдая в семье ссоры и слыша постоянные взаимные упреки, дети также становятся гневливыми и раздражительными, о чем они будут сильно сожалеть впоследствии, когда обнаружат, что им трудно избавиться от дурных привычек. Школа должна иметь в своей среде праведников, которые стали учителями по призванию. Всякий учитель - это посредник между душами детей и Христом. Он любит детей без привязанности, сознавая свою ответственность за их будущий жизненный выбор. Учитель-христианин освящает детей Христовой благодатью, которую стяжал сам с помощью Церкви.

Самое лучшее обучение - это научить детей в молитве просить помощи у Бога. Безпокойство крадет ум и сердце, а любовь охраняет их и освящает. Самая лучшая защита - доверие Богу во всем. Современное научное мировоззрение враждебно и взрослым, и их детям, так как в его основе лежит атеизм. Не следует искать способы, чтобы приспособиться к падению нравственности в этом преходящем мире. Нам всем необходимо до конца хранить стойкость веры и оставаться совершенными христианами. Совокупность христиан, объединённых духом Христовой любви и самопожертвования - это великая сила, которую не сокрушат врата ада.

Когда диавол нападает, богословы молча сидят по углам, потому что им нечем обороняться. Для того, чтобы обороняться от зла, необходимо накопить большую благодать молитвенной практикой. Божественная благодать сильнее всяких слов. Это своего рода защитный покров каждого христианина. Он весь - внимание, весь - молитва, весь - благодать. Тот, кто духовно не укрепляется в молитве, беззащитен перед нападениями лукавого, так как не имеет непосредственной связи с Богом. Бытие Божие живёт всегда одновременно, вот этим самым длящимся мгновением, вечным «сейчас». Цифры, даты и история - условные обозначения в делении этого «сейчас» на периоды, на отрезки времени, на то, что называется историей. И только когда дух находится в Боге, он неподвластен времени.

Эгоизм живёт во времени, видит, сопоставляет, сравнивает, пребывая в непреходящем неведении Божественного бытия как такового. За всем этим присутствует неизменный недвижимый дух, постичь который и объяснить никакой ум и интеллект не в состоянии. Это вечное свидетельство нашего временного «бывания» и, одновременно, предстояния вечности. Все явления движутся и совершаются лишь на

фоне этого безпристрастного свидетеля, нашего сознания, его блаженной неподвижности и сознающей полноты разумности, но без которого ничего не может быть и существовать. Это - тот самый тайный свет духа, которые привычен и которого никто не замечает, но именно он и есть основа и корень нашего личного бытия в Боге. Когда мы духом пребываем во Христе, мы пребываем в мире и радости, которые невозможно утратить: «И этой радости вашей уже никто не отнимет»(Ин.16:22). Даже в тяжелой болезни возможно стяжать благодать, если неустанно хранить память Божию. Она помогает нам не замечать болезнь, не переживать о ней, но постоянно помнить о Христе - и тогда происходит чудо: незаметно и просто мы выздоравливаем. Никакие молитвы о собственном здоровье и спасении не сравнятся с молитвой о нашем соединении со Христом. Лучше всего молиться о своей душе и о наших братьях во Христе, чем о собственном теле и том, что нам принадлежит на земле. Независимо от того, чем болен христианин: рак или опасный вирус, он стремится всем сердцем и душой непрерывно быть со Христом, доверяя Ему Самому определить срок своего пребывания на сей земле скорби. Здесь христианин живет любовью Христовой, а в мире ином начинает жить радостью славы Божией, поскольку он уверен, что вечность возможна только во Христе.

Церковь всегда есть противопоставление миру сему, и лишь когда человек устремляется за ней к стяжанию Царства Небесного, он включается в жизнь Церкви, в её надмирное существование и блаженство, которое для совершенного христианина начинается здесь, на земле. Бог создал нас для вечности, чтобы мы были блаженны и бессмертны во Христе. Для того, чтобы всем нам войти в бессмертие вечной жизни, не имеющей конца, должен умереть наш греховный ум, называемый ветхим человеком. Искажения в Церкви под воздействием мира и непреодолимое сползание в него стало возможным из-за вовлечения в соблазн управлять миром, но «управление» быстро переходит в обслуживание мира сего. Если Бог не даст Своей помощи, что могут сделать люди, кроме порчи?

Стадии порчи души таковы: растрата всех душевных и умственных сил, чтобы постоянно занимать ум какой-либо деятельностью, духовная опустошенность, уныние и отчаяние как следствие полного отсутствия личной молитвы. Если такая душа берётся «помогать» миру, то она лишь усиливает бремя и ожесточенность мира сего. Сердце, которое не устремляется к стяжанию молитвы и благодати, «затемняется» даже при священническом служении, если такое служение становится самоцелью. Только отделившись от мира и укрепившись благодатью, можно помочь ему самым совершенным способом - сострадательной молитвой. Если такая молитва становится всеобщей, то ничто не сможет ей противостоять.

Святость - это уподобления Христу вплоть до соединения с Ним: «Верующий в Него не грешит»(1Ин.3:6). Мы носим в себе вечную жизнь и нераздельно едины с нею: «Веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную»(1Ин.5:13). Грех - это отпадение от такого единения, предательство Бога и собственной личности, которая без Него - ничто.

Поэтому покаяние становится для души её вечным изменением и возвращением к единству с Богом, возвращением в Царство Божие, в Жизнь будущего века: «Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки веков». Хотя и будут придуманы тысячи объяснений происхождения мира, его истинную суть знает только Бог.

На рассвете робкое солнце пробивается из-за сплошных туч. Изредка в них появляются ярко-голубые окна. Из-за хребта вместе с лучами живого света на морскую гладь сваливается ветер, оставляя огромные быстро исчезающие отпечатки своих легких прикосновений. Прежнее ощущение телесной бодрости и неумемной молодости теперь переходит в чувство духовной свободы и спокойного блаженства: иная пора,

иные ощущения: «В Нового Адама, созданного по Богу, дух твой, отвергнув скверные помыслы, да преобразится». Становясь в духе новым человеком, совершенно уподобясь Христу, иная жизнь начинает «жить» в человеке: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь»(2Кор.5:17).

« Дух дышит, где хочет»(Ин.3:8) и он прекрасно обходится без цитат, не нуждаясь в опоре на слова. В нём исчезают даже все определения и понятия, ибо дух дышит и живет святым безмолвием. Христианство сильно молитвой, а вера - самоотречением. Правда освящает мир, а ложь разрушает его до основания. Правдивы быстро наступающие сумерки своим отношением к Божественному порядку в природе: что бы ни происходило, они должны наступить. Море как бы исчезает в темноте ночи, но во всём блеске своего совершенства просыпается утром, отражая поднимающееся солнце.

Если каждый день нов, то значит все обновляется и ничего нет прежнего: «Древнее прошло, теперь все новое»(2Кор.5:17). Но я знаю, что я - тот же самый, что и был десять, двадцать лет назад. Внутри меня ничего не изменилось и, в то же самое время, все во мне новое. Это непрекращающееся удивление души перед неизъяснимым феноменом жизни, которая всегда остается непознаваемой, сопровождая все бытие человека: «Сущность муравья и сущность Бога одинаково непознаваемы». Свт. Василий Великий.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, почему так часто святые Отцы говорят о том, чтобы ничего не принимать и не отвергать?

Монах. Наш дух или сознание - это вечное длящееся постоянство инобытия, не знающее изменений, всё остальное - пустая деятельность ума. Она может быть благой или неблагой. Всё, что ум принимает неблагого, губит его привязанностями. Всё, что он отвергает благого, наносит ему ущерб, когда он отвергает благодать. Только благодатное сознание, не знающее сомнений, умеет хранить в себе свет Христов, «просвещающий всех», ибо свет Небесный любит пребывать в постоянстве сознания, то есть в постоянстве духа человеческого. Когда ты постигнешь это духовное постоянство, тогда уразумеешь смысл всего Священного Писания.

П. Почему, услышав столько пояснений о духовной жизни, я по-прежнему ничего не понимаю?

М. Потому что истина не передается словами. Слова - это только намёк на живую непосредственную истину. Она мгновенно передается Духом Божиим другому духу, когда ум, сердце и душа стали едины. В чем они стали едины? Они стали едины в чистоте, они стали едины в целомудрии, они стали едины в безмолвии-исихии, они стали едины в благодати. Такому духу из сердца старца передается благодать Православной традиции, передается спасение, передается суть самоотречения. Тогда дух человека постигает свою свободу в благодати Святого Духа, постигает свою бессмертность во Христе, победившим смерть, постигает свою вечность в вечной и нескончаемой Святой Троице.

П. По каким признакам можно отличить истинное явление Христа от ложного в практике непрестанной молитвы?

М. Богоявление всегда есть совершенная чистота и свет святой благодати. Враг не может имитировать святую благодать и если предстанет в «светлом» облике, то это будет лишь мёртвое, безжизненное и безблагодатное свечение.

Богоявление всегда являет собой совершенную любовь и сострадание, которые враг

не может изобразить. Поэтому его лукавый облик будет вызывать только страх и смущение в душе.

Богоявление всегда приносит величайший благодатный покой уму, душе и сердцу. Явление врага вызывает, напротив, безпокойство и волнение ума.

Богоявление всегда смиренно и не подавляет человека своей славой, но укрепляет и одухотворяет благодатью душу и сердце. Здесь враг полностью безсилен, поскольку изобразить смирение ему абсолютно невозможно из-за чудовищной гордыни.

П. Не имею решимости противостоять искушениям. Что мне делать?

М. Если взялся следовать Евангелию, нужно быть решительным. Если вознамерился идти за Христом до конца, нужно быть мужественным. Отсутствие таких добродетелей как решительность и мужественность всего лишь дурная привычка малодушия, приобретённая с младенчества. Стряхни с себя оцепенение малодушия, словно вражеский морок, собери всю свою волю, привлеки в своих молитвах милость Божию и Господь исцелит тебя.

Воспитывай в себе спокойное смиренное мужество, только не путай его с обычной наглостью и хамством. Не уваливай от сложных дел, не отступай перед опасностями, и дух решительности и мужества воспрянет в тебе, как пробуждается от сна здоровый человек и удивляется тому, как он был труслив во сне. Малодушие сродни такому глупому сну и оно не к лицу христианину.

День за днём избавляйся от нерешительности. Мужественный человек не обращает внимания на свой страх, малодушный рабски подчиняется страху. Выбери первое и отбрось второе, с полным упованием на помощь Божию ступай вперёд, к цели - своему спасению и не оглядывайся назад! Не усомнись во Христе, чтобы зло не нашло лазейку в твою душу и не погубило тебя!

П. Когда я вижу неправду, то опасаясь вмешаться, чтобы меня не укорили в непослушании. Правильно ли такое поведение?

М. Если нет духовного рассуждения, то лучше всего не доверять собственным умозаключениям. Однако, наши отцы нередко подвергались изгнаниям и преследованиям, потому что отстаивали правду Божию. Если бы все их восхваляли, то они стали бы лицемерами. Но лишь после гонений и прецений их объявляли святыми и чествовали как преподобных.

Здесь мудрость: если ты молчишь по страху лишения своих мелких привилегий, уважения старших, лишения одежды или пищи и боишься заступиться за обиженных, то это обычная трусость. Монах есть воин Христов и никогда не должен быть трусом. Он защищает не только свое спасение, но и спасение тех, кто рядом с ним. Бог да вразумит тебя, чтобы ты смог мужественно не отступать ни на пядь от правды Божией! В лесу перед грозой ни звука, ни шороха, даже птица не пискнет, как будто наступил конец света. Стенания молитвы со мной в тишине - разве этого мало тебе, душа?

Вспомнилось наставление старца: когда идёшь, не пинай ногами камни, когда молишься, не спотыкайся о помыслы. Молодые сосенки сгрудились под скалой, будто прячась от грозы. У входа в пещеру на лозах дикого винограда повисли, подрагивая, крупные дождевые капли. Пахнуло размякшей отсыревшей землёй. Над вершиной яростный рев урагана, похожий на стон гигантского зверя, а в пещеру, словно осколки, долетают лишь клочья дождя.

Шапка вечнозеленого плюща заплела высохший куст шиповника и шевелит мокрыми листьями, радуясь непогоде. Из разодранной ветром тучи сыплются пригорошнями вечерние звезды. Земля поблескивает стальной влагой невпитавшихся луж. Месяц, словно выстиранный дождём, вынырнул из-за острого гребня и тут же ушёл за соседний пик. Строго и торжественно, словно опомнившись, запели сверчки. На скате

обрыва то ли чёрный камень, то ли сухое дерево - не разобрать. Ночь густеет темнотой, гора надвигается на все небо, когда слабое сияние месяца потухает за ее спеленутой тёмным облаком вершиной. Бодрствуя молитвенно в сознании, теряешь все предметы и находишь их заново во Христе.

Тетрадь двенадцатая. Когда жизнь становится Христом
«Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом
Святым, данным нам» Рим.5:5

Молочное туманное утро. Снова дремотный говор дождя: «Дождь идёт. Косые нити, белых крыл водоворот...» Сырая, непроглядная мгла, качаясь, движется за ветром. Рассыпались в тугом воздухе звоны дальнего колокола, должно быть из монастыря. Сверкнул на мгновение солнечный луч, и в тенистом холодке старой вербы вспыхнуло красной краской полымя дикого мака. Однако внизу, в долинах, ещё глухо клокочет и дышит беспокойное марево туч, бодая скалы лобастыми туманами, то собираясь в густые клубы, то растекаясь над морским простором.

Пахучее промокшее разнотравье тянется вдоль склонов, взбираясь на серые взгорья, поросшие редким сосновом леском. Лазорево-туманная зелень перелесков потухает по разбегающимся холмам. Беспокойное ветренное небо катит бурые клубы холодных туч. Слово играя, из-за туч брызнуло солнечное золото и тут же убралось, как будто утонуло в сизой молчаливости нахмурившегося небосвода. В низине ущелья потаенно таится зеленая дрема камышового озерца. Мелкая рябь набежавшего ветерка ломает отражения горных склонов. Издалека дрожит глянец пятнистого от тёмных облаков задумчивого моря. В покое уединения наступает конец всем земным желаниям. В мирских устремлениях не найти Бога, ибо Он открывается лишь сердцу, оставившему их навсегда.

Наша жизнь тогда становится Христом, когда мы «Христу Богу весь живот наш предадим», и смерти уже нигде нет места, поскольку Он - «Путь, истина и жизнь». Тогда все становится Христом, а смерть - приобретением всего Христа и жизни вечной. Господь и есть единственное и истинное приобретение всей нашей жизни при условии соблюдения Его святых слов: «Если любите меня...»(Ин.14:15). Поэтому только во Христе можно ощутить ближнего, как самого себя. Христианин не требует святости и любви от других, он по мере своих сил сам являет их в этой жизни, опираясь на помощь благодати.

Стыдно за свою молодость, незаслуженно растраченную на прихоти и оставившую после себя неоплатные долги, но не стыдно за свою старость, честно отдающую накопленный опыт: «кесарево кесарю, а Божие Богу»(Мф.22:21). Время юности - время сумасшествия, когда считаешь себя умнее прочих, в глупой самоуверенности помышляя себя лучше остальных. Как все тогда бралось с наскока, больше нахальством, чем умом, как теперь что-то дается осторожностью и бережным отношением к своей душе и к каждому ближнему, который един с нашей душой. Память о том, что земная жизнь - это всего лишь подготовка не к концу нашего существования, а к его новому началу, полностью меняет нашу жизнь. Мы начинаем жить радостью, что наша жизнь не конец, но следующий удивительный этап нашего бесконечного познания Бытия Божия, вселения «в невечерний день, в неизреченную радость, в непостижимую славу, в селения святых, во двory Господни».

Снова душой оживаю в горах. Склоны дымятся молодой зеленью. Заросшие диким луком и горным кизилом узкие тропы ещё полны весенней свежести. Дышу, молюсь, пытаюсь созерцать в палатке ночами. По вечерам трудно оторвать взгляд от такой

знакомой и всегда вдохновляющей панорамы: прозрачные, будто невесомые голубые хребты на фоне медленного весеннего заката. Глубокая искрящаяся синева заострённого пика. Иной мир, далекий от всякой суеты, в котором нет никакого старения, а есть вечная и нескончаемая юность жизни. Самое лучшее на свете - не дух юности, а юность духа. Какое ослепительно прекрасное утро! Сердце радостно обнимает восходящее солнце. Ещё прекрасней такое утро встречать самозабвенной молитвой, ведь Христос - это незаходящее солнце нашей души, Он - встреча, длящаяся в вечности, Он - жизнь, пронизанная бессмертием.

Интеллект - гипертрофия самопоклонения, самодовольное ощущение себя пусть мелким, но богом, среди других таких же полубогов. Разум запутавшегося интеллекта - ключ, ничего не отпирающий, ключ неведения. Большею частью никто не говорит для другого, каждый говорит сам для себя, любясь своим умом. Малейшее разногласие выявляет всю хрупкость подобных отношений, в которых не слышно и не видно Христа. Умные слова пусты, добрые слова хороши, но молитва, с любовью к ближнему, ещё лучше, ибо она благодатна. То, что не можем сделать мы, легко сделает благодать Христовой любви, обращая даже неблагоприятные обстоятельства к нашей общей душевной пользе.

В мир невозможно нырнуть чуть-чуть и безопасно вынырнуть из него, не повредившись душой. Он засасывает ее целиком, используя паразитический греховный ум с его присосками помышлений. И вся борьба души в миру состоит в том, чтобы не стало хуже. Стать лучше можно лишь выйдя из него полностью всем своим существом, всем умом, умереть для самого себя. Если отвергнуть истину, во всём остальном можно найти компромисс и оправдать самих себя и друг друга. Христианская свобода держится истиной, всякие иные религиозные «свободы» в ней не нуждаются. Время - это великий обманщик, поглощающий без остатка жизнь человеческую. Вечно длящееся здесь и сейчас, неуловимое мгновение жизни можно постичь и остановить только в молитвенном устремлении к Богу, простирая к Нему свое сердце с горячей молитвой. Пока что-то произойдёт в истории как таковой, люди умирают, ничего не дождаввшись и так ничего и не поняв.

«Внутренняя» жизнь - это бегущая волна помышлений, размышлений и калейдоскоп безчисленных представлений. Духовная жизнь представляет собой полное отсутствие всего этого и есть единое и одновременное пребывание духа человеческого в благодати Божией. Без последнего первая - постоянный внутренний конфликт, тоска, уныние и полное отсутствие единственно верной цели - спасения. Если в душе нет стремления к спасению, то богослужения и даже литургия, помогая в духовной жизни, саму духовную жизнь наладить не могут, как не могут очистить от скверны помыслов душу, ум и сердце. Как печальное следствие этого в жизни наступает крах, мир настолько подавляет желание спасения, что в душе возникает уныние, разочарование в Церкви, затем отчаяние и, увы, быстрый конец: «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы больше принесла плода»(Ин.15:2).

«Погружаться с головой» в дела значит отдать себя целиком миру. Это подобно тому, как впустить воду в лодку и пытаться в ней плыть. «Вода» мира сего - желания, страсти и помыслы топят ум, убивают душу и умерщвляют сердце. Без стяжания безстрастия никакой помощи в миру никому оказать невозможно; неизбежно погибнут оба - и спасающий, и погибающий.

Чем чаще происходят подобные «погружения» в мир «с головой», трагический конец такой души неизбежен и закономерен. Уметь рассуждать - это искусство обычного мышления, а иметь духовное рассуждение и правильно применять его в жизни для

самого себя и других - величайшее искусство благодатной интуитивной мудрости. Первое без второго практически бесполезно.

« Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную»(Ин. 12:25). Любящий душу свою любит и мир, без которого не представляет своей жизни. Это знак некоторого рода одержимости и болезни души. Ненавидящий душу свою, приобретает неверие к мирским «радостям» и эгоистическим устремлениям, спасает её отречением от пленения миром, спасает стяжанием благодати и самого спасения. Любящих душу свою раздражают призывы к отречению от страстной устремлённости в мир вещей и советы к приобретению безстрастного отношения к миру, который проходит, делая безоглядно влюблённых в него «проходящими» тенями его пустого существования.

Любящие мир и душу свою обычно хотят «простого, земного и человеческого» счастья. Они хотят жить в радости, чтобы она преодолевала страх смерти. Но мир, которым исподволь коварно управляет диавол, изощренно обманывает такую наивную душу жестоким посмеянием над её попытками мирской «радостью» преодолеть зло века сего. Не стяжав благодати, пытаясь укрепить и подбодрить себя временными «утешениями», такая душа приходит к лишь сильнейшему разочарованию и, в конце концов, к полному отчаянию. Вместо возрастания «радости», такую душу обдаёт смертельный холод и ужас от невозможности устоять перед погружением в зло этого мира: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия»(Лк.9:62).

Церковь всегда благодатна, но удержать эту благодать без личных усилий очищения сердца от пристрастий и страстей, ума - от скверности помышлений и души - от забвения памяти Божией, не представляется возможным. Такому человеку, опирающемуся на незаслуженную им благодать Церковного причащения, не устоять, укрепляя себя лишь временными «радостями». Радость благодати очевидна, а невозможность ее удержать и сохранить для обретения жизни вечной - трагична без серьезной духовной работы над собой, без самоотречения и самоотвержения от мира сего целиком и полностью.

Человека, без опоры во Христе, постоянно мучает страх не быть счастливым. Он никак не может понять, что только Христос, Который живет внутри него, и есть непреходящее счастье. И такое же счастье - молиться об очищении и спасении каждого человека. Любящий других первый ощущает счастье благодатной любви. Молиться о спасении всех людей - это великое и самоотверженное служение. Без практического постижения этого в молитве, в безмолвии, в созерцании, насколько это возможно, удержаться в земном мимолётном счастье не дано никому.

Уходящие вдаль белолиственные тополя, бархатисто-зеленые лоскуты просторов напоминают счастливое детство, но теперь это уже другая земля и другие просторы, в которых проступает не прежнее, улетевшее в никуда детское счастье, но новое мудрое счастье, состоящее в том, чтобы просто и ясно жить, дышать, видеть и заново постигать Бога и мир Духом Божиим. Душа перестала жить воспоминаниями, найдя бессмертную юность в глубинах самой себя, где пребывает истина Христова: «Итак, кто в Христе, тот новая тварь: древнее прошло, теперь все новое»(2Кор.5:17). Новое возможно обрести только в духе, за которым «подтягивается» и душа, и тело. Дух, стяжавший святую благодать, неподвластен диавольской тьме и ее гнусным подделкам.

Пришествие благодати всегда радостно, отсутствие её - мертвящая душу и сердце невыносимая скука. Поэтому душа падает в мир, как в пропасть, в поисках удовольствий и наслаждений - жалкой диавольской подмены благодатной подлинной

радости. Голова с головой никогда не договорятся, а недоверие останется навсегда. Только сердце с сердцем могут стать едиными при полном доверии Христу. Если есть в сердце доверие, не нужно много объяснений. Если доверия нет, то не помогут даже тысячи томов разъяснений и объяснений. Для Бога нужны «раскрытые глаза и уши». Внешнее сопротивление обстоятельствам только усиливает их. Сопротивление своей внутренней скверности, вплоть до полного отвержения ее, непременно изменяет и внешние условия. Ведь Христос присутствует не только в Евангелии, но и в нашей жизни. Уход из мира вместе с миром - печальная ошибка и напрасное послушание миру. Строить жизнь в отречении, подобно прежней жизни в миру, заменив лишь форму и поменяв только внешнее - не является отречением, но есть симуляция отречения. Решимость в отречении не отдать миру ни ум, ни сердце, ни душу, в недолгом времени вводит дух в мир Божий, который не от мира сего и который есть Христос.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, долгое время живу, словно потерявший дорогу. Каким же путём идти мне к спасению: в миру или в монастыре?

Монах. Развивай свою рассудительность, сделай ее острой, подобно лезвию меча, чтобы ею отсекал грех. До тех пор, пока в душу не проник свет Христов, светом для неё служит тьма. Весь смысл жизни - это борьба со грехом и достижение свободы от него. Потому предай всецело свою жизнь Господу и Христос просветит тебя.

Во всяком деле есть идеал. Мирская жизнь не может быть идеалом, поскольку она полностью непостоянная и предательская. Когда кто-либо решает жить без Бога и добыть счастье своими руками, то перестаёт быть нужным Богу и теряет Его помощь. Такой человек отсекается, как сухая ветвь. Подвизайся там, где ты есть, и Христос выведет тебя к свету спасения даже в миру. Если же возжелаешь совершенства, следуй за Христом, оставь все и возьми крест монашеского подвига.

П. Чем подвижник уподобляется Христу - сердцем или душой?

М. Из сердца исходит «вся злая», и даже душу свою следует возненавидеть. Поэтому духом, исполненным благодати, подвижник уподобляется Христу, ибо благодатный дух человека хриstopодобен. Если стремишься к обожению, то должен действовать именно так.

Твой дух - образ и подобие Божие, но ты утратил знание о нём, разменяв его на пустую эрудицию ума. Чтобы постичь Богоподобие собственного духа, тебе надлежит в покаянии и молитве очиститься от грехов, а в непрестанной молитве прийти в духе к Богопостижению, сделав своей опорой благодать Духа Святого. Так ты познаешь истину и она сделает тебя свободным в Господе. Если не постигнешь в самом себе пребывающего изначально Христа, где ещё будешь искать Его?

П. Вы можете описать это хриstopодобие духа для большей наглядности?

М. Ты хочешь словами достичь Христа и стать единым с Ним? Отправляйся в уединение и в безмолвии постигай истину, сосредоточив ум и очистив сердце от помыслов. Когда владеешь истиной, тогда приходи и спрашивай о ней. Но тогда у тебя не будет больше никаких вопросов.

Если говорить о мёде, это только слова. Вкус мёда познаётся без слов. Так и Бог постигается только в безмолвии. Если же стремишься словами и догадками познать состояние спасения, то диавол предстанет тебе в облике спасителя и бесовские искушения придут под видом благодати. Не допускай подобных ошибок!

П. Как мне прийти к Богосозерцанию?

М. Если человек - никто, его жизнь - ничто. Он может стать подлинной личностью только со Христом и во Христе. Сам по себе человек может прийти лишь к полному

исступлению ума, попав в ловушку дьявольской гордыни. Поэтому должно развивать покаянную молитву, которая со временем, обрета благодать, становится непрестанной. Христос - это дверь в Царство Божие, а непрестанная и благодатная молитва - ключ к этой спасительной двери.

Когда милость Божия и непрестанная молитва соединяются, то молитва становится небесным тонким воздыханием и отворяет духу дверь в созерцание света Христова. Единственный способ стяжать преобразование души - это совершенное безмолвие. В Небесном свете совершенного безмолвия нашего духа открывается таинство священного созерцания, когда ум, сердце и душа полностью замирают, не в силах двигаться и взирать на это тонкое светозарное видение, которое все - радость, всё - веселье, все - блаженство в Духе Святом.

Дух Святой, Сын Божий и Отец Небесный - невидимы, невидим и дух человеческий. Поэтому Богосозерцание - это постижение Невидимого невидимым как ясно и открыто постигаемое откровение силы Божией. Это и есть то, что глаз не видел и ухо не слышало, ибо таково Царство Божие, которое целиком за пределами мира сего. От долгого ожидания дорога к синющим вдали горам кажется безконечной. Просторы будто застыли в неподвижности неспешного дня. По луговым, замшевым от сухости деревенским наделам, разделённым каменными оградами, течёт горячий запах сена. Прокаленной пылью тянется за машиной кудрявый след. В странствии душа словно проверяет себя в отрешенности. Придорожные белые кибитки и абрикосовые сады дремлют в шелковой пыли. Огненное солнце сочится жарой. Пылающие небеса слились с вершинами. Желтеющие вербы, словно старушки, просящие милостыню, кланяются вслед пролетевшей машине. Вдоль дороги рассыпались побеги вянущего чабреца. Солнечные лучи, будто переломленные сухими облаками, стоят столбами по далёким каменным сопкам и увалам.

Ночью в придорожной гостинице. Ветер ворошит на ветвях поблекшие листья эвкалиптов. Надломленный закатный луч, прорвавшись сквозь вечернюю синеву, словно танцуя, чертит огненные узоры на сухой выгоревшей земле. Клубясь и как бы играючи, над горой возникают из воздуха грибообразные кучеряво-дымчатые тучки и, оторвавшись от склона, тут же тают в горячем быстро темнеющем мареве. Глазастый месяц, украшенный золотым сияющим венцом, заглядывает в подсиненное стекло окна, желтой россыпью стелется по полу, печатая на серой стене чёрный крест оконного переплёта. Угольные тени кипарисов во дворе не шелохнутся: за раскрывшимся вдали безконечным горизонтом рождается новый горячий день, обещая душе самое лучшее, что может дать только родной и горячо любимый ею Бог.

Тетрадь тринадцатая. Духовные неудачи.

«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» Рим.7:19

Горячее дыхание жаркого полудня шевелит степные просторы, трепещет на придорожных вязах, кидаясь в уши воробьиным разноголосьем. Подгорающая листва переворачивается желтеющей изнанкой, кое-где сыплет на дорогу ворохом скрученной в трубочку сухой листвы. По кайме горизонта грозной синей зыбью поднимаются могучие хребты, белея барашками ледников. Из полынной степи доносится посвист сурков. Прекрасные силуэты небольшого табунка лошадей отливают каштановым чеканным узором на выгоревшей траве. Ночью хорошо слышно как в садах, глухо ударяясь о землю, падают спелые яблоки.

Посреди степи пылит машина. Клубы пыли, медленно оседая, стоят вдоль дороги жёлтыми мглистыми буграми, постепенно тающими вдали. Круги лебеды золотятся

пыльным налётом. Багровая заря, поднимаясь на цыпочки, заглядывает в степь из-за ледяных зубчатых нагорий. Над поникшим ячменем стелется острокрылый коршун. После горячего суховея с гор неожиданно тянет острым холодком. В тяжелых тучах змеится беззвучная молния. Степная синяя колючка топорщится в оврагах. Предгорья встречают безлюдьем и шорохом сухого камыша по обрывистым берегам поющей горной речушки. Сиреневые тени дрожат на ее перекатах, увлекая взор в неведомые глубины молчаливых ущелий. И все же нечего душе искать на этой земле. Все, что нужно, находится в сердце, в котором всегда открыты иные нездешние просторы, невидимые для глаза.

Первоначальный «запой энтузиазма» и последующее остывание, подгонка под собственное понимание веры и последующие «разочарования», жажда понять христианство «головой» и молчащее безрадостное сердце, погружение с головой в Евангелие и в книги Святых Отцов и никакого применения полученных знаний в собственной жизни, успехи в различных областях мирской деятельности, кроме духовной жизни, и мертвая пустота в душе - всё это духовные неудачи найти Бога в религии.

Поиск «романтики» в православной аскетике и малодушие в повседневной жизни, самые высокие идеалы служения ближним и обмирщение сердца, попытки преобразить свои страсти с преодолением дурных помыслов и лень и безволие в молитвенной практике и духовных усилиях, упоительные «религиозные» мечтания и тщетные поиски старцев, пожелание отречься от своей воли и страх перед самим отречением, стремление подражать Христу и образу жизни святых Отцов и скатывания до безверия и ропота на Бога - все это духовные неудачи обрести благодать без отречения от мира.

У нас нет времени, чтобы его тратить бездумно на пустяки, потому что мы оплачиваем их собственной жизнью. Оглядываться на то, сколько прошло лет в церковной жизни и унывать от собственного безсилия что-то изменить, рассчитывать на какие-либо гарантии в своем спасении и осуждать и хулить духовного старца, понимать и знать суть спасения и остаться у разбитого корыта из-за привязанностей к миру, желание совершенной жизни и падение на самое дно греха - все это духовные неудачи, не пропитанные любовью к Богу и людям, как следствие непонимания слова Божия: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди»(Ин.13:15).

Противоречие бездуховной жизни - служить Литургии многие годы и прийти к полному упадку душевных сил, не прилагая к спасению личные духовные усилия. Если храм рассчитан лишь на внешнее впечатление - украшения, позолоту и прочее архитектурное великолепие, прекрасное пение и долгие службы, то в скором времени все это приедается, становится привычным и перестает волновать душу. Если же храм, пусть даже внешне непритязательный и бедный, полон тихой, скромной благодати, когда сквозь его бедность сияет Дух Божий, он становится средоточием духовного притяжения для каждого сердца. Главное для храма не внешнее впечатление, а то, что внутри него - ясное присутствие Божие. Именно за этим «присутствием» приходят страждущие души, а не для того, чтобы любоваться позолотой и роскошным паникадиллом. Если в таком храме нет святости, то его роскошь не согревает ничьи сердца и души.

И Евхаристия и духовная личная жизнь всех, кого они объединяют, нераздельны, потому что порознь им не устоять. Чем слабее поиски спасения в Церкви, тем слабее влияние на жизнь людей святой Евхаристии. «Святая святым!» - иначе не бывает. Когда сердце постигает за каждым явлением таинственное присутствие Божие - «удобнее молчание» уст. Когда присутствие Божие проявляется в душе, как благодать,

приведя дух к «свету Богоразумия», устам «удобее» славословить человеколюбие Божие. Войдя в Церковь и не оставив за её порогом мечтания, вместо истины люди строят мнимую реальность православия, то есть религию, принимая иллюзию за подлинное христианство.

« Академические черви» грызут богословие, от которого остается лишь приставка «псевдо», ибо такой кабинетной многоучености чуждо спасительное делание: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»(Мф.19:21). Всякая душа, слыша эти слова, робеет, понимая их подлинный смысл: «Пойди, отрекись от себя самого и следуй за Мною». Нет ничего на свете выше этого и нет ничего труднее. Мужчина живёт правилами, женщина - исключениями. Мужчина - единственность, женщина - неповторимость. В их духовном союзе во Христе - гармония и спасение, в плотском единении - разрушение и гибель. Когда мужчина преодолевает себя, он становится хриstopодобным и преображается во Христе. Закосневший в эгоизме мужчина - демон. Женщина становится хранительницей святости, когда оставляет женское многопопечительное устройство ума и обретает благодать. Закосневшая в мелочах женщина - препятствие к спасению. Мужчина силён смирением: «Сила Христова в немощи совершается»(2Кор.12:9). Женщина сильна любовью: « При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина»(Ин.19:25). И только в духе, ставшем единым с Христом: «Нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»(Гал.3:28).

Вечер словно нахохлился, став серым туманом. Тихая благодать молитвы, от которой светло на сердце, побеждает без труда безприютность ночного одиночества. Ум всегда действует в одном измерении - безблагодатном. Безблагодатный ум греховен и поэтому он - любимая «игрушка» диавола. И тогда он становится гордостью в «чистом» виде. Ум может быть умным и может быть глупым. Но как бы ни был он умён, без благодати он не может быть мудрым, то есть разумным.

Через падший ум и его помыслы диавол хитро управляет всем человечеством, то есть тем, которое лишено благодати Христовой. Извечная борьба в духовном мире: ум-гордыня против смирения-мудрости. «Мир сей» не может указывать богословию, каким ему быть. Богословие должно влиять на мир, поднимая его до Богопознания, если, конечно, оно само пришло к этому единению с Богом. Церковь может успешно помогать в спасении лишь тогда, когда знает опытно, в чем оно состоит. Кабинетное богословие на все эти вопросы набрасывает тень схоластики, ибо не имеет такого опыта спасения души в Пресвятой Троице, обмирщенная Церковь вместо спасения предлагает религию и пышность обрядов.

Тропа ведёт меня все выше и выше к самым ледяным кручам. К вечеру стало не то что ветрено, но ледяные порывы превратились в ураганный ветер, ударяющий прямо в лицо и заставляющий склоняться пред его мощью, чтобы идти дальше. Вихрь налетел внезапно и заставил крепко побороться с ним и с самим собой, вместе с нежеланием двигаться дальше. Вдобавок холодное солнце, даже через темные очки, слепит глаза тысячами искр, отраженных снежными склонами. Такова власть стихии.

Чем от неё отличается власть над людьми? Тем, что она заставляет раболепствовать вместе с телом и душу человека. В стихии мы подчиняемся природной силе, но духом противостояем ей и побеждаем ее также духом. Власть человеческая стремится подчинить и поработить самое святое в человеке - его свободную душу, поэтому во всякой человеческой бездуховной власти есть гнусный оттенок ада.

Лишая человека личности, власть, какая бы она ни была, светская или церковная, превращает человека, в своем худшем варианте, в безличный «продукт» штампов. Так

в неудачных монастырях людей превращают в монашеский стандарт без лица, без искры, без душевного горения, умерщвляя в них стремление к спасению: «Раз в монастыре, значит спасешься!» Но для спасения нет никаких гарантий ни в миру, ни в монастыре. Тем оно так сложно.

Церковь - не коллективизм, а соборность. Если это упускается из виду, в монастырях воцаряется казарменная дух, а в миру - удовлетворённость внешними формами и атрибутами религии. Христианство - это святость и рождает святых людей. Святость - это пребывание в единении с Пресвятой Троицей через Сына Божия с помощью Святого Духа. Разъясняет это не богословие, поскольку оно не живёт спасением, а открывает это таинство Христова любовь через носителей этой любви - Хриstopодобных старцев, потому что их жизнь есть истинная жизнь в Отце, Сыне и Святом Духе, не исключая ни единого человека.

Тот, кто жертвует деньги человеку, обретает благодать милостыни. Тот, кто перечисляет денежные средства на «программы», приобретает лишь жадность потраченным деньгам. Без благодати в душе царит пустота и заполнить ее нечем, как ни загружать её безчисленными сведениями и знаниями, ничего не дающими ни душе, ни сердцу, но тешащими один лишь пустой кичливый ум, всегда критикующий и унижающий ближних. Помогать спасению людей может лишь живое и любящее благодатное сердце, но для этого его нужно стяжать с великим тщанием сугубым молитвенным трудом.

Мокрый снег лежит на вязаной шапочке, на плечах, на рюкзаке. Никуда недвигающийся серый вечер стоит, словно глухая угрюмая стена, которую, кажется, ничем не прошибешь. И совсем неожиданно, как появление старого друга, - солнечный краткий блик, который согрел душу, заставив её улыбнуться ему, как чудесному посланнику небес. Доверяющий Богу быстро обретает Его доверие. Неверие или недоверие к Богу есть доверие только самому себе.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, что такое безстрастие?

Монах. Отсутствие пристрастия к чему бы то ни было есть безстрастие. Это свобода от всего видимого, слышимого, обоняемого, осязаемого и вкушаемого. Это свобода от мирских наслаждений, свобода от восьми страстей, это свобода от всех помышлений. Поэтому безстрастие - это начало умного безмолвия, это вхождение в священную исихию, введение в совершенный покой ума и соединение с благодатью Святого Духа. Безстрастный живёт на земле, а духом пребывает в Царстве Божиим.

П. Если кто-либо увидит Христа в его облике, истинно ли это видение?

М. Христос может явиться человеку и в прикровенном земном облике, когда на это есть воля Отца Небесного, чтобы укрепить и поддержать верующего. Для этого нет необходимости в созерцании.

П. Каков же признак истинности такого явления?

М. Вспомним, что говорили апостолы, когда Господь явился им по пути в Эммаус: «И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк.24:32). В таких явлениях Господь предстает прикровенно, но святая благодать убеждает сердце в истинности такой встречи. Однако Господь не имеет никакого облика, как и Истина не может предстать в каком-либо образе. Поэтому благоговейному созерцателю Христос предстает как нетварное благодатное сияние Божества или как откровение Его Божественной славы. Если в созерцании предстанет безблагодатный образ Христов, он ни в коем случае не будет подлинным Христом. Особенно, если это видение потребует от созерцателя поклонения ему. Истинное Богосозерцание не имеет дела с подобными явлениями.

Настоящее Богосозерцание есть прямое постижение Царства Пресвятой Троицы во всевозможной полноте для человека. Оно превосходит всякие явления своей несопоставимостью ни с одним понятием или определением и неизмеримо превосходит всякое воображение человека. Чем обильнее благодать, тем беспредельнее созерцание духа человеческого, выводящее его сознание за все мыслимые представления о высоте, ширине и глубине, открывая ему просторы сияющей, ничем не ограниченной святости Троичного Божества.

П. Как рождаются страсти или же человек рождается со страстями?

М. Грех, войдя в человека, делает его страстным и это передается по наследству из поколения в поколение. Первопричина страсти - помысл. Появляется помысл, следом появляется страсть. Помысл - это первое тончайшее отделение духа человеческого от Бога, а страсть есть закрепление этого грехопадения. Избавься от мыслей и ты избавишься от страстей. Сомкни уста, опустоши ум от помыслов и наполни сердце молитвой. Достигнув бесстрастия, без промедления постигнешь Бога как Он есть. Дождь, переходящий в снег, целует поникшие травы, целует и плачет, становясь мокрым снегом. Снег заметает мои следы, а тот, кто пойдёт за мной, всем лицом встретит колючие снежинки. С чёрного неба падает белый снег - вот что удивительно! Открыл глаза среди ночи - ни мира вокруг, ни вещей, ни меня. Неужели я снова в горах? Ночной морозец согнул месяц в дугу. Каждый вздох - это святое единение с Богом. Не торопясь приходишь вовремя, поспешая всегда опоздаешь. Чистая радость присуща только цветам, детям и ещё - вот такому первозданному снежному покрову. Но чаще всего она посещает умолкнувшее в благоговейной молитве сердце человеческое. Безмолвной ночью самая лучшая песня - потрескивание сучьев в костре. Это - звук тишины.

Утренние лучи согнали весь выпавший снег обратно к вершинам. С широкого плато открываются тающие в дымке хребты. В чёрных голых ветках осин застряло осеннее солнце. Замер, когда открылись дали в зрачках одинокой лошади, откуда она здесь? Обняв руками колени, забыл о том, что костер прогорел и тишина сделалась горечью дыма, горьковатым запахом уединения. В лесу звучно падают каштаны - один, потом другой, третий... Слух резанул грохот сорвавшейся лавины, прогрохотал и затих где-то в каменной котловине. Пора в путь. Синяя заждавшаяся человека даль затаенно молчит. Над горой повисло на мгновение то ли облако, то ли белая птица. За что можно зацепиться в этом мире, если все его самые привлекательные образы подобны тающей снежинке на ладони?

Тетрадь четырнадцатая. Чем люди живы?

«Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти»

1Ин.3:14

Остроугольная пирамида вершины чеканно блестит холодом и волнует своей недосыгаемостью. Сливаясь с дымкой, на седловинах розовеют языки ледников. Свежая зелень елей устремляется в небо игольчатой стеной. Воробьиная туча стремглав кинулась врассыпную от мелькнувшей тени коршуна. Очередной брод: студено брызнула пеной речушка, каплями повиснув на лице и руках. Меловой пылью по верхам хребтов сверкает остатками ночи свежавыпавший снег. Позади, далеко на юге, еще изнывают от жары опаленные солнцем холмы. А здесь под ногами изумрудно синее свежая травка в венчиках лютиков и горных ромашек. Ветер холодит щеки и раздувает до предела лёгкие кристально чистым воздухом. Ничего не достигается

усилиями человеческими, но с благодатью легко обретается даже спасение. В своей таинственной глубине жизнь всегда безмолвна, а то, что проявляется на её поверхности, подобно бликам света на поверхности моря. Желая тишины и мудрости идёт вглубь, стремящийся к суете и безумству остается на поверхности жизни. Истинное богословие есть Богостигжение, а то богословие, которая раскладывает живой опыт духа на схемы - мёртвое псевдобогословие и оно никогда не приведёт к постижению Бога, так как мертво и безблагодатно, подобно меду без всякой сладости.

Царство Божие находится «внутри нас», но теоретическое знание этого утверждения не приводит к реальному пребыванию в нём, увлекая лишь мимолётным удовлетворением узнавания смысла различных слов и понятий. Логическое познание оставляет человека с ложным убеждением, что он что-то понял и чем-то овладел, но любое негативное обстоятельство легко сокрушает все подобные доводы и душа остается у разбитого корыта тщетных надежд и упований. Без преодоления эгоизма, как корня этого умственного знания, без молитвенного очищения сердца и ума от гордыни, без обретения «проводника» - благодати Святого Духа, ведущей душу к смиренному постижению Бога «внутри нас», без отсечения помыслов, без достижения безмолвия ума, без созерцательного утверждения в самой жизни Бога, - без всего этого человеку не устоять в христианстве и не стать его прямым наследником и носителем. Без достижения радостной свободы во Христе невозможно преодолеть зло, которое убивает всякую радость.

Власть и похоть узаконены земным миром, святость и любовь - дары Горнего мира. Неизбежно каждому человеку оставить этот ложный суетный мир и переселиться в иной, и по тому, насколько ослеплены люди наваждением власти и похоти, можно судить по злобности и изощренности зла, улавливающего людские души. Однако, сказано: «Мужайтесь; я победил мир»(Ин.16:33), ибо Дух Христов вовеки живёт, а мир проходит и суета его вместе с ним.

«Познать себя» значит постичь в себе замысел Бога о человеке - прямо увидеть в духе это подобие и образ Божий, обретая в себе Христа с помощью благодати Святого Духа. Оставить все, включая самого себя, особенно собственный ветхий ум, есть путь к истинному просвещению, чтобы во Христе постичь изначальное неразрывное единство духа человеческого с Пресвятой Троицей. Любовь Божия не говорит о «счастье». Она говорит о блаженстве вечного Божественного бытия в Царстве Божиим, которое не находится где-то «там», а здесь, прямо и непосредственно «внутри нас». Блаженство Царства Божия, стяжаемое ещё на земле, несоизмеримо превосходит всякое земное счастье, ибо это блаженство абсолютное.

Мы усиленно молимся в Церкви «о свышнем мире и спасении душ наших». Однако этот мир свыше нисходит в душу только тогда, когда она оставит все земные помышления и попечения. Без молитвенного личного усилия, без отречения от всяких помыслов и без тщательного хранения ума к этому вышнему миру Христову не могут привести даже тридцать лет хождения на все богослужения в храме. Лишь в сугубой личной молитве, которая поселяется в сердце с помощью благодати, душа находит истинный отдых и покой от докучающих и надоедливых мыслей и связанных с нею суетных попечений.

Церковь никогда не теряла радость спасения, но утратила освящение человека, утратила путь обожения его духа - узкий путь обоготворения. Целиком сосредоточившись на обслуживании мира сего, земная Церковь оставила непосредственное стяжание благодати через личную молитву и созерцание, которое, в конце концов, подверглось подмене его сути богословами, сделавшими понятие

обожения «кабинетной» наукой. Спасение стало проповедоваться как вхождение в Царство Небесное «потом», после смерти, а вплоть до неизбежной кончины якобы достаточно только богослужения и Причащения. В итоге, без одного крыла - личных молитвенных усилий по очищению ума и сердца, Церковь «кружится» в однообразном служении, живя, в основном, лишь церковными обрядами, то есть предлагает душевную религию, но не христианство, которое есть прямое познание Христа и соединение с Ним в практическом опыте молитвы и созерцания.

Мир создан Божественным блаженством для блаженства свободного человека, пребывающего в свободе и блаженстве Бога. В своих Святых Церковь продолжает побеждать мир и этой победы никогда не одолеть «вратам ада». Мир зашёл в тупик с его «прогрессом», а обмирщенная Церковь зашла в тупик с её «служением». Её цель приводить людей к вечному спасению от греха и смерти и это есть наивысшее служение, которое она должна совершать до скончания времён.

«Христос - новая Пасха» становится нашей Пасхой, когда и мы, следуя за Христом, преобразуемся во всех своих глубинах и сами становимся светом во Свете Христовом - светом нетленным, нескончаемым, непреходящим: «Во Свете твоём узрим свет» своего преобразованного сердца и сами станем светом Христовым в благодати Святого Духа. «Свет Христов» просвещает всех - просвещает благодатью от мечтаний греховного ума, избавляет от малодушия пред страданиями, предотвращает малодушное бегство от духовных подвигов и аскетических устремлений, наполняет дух человеческий нетварным светом и преобразует его, дарует постижение Царства Божия и соединение через созерцание со славой Святой Троицы.

Привязанность человека к миру сему - взаимное порабощение ими друг друга, из которого один выход: последовать за Христом к любви вечной, иначе говоря: «оставь мёртвых любить своих мертвецов». Любовь к пышности церковных богослужений - это тоже тщеславная привязанность к миру сему, а погружение в церковных проповедях лишь в обсуждение того, что называется «плодитесь и размножайтесь» и насущных проблем брака есть предательство самого спасения, ведущего к совершенной свободе от мира и стяжению Царства Небесного. И вера, и благочестие, и монашество - всё может быть подделкой, «подлизыванием» к мирскому «пониманию». Различение этих подделок состоит лишь в одном - помогает ли все подобное стяжанию Бога или же, напротив, препятствует этому постижению.

Чем люди живы? В основном, заняты поисками развлечения для своего ума, чем бы его занять? В отсутствие молитвы и духовной практики люди начинают жить, даже в церкви, мелочами, обидами, карьерой, погоней за наградами, деньгами, но к Богу не пройти подобным широким путём. Мертвецы наполняют мир сей и своей мертвостью убивают живых, у которых ещё жив благой инстинкт спасения. И, тем не менее, Дух Святой не перестанет благовествовать блаженное стремление к вечной свободе во Христе.

Духовность - это не вычитывание всех томов Добротолюбия или большого количества чётков, это - жизнь во Святом Духе. Для такой жизни нужно иметь всего лишь простое, детское сердце, устремлённое к чистоте и святости Царства истины. Такое безкорыстное сердце непрестанно славит Бога, подобно ангелам, которые не молятся о самих себе.

Озерцо в горах - тихое, солнечное, в дрожащих искрах сверкающей ряби, и благодарность души Богу за эту дарованную ей красоту, словно слиты в одно в нераздельной тайне текучего земного бытия. Сердце не может без борьбы оставить эту частицу блаженного мира, где душа хотела бы молиться и созерцать бесконечную Божественную красоту, чтобы остаться «скрытой во Христе с Богом». Поистине, нигде

кроме гор, так не ощущается это благоговейное чувство: «Господи! Хорошо нам здесь быть...»(Мф.17:4).

Всё, что человеку нужно в Церкви, в ней уже есть - благодать Духа Святого, остальное, «около» Церкви, - это всякая пустая суетная деятельность, которая прилагается искусственно, как некая «пищевая» добавка, которую не ищет сердце. Оно жаждет единственно спасительной благодати.

«Как величественны исполинские горы!» - прочувственно писал свт. Николай Сербский. Скальные пики сияют в ореоле уходящего лета. Вокруг сухое, вянущее полынное взгорье. Откуда-то из камней доносится клёкот бесчисленных куропаток. Наконец-то отдышался после долгого утомительного подъема. Последние тёплые дни догорающего сентября, словно благословение Божие. Душа раскрывается навстречу тихим и кротким потокам любви, нисходящей свыше, подобной ласковым солнечным лучам.

Когда Бог открывается в душе и сердце постоянным присутствием в виде осязаемой благодати, душе становится чужды волнения и мирские страсти, а сердцу - скверность помыслов и безблагодатные размышления. Это есть подлинное возвращение в мудрое детство, теперь уже вместе с обретенной благодатью. Детство и монашество - это братья-близнецы.

Когда надолго устанавливается внутреннее спокойствие и душевный мир, то внешний мир однообразно повторяющихся образов и событий сам собою изменяется и становится неожиданно другим. Следуя за внутренними изменениями, в нём незаметно исчезает ненужная теперь суета и появляются возвышающее душу земные пейзажи: горы, озера, леса, реки, вершины - несомненные признаки освобождения от омраченности ума и сердца миром страстей и мыслей.

Долгий дождь лопочет в кустах, шумя невесомыми каплями по притихшим окрестностям. Размытые купы деревьев сделали сплошной серо-зеленой массой. Из леса доносятся вздохи и скрипы, словно голоса тумана. Дым костра повис в воздухе вместе с клубами туманных облаков. Окрестности замерли, став тугим комком тишины. Под курткой - отвратительная испарина сырости. Впопыхах забыл взять запасные авторучки. Экономлю на записях. Безднадёжные попытки никогда не рассеиваться. Почему-то монахи полагают, что им все должны помогать, но подлинные монахи ищут помощи только в Господе.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как мне научиться различать правильно где истина, а где ложь?

Монах. Сынок, можно много рассказывать о том, что такое истина, а что такое ложь, и чем они отличаются друг от друга. Ты же отложи в сторону все заботы и развивай проницательность сердца. Оно становится проницательным от чистоты ума, эта чистота зависит от целомудренного хранения ума, избегающего мельчайшего осквернения похотью и загрязнения гневом. Похоть и гнев - это разрушители чистой молитвы. Воображение есть смерть внимательной молитвы. Покаяние и память смертная - это сила благодатной молитвы.

Так упражняясь в исполнении Евангельских заповедей и достижения некрадомой сосредоточенной молитвы, ты обретешь проницательность в слове Божиим. Затем достигнешь проницательности в чистой молитве, которая приведёт к тому, чтобы что благодать освятит твою интуицию и ты, без логического анализа, сразу будешь на вкус определять, где истина, а где ложь и чем они разнятся друг от друга. Так стяжается проникновение в самую истину, вплоть до полного с ней соединения.

Мне тоже довелось много сидеть за книгами, пока не понял, что следует большую часть времени отдавать сначала молитве, потом чтению, а не наоборот. Тогда

появляется в сердце как будто новое чувство прямого распознавания и людей, и вещей. Ты сразу начинаешь видеть, какой монах подлинный, а какой - лицемерный актёр, и кто из старцев настоящий, а кто только слывет старцем вследствие своей безпринципности и наглости. Так и ты не хватайся сразу за вершки, а берись за корешки. Познавай опытом, как и чем живёт твой дух и, когда он приобретет благодать, ты стяжешь духовное рассуждение.

П. Помыслы зовут меня вернуться в мир. Что мне делать?

М. Чем больше ищешь в этом мире счастье, тем больше обретаешь скорбей. Стремится найти в гибнущем мире счастье - это помысл от диавола. Ищи Христа и соединишься с Ним, чтобы избавиться от мирских мучений и терзаний. Рождение - это умирание, свадьба - это безконечной развод, постоянное добывания денег - неотвратимая смерть. Если это тебе понятно, то как можешь вернуться в мир?

Природа духа человеческого - это любовь. Совершенное постижение природы нашего духа, преображенного благодатью - лучшее достижение.

П. Если я хочу думать только о добром, это правильное поведение?

М. Размышление даже о Боге - большая ошибка и есть продолжение ложного мышления. Помысл даже об истине - это великое заблуждение. Стремление к накоплению помышлений - это глубокое заблуждение рассудка. Совершенное обуздание ума, утверждение духа в благодати и соединение его со Христом - вот истинное спасение, вот подлинная свобода во Святой Троице. Истина - это единственное счастье, в этом нет сомнений!

П. Это означает, что думать совершенно не о чем?

М. Все, к чему цепляется твой ум, становится твоей смертью. Когда ничего не переводишь в понятия, сразу постигаешь свой дух. Пребывание в духе - это созерцание света Христова. Созерцать значит оставаться в благодати сознания, единого со Христом, не отвлекаясь от Него и не входя в размышления. Когда ум отвернут, какие могут быть сомнения, если ум - единственный их корень?

П. Каким же образом мне постичь свое сознание?

М. Бог вечен. Вечный Бог сотворил наш дух, наше сознание, по Своему образу и подобию, поэтому сознание человека причастно к Его вечности. Более того, оно - живая вечность, пребывающая внутри каждого человека. Постигший эту вечность нутри себя самого, умереть не может, так как вечность не умирает, будучи сиянием славы Пресвятой Троицы. Стяжи милость Божию самоотречением и самоотверженностью и найдёшь ответы на все свои вопросы.

Граненые столбы гранита отблескивают холодом и сыростью. По каменным головам гор стелятся пряди свившегося в белые жгуты тумана. Под ледником гудит скрытая в толщах озверевшая река. Прозрачной дымкой, подернутой кружевом тонких облаков, голубеет и тонко синеет по ущельям горное безлюдье. Чертя крыльями широкие круги, над долиной парит орёл, подальше - другой. Завьюжила осень нитями летящей, сверкающей под неярким солнцем паутины. Под обрывами зеленой изжелтью доживает последние дни кудрявый донник. Стрижи ещё стригут воздух крутыми пируэтами, но уже поредели их птичьи стаи. Голубая даль, словно прощаясь, машет облетающими желтыми шапками тополей.

Лёгкая рябь облаков с запада - предвестница осенних бурь. В прозрачности осенних ветвей тонет мой взгляд. Вынырнувший из-за горы месяц уже потянул холодом с остывающего неба. Отжила свое перезвонами гусей, летящих на юг, утомленная земля. Костер из бурьяна и мелкого хвороста, мерцая, устремил в туманный вечер багряное око. Снежная линия с вершин уже спустилось пониже, к самой палатке, укутав ее холодный росой. Уже на рассвете снег запорошил тропу чистойшей

белизной, без единого человеческого следа. Ни золотой осенний свет, ни холодеющее небо не нуждаются в словах, чтобы сердце могло прочувствовать их, и потому так безценна «заливающая сердце радость» во всём этом быть со Христом.

Тетрадь пятнадцатая. Первая и последняя Любовь
«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь»
1Ин.4:8

Роняя в холмы пронзительный клич, на юг улетает последний клин журавлей. Шорох крыльев растаял в густом засиневшем воздухе. Легкое, словно младенческое, облачко заслонило сияющую улыбку месяца. Дымок потухающего костра растопырил тонкие руки, обнимая застывающую тишину вечера, постоял, подумал и растаял в ней без следа. Под обрывом пузырями клокочет тёмная вода, сияя металлическим холодным блеском. С камня на камень среди пены шныряют бесстрашные трясогозки, оставляя на покрытых инеем валунах узорные письмена тоненьких лапок.

Молчание молитвы сливается с безмолвием гор. Сияющая пустота небосвода сковала пространство торжественной тишиной. Немые, без птиц, леса погружены в долгую осеннюю дрему. Только внизу, в лощине, зеленеет на порогах река, вырываясь из ущелья и привольно растекаясь по широкой долине. Чахлый сосняк, задумавшись, уронил в прибрежную заводь свои серебряные дрожащие отражения. Рыжий тальник убегает в низовья вслед за рекой, целуя берега. Ныряющий с крутого обрыва ручей отзванивает последние песни. Счастье - это блаженство свободного духа человеческого, навеки сочетавшегося со Христом.

Послушание на своих условиях - это то же самое, что и отсутствие послушания. Безднадёжны попытки объяснить это послушникам, если они не видят действительного живого примера. Послушание без его чистоты не нужно никому - ни старцу, ни послушнику, так же, как и мирские заботы в монастырях не полезны ни мирянам, ни монастырю. Послушание соединяет нас навеки с Богом и Его безграничной свободой. Заботы и попечения мешают спасению, мешают «радости и миру в Духе Святом», и препятствуют «тихому и безмолвному житию во всяком благочестии и чистоте». Каковы же должны быть монастыри? Они должны быть спасением для людей, как монахов, так и мирян. Если спасение подменить целодневными хлопотами по обслуживанию религиозных зданий, огородов и коровников, никакого спасения не получится и никакого появления Преподобных в таких монастырях не дожидаться никогда.

Как зарождается суета? Для монастыря нужны деньги, иной раз, много денег. Для денег нужны благодетели. Эти благодетели поощряют большие стройки, для которых опять нужны большие деньги. Стоит ли ради этого отречься от мира, становиться монахами, «уединенниками», или, тем более, игуменами, повёрнутыми к монашескому братству спиной, а благодетелей встречающих широкими улыбками и распростертыми руками?

Смотрю на белые горы. Они застыли на белом печально-одиноким небе. Печальном не от того, что в этих местах нет людей, а тем, что в сердцах людей уменьшилась вера и что, вообще, «оскуде преподобный». Игривое возбуждение души, сердце, переполненное эмоциями, ум, убитый помыслами, - все это не является благодатью. Из-за повседневных попечений и в Церкви, и в монастыре никому не достичь уверенности в собственном спасении. «Отвергнись себя» - тесные врата и в Церкви, и в монастыре: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление, сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную»(Гал.6:8).

Духовный опыт и «научный» опыт полностью противоположны. Духовный непосредственный опыт постижения Бога можно записать и попытаться передать словами. Какой может быть «научный» опыт Бога? Это абсолютно исключено. Ежедневное погружение в мирскую суету убийственно для души и тела. Постоянно отречение не только от суеты, но от самого себя - спасительно и благодатно. Церковь - не мораль, а прямое спасение. В Церкви пребывает Христос и о Нем душа хочет слышать, Его жаждет узнать и с Ним соединиться навеки как со своей первой и последней любовью. Ненависть - основа существования мира сего. Мечь - завершение ненависти. Мечь придает смысл мирской жизни и становится ее стимулом. Мечь диавола Богу - убийство душ человеческих лукавой подменой живого христианства мертвой религией, соблазном греха и растлением их лживой земной «свободой».

Липкая муть эгоистических интересов обволакивает, усыпляет душу, давит её кошмаром существования - таков морок диавола. И благодать, словно луч с небес, пробивается сквозь эту муть мира прямо в глубины сердца, а вернее, из самых его глубин освещает и просвещает сердце. Тогда тьма рассеивается и слово Божие, упавая в удобренную весеннюю почву души, приносит обильный плод любви и смиренную спасительную свободу в чистом Царстве истины.

Если Церковь возвещает о свободе, она сама должна быть свободной, без оглядки на земные власти возвещая истину спасения. Если о свободе говорить по принципу «как бы чего не вышло», то это уже не Церковь, а собрание дипломатов и «знатоков» религии. Когда Церковь возвещает «Яко Твое есть царство, и сила, и слава сейчас, всегда и во веки веков», то народ отвечает «Аминь», что означает «Истинно», то есть истинно то, что Христово Царство в нас и посреди нас на вечные времена.

Собирать тленные вещи значит упустить жизнь вечную. «Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровище для себя, а не в Бога богатеет»(Лк.16:21). Богатеть в Бога означает вращать в жизнь Самого Бога до полного богоподобия. Богатеть в себя - это погружаться в падший мир эгоизма и накапливать в себе его тлен и смерть. Расширить сердце свое в Боге и наполнить его Богом, чтобы осознать свое бытие единым с Царством Божиим - безценное сокровище, превосходящее все земные и душевные богатства.

Бледная заря на сером небе, по которому рассыпаны сиреневые полосы, вперемешку с бледно-голубой лазурью кое где проглянувшего небосвода. На его краешке притаился расширенный зрачок последней звезды. Это очень красиво, и все же то, что внутри человека, всегда прекрасней и величественней того, что снаружи. Созерцание - это совершенно отсутствие помыслов о мире и о себе. Безымянная благодать погружает бесплотный дух в безмолвное созерцание. Бог - везде и вокруг и, более всего, внутри. Никогда не заканчиваться и не умирать - в этом постоянство преображенного благодатного духа. Покой духа обозначает также конец всех земных упований. Входя в истинность этого состояния, видишь и прямо постигаешь Единое Сущее, когда ум и сердце действуют как одно единое сознание.

В покое благодатного духа не остается ничего вне его и нет ничего, что бы находилось за пределами его постижения. Достигая всего во всем, он не переполняется, отвергая помышления и представления, он не уменьшается. Дух крепнет в чистоте созерцания, усиливается в свете Христовом Божественной благодатью. Поскольку любвеобильный Бог «превыше страстей и их движений» и в Нем зрится совершенная чистота безвидного света и постигается блаженная духовность, Он есть чистая любовь и вселяющий Дух. Когда подолгу пребываешь в созерцании и молитве, приходит

совершенная ясность соединения со Христом во всей полноте Его любви. В конце ветреного сумрачного вечера в небе - та же великолепная игра лазоревого цвета, зелёная недолгая вспышка последнего луча на закате и тихая грусть потухающих облаков над померкшими хребтами. Божественная мудрость - это безмолвие, обучающее душу своей любовью. Поэтому способ Богосозерцания - безмолвие сердца, любящего и благоговейного.

Поскольку в Боге нет никакого образа, созерцание также не имеет образа. Поскольку в истине нет никаких представлений, её можно созерцать лишь умом, оставившем все представления. Поскольку невидимое Божественное присутствие свойственно человеку изначально, оно пребывает в его невидимой душе естественно и потому ощутимо в молитве, как благодать, и постижимо в созерцании, как истина. Поэтому истина есть спасение.

Веровать в то, что Бог есть, значит коснуться Его краешком сердца. Устремиться к познанию Его, ещё пребывая в мире, значит отдать ему половину сердца. Соединиться с Богом в Духе Святом значит предать Ему целиком сокровенную жизнь всего своего сердца, преобразив его полностью молитвой и созерцанием. Многозаботливость сердца, многопопечительность души и многомыслие ума - крюки, которыми диавол затягивает человека в мир. В мелочах ум тонет, словно в зыбучем песке. В повседневной обыденной занятости душа слепнет, словно курица ночью. Только в благодати дух человеческий, разрывая время, уходит в вечность.

Елейность, актерство и лукавство - это не Православие, а религия. Православие право постигает Бога и потому славит Его за спасение. Религия не хочет быть с Богом, а хочет собственного славословия и восхваления, внешне имитируя святость.

Монашество, а не религия спасает мир. Христианство - это не бегство от скорбей, это восхождение в безграничную любовь к Богу и людям. Христос дает нам все, а все - это любовь.

Ничегонеделание - духовный паралич, лень или окончательное разложение души и мертвость сердца. Бездействие и безмолвие ума - истинный покой, не мешающий действиям духа и тела. Умное безмолвие - пробуждение духа, ничегонеделание - духовное самоубийство. Быть самим собой значит пребывать безмолвно с Богом в собственном духе или сознании, но отнюдь не общение с бесовскими помыслами и прилогами: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которые есть идолослужение»(Кол.3:5).

«И да владычествует в сердцах ваших мир Божий»(Кол.3:15). Мир в сердце - это покой сердца, переходящий в мир духа, ровный и целостный. Когда дух ровен и целостен, он соединяется с благодатью Христовой, вводящей дух в мир Божий, который превышает всякого. Сначала приходят к чистоте помыслов, а потом достигают их успокоения, и дух пробуждается в благодати и свете Христовом, возвращаясь в вечное присутствие Божие. Чтобы обрести спасение, необходимо научиться пребывать в мире своего сердца. Разве это трудно вместить?

« Слово Христово до вселяется в вас обильно, со всякой премудростью»(Кол.3:16). Храни свое сердце в мире и стяжешь мир Божий, в котором ясно постигается всякая премудрость слова Христова, потому что оно есть и мир и любовь в Духе Святом. Каждый ближний - это мы сами, и по другому быть не может. Таков узкий путь, на котором душа исполняется Духа Святого.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как мне научиться жить по Евангелию?

Монах. Если хочешь жить словом Божиим, не поддавайся искушениям. В чем они состоят? Если твои близкие ленятся, ты подбадривай себя Евангелием, если в храме

говорят о мирских делах, укрепляй себя отрешенностью Христовой, если родственники соблазняют тебя житейскими дрязгами, утверждай себя в мудрости Иисусовой, если мир соблазняет тебя похотью, выправляй себя любовью Божией.

Не давай миру поработить тебя и ты невредимо дойдешь до Царства Небесного, живущего в тебе, и обретешь свободу во Христе. Живущие в миру связаны вещами и привязанностями, живущие в Царстве Божием своего духа пребывают в свободе благодати и истины. Мир, который «проходит, и похоть его»(1Ин.1:17) - это сновидения сумасшедших, которых он свёл с ума. Но мир Божий - это мир Христов, которой не от мира сего и который просвещает и освящает человека.

П. Каким путём идёте вы, отче?

М. Каким заповедал мне старец: приводить людей к спасению и монашеству.

Женитьбы и разводы - это дело иереев и протоиереев, наблюдать за ними - обязанность епископов и архиепископов, вести Церковь путем Христовым - долг митрополитов и Патриархов. Церковь спасает спасающихся, а пребывающих в навозе страстей приводит к покаянию. Приводить людей к покаянию - дело духовников.

Подумай, что тебе нужно? Если нужно спасение, практикуй в уединении молитву и созерцание под руководством старца. Если нужна исповедь в грехах, иди к духовнику и кайся. Однако помни, что молитва и созерцание - это совершенное покаяние до конца жизни.

П. Разве богослужения не нужны людям?

М. Почему вы не доверяете молитве и созерцанию? Потому что сладкогласное пение и громогласное чтение - это все, что вас удовлетворяет. Если не будете устремляться к спасению, Господь его отдаст другим, которых соберёт «по дорогам и изгородям».

Богослужения необходимы, они говорят о спасении, чтобы привести людей ко Христу, но если остановиться лишь на этом, никто не увидит Его никогда, ни в этой жизни, ни в последующей, после отшествия из мира. Молитва и Богосозерцание - для мужей, зрелых в разуме, которых воспитала Церковь и устремила к соединению со Христом в безмолвии и отшельничестве.

П. Что же делать нам, которые хотят спастись?

М. Сказано: «Остановитесь и познайте, что Я - Бог»(Пс.45:11). Остановись собирать и накапливать слова и цитаты, мысли и помышления, прекрати думать бесконечные думы типа «спасусь я или не спасусь?» Просто оставайся в уединении духа своего и в молитвенном покаянии и тогда Господь посетит тебя благодатью. Ничего больше не нужно делать сверх этого. Царство Божие не отделено от твоего духа, ибо оно всегда «внутри вас» есть.

П. Страхусь отвергнуть себя. Что мне делать?

М. Тело само отвергнет тебя, если не отвергнешь его прежде. Чего же тут страшиться?

Желания сами покинут тебя, если прежде не покинешь их и не обретешь свободы Христовой. Чего же тут страшиться? Помышления сами убегут от тебя, оставив душу пустой и мёртвой, если ты прежде не отвергнешь их, чтобы стяжать безсмертную благодать и вечное непреходящее блаженство. Чего же тут страшиться?

То место, где упокоится тело и ум, есть место уединения. То место, где упокоятся страсти и помышления, есть чистое сердце. То место, где обретается спасение, есть твой дух, стяжавший благодать Божию и увидевший нетленный свет. Тогда все тело твое станет чисто, когда станет чистым око ума. Тогда радость созерцания не покинет тебя, когда ты утвердишься во Святом Духе. Тогда ты испытаешь духовное преобразование собственного сознания, когда станешь единым с Пресвятой Троицей.

О ледяной заструг ледника споткнулся ветер и пошёл дальше снежным рассыпающимся столбом. С востока, перегоняя летящие темно-лиловые облака,

спешит, наливаясь густотой, запоздавшая заря. Холод липнет к горлу, стекает студёным огнем в лёгкие. Слегка примороженная кора корявых сосенок задымилась на утреннем солнце, запахла остро и свежо. На пороше ярко зеленеют опавшие за ночь колючие иголки. Желтизной солнечных лучей засквозили вдали осенние леса. В необъятном пространстве сердца, не затухая, ширится и укрепляется молитва. В низовьях реки вспухает по пенистым отмелям тёмная вода оттаявшего под ярким полуднем снега. В каждом ущелье гремят потоки разбуженных солнцем серебристых талых ручьев, похожих на извилистые потоки ртути. По сизому редкому ольшанику пестрят следы уходящих в холмистые степи голодных серн. Оттуда доносит ветром бодрящий запах талого половодья и сырой листвы, сбитой ночным лёгким морозцем. Вдоль всей тропы, отражая спящие высокие облака, синюют глубокие провалы тающих лужиц. Задернутые солнечными стрелами, голубеют белёдые просторы с разметавшимися по ним башнями клубящихся облаков. Извечная мудрость духа становится неотъемлемым и всеобъемлющим опытом безпредельного благодатного сознания.

Тетрадь шестнадцатая. Плохие полосы

«Горе вам, законникам, то вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» Лк.12:52

Ветер веет дождевую пыль, бросает колючие капли в лицо, заставляет щурить глаза. С крутых скальных уступов косо струятся шлейфы водяного пуха, отливая мириадами маленьких радуг. Озябшие галки, крича, выются над головой, кружат, словно чёрная сажа. И вдруг, будто сдернутые с небосвода ветром, устремились туда, где отпечаталась вдалеке чёткая фиолетовая полоска открывшегося неба. Алыми переливами брызнула оттуда поздняя заря. Свет благодати утренней звездой покоится в недрах духа.

Карусель дней, не останавливаясь, кружит в горных долинах вслед за моими шагами. Высыхающие стебли кукурузы провожают меня тихим шуршанием. Холмистая земля предгорий сменяется зубчатыми нагромождениями скал, за которые зацепилась зелёная прядь пихтового леса. Недоступные вышины рожают одно за другим дремотные созвездия, тускло мерцающие из далекой бездны. Смоляными подтеками чернеют суровые скалистые взгорья. Жёлтым совиным птенцом прижалось к ним выглянувшее, словно ненароком, робкое солнышко. Незаметная ранее паутина сверкнула на можжевельнике и тут же растворилась в белесой мгле. Текучим угрюмым раздумьем осеннего зарева подкрадывается безлюдный вечер.

Отсутствие помышлений в уме несет в себе свободу от всех явлений этого мира, становясь вечной жизнью души. Появление в жизни «плохих» полос, когда всё не так, как хотелось бы, когда люди вокруг не те, которых не хочется видеть, ощущение в душе окаменения, нежелание что-либо начинать или продолжать, все это - признаки гниения души и ее умирания.

Изнеможение сердца, неохота продолжать «привычное», рутинное течение жизни, ощущение, что все «опостылело» - это признаки разрушения личности, которая потеряла смысл и цель своей жизни. Наша жизнь не может стать хорошей сама по себе, такой ее делает Христос.

Ежедневное непрекращающееся перевозбуждение, истощающее нравственные силы и подрывающее душевные и физические силы - признак приближения жизненной катастрофы. Полюбить Господа Иисуса значит навсегда исцелиться от суеты и скорбей.

Амбиции, гордыня, самоцентризм - это жизненные катастрофы, в которых люди делаются нравственными калеками и пожизненными духовными инвалидами. И поверх всего - неостановимое течение жизни, которое, подобно могучей реке, все смывает, как сор, и уносит в безпредельность.

В молитвенной памяти возникают то взволнованные и радостные, то растерянные и потерявшие от личных травм и трагедий голоса людей. Там, в миру, как и всегда: рождения, похороны, свадьбы, разводы, выздоровления, болезни, аварии, исцеления, дни рождения и дни поминовения. Понимаю: они любят эту «жизнь», ждут её, дорожат ею, а она безжалостно разбивает их мечты и убивает их сердца. Короткая свобода детства, а потом - вечная каторга безрадостного существования. Отдать свою единственную жизнь чепухе и пытаться в этой бессмыслице найти смысл - вечно повторяющаяся трагедия мира.

Как только начинает брезжить разум после перехода из детского восприятия в юношество и в этот миг попробовать выбрать то, что свидетельствует о вечном - стоило бы так сделать!

Понять, что юность - добровольное сумасшествие и избежать этого сумасшествия в целомудрии и чистоте христианства - стоило бы так сделать!

Догадаться в зрелости, что мир и все души в миру поработаны диаволом и приложить все силы к тому, чтобы свою освободиться от этого поработания - стоило бы так сделать!

Увидеть в старости, что вся жизнь целиком превращается в ничто и успеть найти истинную опору в Христе, чтобы стяжать вечную жизнь в Его Царстве Небесном - стоило бы так сделать!

Испуг перед вечностью - признак беспокойной совести и уязвленной гордыни, отсутствие доверия Человеколюбивому Богу, несмирение, неутоленное тщеславие. Блаженнее всего не быть в мире, чем быть им и в нем: «Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне»(1Кор.4:13).

Страх перед самой жизнью, нежелание отказа от эгоизма, от самопревозношения, от непримиримости, от тщеславия, от зависти к успеху ближних, - всё это признаки личного самоутверждения, страшщегося не преуспеть и не суметь превзойти других, и по сути есть скрытое чувство личной неполноценности. «Господь гордым противится, а смиренным дает благодать»(Иак.4:6). Гордость любит властвовать над душами, она одержима этой властью. Так гордость становится борьбой с Богом, который «противится» такому безудержному беснованию.

Самоуверенность, полное отождествление себя с собственной правотой, отказ от чужих советов и желание самому давать советы, страсть «учить» других - признаки отклонения в псевдодуховность и отпадение от узкого пути смирения и растворения себя в Боге и в ближних.

Несмирение - заведомо разбитая жизнь. Правда все принимает, претерпевает, страдает, преображает и побеждает, даруя всему новое бытие. Ложь все отвергает, унижает, разрушает и, разрушив все, погибает. Любая победа - это всегда духовное усилие. Христианство - это вечное преодоление, претерпевание зла и выстраданность победы. На все «достижения» мира можно задать вопрос: «Ну и что?» И только к спасению, как и к истинной любви, он никогда не приложим.

«Ученая» духовность нестерпима: «Псевдо -Дионисий, Псевдо-Макарий, Псевдо-Симеон». С другой стороны, «монашеская» духовность и ее символы: величественные старцы, частое причащение, непрестанная молитва. Ни то, ни другое не определяют сущность духовности. Непокколебимое нерассеянное пребывание духа человеческого в святости и благодати Святого Духа - это и есть духовность.

Мир затягивает бесчисленными просьбами: затравленные жизни, сломанные судьбы, вызывающие сострадание и жалость. На всё это уходят все запасы душевных сил. Самое безнадежное - помогать тем, кто выбрал мир и его скорби. «Таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль...»(1Кор.7:28).

Что проясняет, просвещает и просветляет благодать? Сознание, а всё остальное следует за ним. Просвещение благодатью сознания до самых его глубин есть освобождение от греха и смерти. Благодатное сознание находится вне греха, как несокрушимая скала среди волн. От спасения становится легко, ибо тяжкое бремя всей жизнью, с самого начала и до конца, взял на себя Христос.

Рай и ад начинаются на земле. На самом глубинном уровне через помыслы диавол борется со свободой духа, ибо в этой свободе и только в ней дух становится богоподобным. Для этого зло пытается уничтожить Литургию, молитву и созерцание. Не будь этих трёх краеугольных камней Церкви, «Дома Божия, который есть Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины»(1Тим.3:15), души не могли бы приходить к спасению.

Власть необходима одержимым ею людям, одержимым или тайно, или явно. Диавол соблазняет людей всякой властью над людьми, поэтому власть - это великое искушение, а не привилегия. Смиренная душа отказывается от какой бы ты ни было власти, горделивая душа делает из власти карьеру. Церковь заповедует послушание Христу и в Его лице Духу Святому. В Церкви не должно властвовать над людьми никому, ибо она стоит на послушание Духу Святому и послушании Святым, тем, кто освящен Духом Святым и облечен в Него. Перерождает облеченного в сан человека жажда власти над душами, а возрождает и преображает смиренного, невластного человека Дух Святой, Который «смирненным дает благодать».

Смирение - это не печаль, не уныние, не ипохондрия, это всегда «радость и мир в Духе Святом». Смиранный отторгся от кошмара диавольского рабства, освободился от эгоизма, и его проклятия - гордости, поэтому смирению ничего не нужно, кроме кроткой «смиренной» благодати. Всякая мирская цель, в конце концов, - безнадежно потраченное время. Самое лучшее - направить все силы души на стяжание любви, которая вся есть неувядаемая красота, благодатная святость и совершенная чистота. Бедная гонимая Церковь служит Христу. Церковь, слившаяся с миром и властью, становится доступна власти диавола. Церковь возрождается во Христе каждое мгновение и каждое мгновение умирает за Него: «Нас почитают умершими, но вот, мы живы»(2Кор.6:9). Та душа, которая, подобно Церкви, не возрождается во Христе каждое мгновение в молитве и созерцании, становится безблагодатной, вялой, больной и, в итоге, мертвой..

После всякой страсти в душе возникает прямо противоположное состояние: после блуда - отвращение, после гнева - горечь, после раздражения - уныние. Лучшее средство от всего этого - хранить мир душевный, благой, кроткий и доброжелательный в покаянной и смиренной молитве на всякий день и час. Христианин не борется со злом, он борется за любовь, чтобы она стала в нем вечностью.

Из переписки с друзьями

Послушник. Сомнения борют меня, отче, и я сильно устаю от них. Что посоветуете? Монах . Если имеешь решимость, какие тогда могут быть сомнения? Если просто берёшь и практикуешь покаянную молитву, откуда возьмутся сомнения? Молитва отсекает грех начисто и приводит дух к созерцанию, где тогда будет место для сомнений? Не забивай себе голову пустыми домыслами, они все от лукавого. Устает всегда тот, кто больше всего думает о себе.

Когда овладеешь непрестанной молитвой, очи твоего разумения открываются и ты уже

не позволяешь себе впасть в глупые сомнения относительно своего спасения. Привязанность к миру и глупость равнозначны. Ум постоянно изменяется, дух же постоянно непоколебим, когда он утверждён непоколебимо во Христе. В этом заключено великое таинство, которая тебе надлежит постичь своим духом в Божественной благодати. Следуя благодатной молитве, придешь к священному созерцанию и обретешь в своём сердце Господа Иисуса, вне скорбей и искушений мира сего.

П. Сколько ни бьюсь, не могу познать свое сознание. Каково будет ваше слово?

М. Тот, кто подошел к вратам созерцания, должен уметь проникать сердцем в «иное», называемое духом или сознанием. Здесь никак не обойтись без опытного старца. Для большего утверждения послушника в благодати, старец испытывает его в различных послушаниях, определяя степень его самоотвержения. В соответствии с последующим поведением и преданностью послушника, старец открывает ему путь стяжения благодати и соединения со Христом.

Если послушник верен, смирен и предан старцу, тот действует всей своей благодатью, помогая послушнику самому открыть глубины своего сердца и там встретиться со Христом.

Если послушник непонятлив и не в силах ухватить благодатную традицию Православия, старец приводит его к постижению сознания на личном примере, показывая ему образец истинного поведения по Евангельским заповедям в мирности духа, открывающей суть постижения сознания.

Если послушник не улавливает образ поведения своего старца, тот растолковывает ему суть сознания в притчах, изречениях святых Отцов и в написанных им богословских трактатах о молитве и созерцании. На этом все вопросы послушника заканчивается и он постигает то, каким образом можно пребывать в безмолвии Духа Святого. Подобные методы обучения послушников предназначены для овладения ими умения отличать благодать от подделок и имитаций дьявола, лукавого обольстителя простодушных сердец.

П. Каковы же причины моего непонимания истины Православия?

М. Искренний, смиренный и благоговейный послушник без особого труда ухватывает суть Православного спасения. Такое постижение, вне сомнений, конечно достижимо. Хотя у истины сознания нет никакого облика, она очевидна, благодаря собственной ясности. Почему ты не можешь так долго постичь её? Потому что не имеешь необходимой веры в нее, а держишься, как младенец, за цитаты и толкования. Почему ты не ухватил до сих пор вкус благодати не утвердился в глубинах собственного сердца, сокровенной обители Христа? Потому что не имеешь достаточной искренности и преданности наставнику. Тебе уже за сорок, а ты все ещё бродишь от одного старца к другому и учишься задавать вопросы. А кто же будет практиковать то, что услышал? Так незаметно смерть поглотит все твои последующие годы и тебе не в чем будет дать ответ неподкупному судии. Ты должен помнить, что монах без смертной памяти - это мирской человек, чей ум не может ухватить даже след истины.

П. Как же искать истину?

М. Нигде вне нашего сердца или сознания нет никакой истины, если даже обойти в её поисках весь свет. Когда послушники начинают молиться по своей воле, то молятся так, что у них брызжут искры из глаз и голова пухнет от напряжения. Так послушники думают, что они - исихасты-безмолвники. Это величайшая ошибка. Тот, кто считает такую практику за исихазм, глубоко ошибается и обретает лишь омрачение своего сердца. Это тупик.

Тот, кто принимает борьбу с помыслами за истину, найдёт бесконечную борьбу, а не саму истину. Ни чрезмерная молитвенность, ни чрезмерная борьба с помыслами не приближают к спасению, ибо все это крайности, а они от лукаваго.

Дети мои, стяжите благодать и мир духа искренностью, смирением и благоговением, не оставляя ни молитвы, ни отсечения помыслов, ни внимания к своему уму и благодать все управит своей мудростью и ты обретешь Христа в своем сознании. Сквозь тучи проглянул потрясающе прекрасный лик зеленого заката. Огромное напряжение горного подъема иногда прерывает дыхание. Часто останавливаясь, продолжаю идти вверх. Радуюсь за своих верных помощников и спутников: шагают, не сбиваясь с уверенного ритма движения. В горах всегда возникает ощущение, что находишься на самой ладони человеколюбивого Бога. В разлитой вокруг тишине слышишь дыхание гор: потрескивание ледника, шорох осыпающихся льдинок, еле уловимое подспудное бормотание подлёдных потоков, словно прикасаешься к сердцу гор. В душе стоит сладостное переживание «выпадения» из суеты жизни, в которую ни за какие ее обещания нет желания возвращаться. Дешёвка мирских обольщений ясно видится лишь отсюда, из горного безмолвия, созвучного безмолвию пробудившейся души.

В черных холодных тучах блики багряного света, словно знаки Апокалипсиса, как подведение всех итогов прошедшей жизни. Налетевший снегопад загнал меня в палатку. На рассвете огненно вспыхивают заснеженные хребты. В снежный наст проваливаются ноги, лицо обжигает ледяное дыхание вершин. Беспорядочно разорванные ветром облака переваливают, клубясь, через седловину, с хлопающими на ветру нашими палатками. Ощущение неразрывной связи с Божественным присутствием никогда не становится привычным и каждое возвращение в него сердца удивляет своей новизной. То, что присутствие Божие существует, понятно, но то, что оно собой представляет, непостижимо.

Тетрадь семнадцатая. Выстраданный выбор
«Мы ничего не имеем, но всем обладаем» 2Кор.6:10

Обвислая туча заслонила сонную синь, сея редкие перья снежинок. Хилая рябинка всплеснула тонкими ветками и спряталась в облако тумана, словно испугавшись остаться на юру одна, наедине с запоздалой осенью. Овсяным киселем расплылась по обочинам тропы утренняя зорька. Скользя по раскисшей глине, выбежал на взгорок кленок и застыл, глядя удивленными глазами пустых сорочьих гнёзд на зарницу утреннего света. Колочее мутное солнце поднимается из-за холмов, будто нехотя, чтобы одарить последним теплом тусклый заспавшийся день. За что душе цепляться в этом мире, если все в нем - вчерашний день? Жить и умереть в Боге - нет ничего прекраснее на этой земле.

Расцветилось прощальным жёлтым пламенем пустынное лесное нагорье, за которым истлевают остатки зари. По перелескам плывёт рыхлая темень, обходя розовые залысины высоких хребтов. Тихой неизгладимой радостью дышит каждое прикосновение души к неуловимой печали бытия. Звонкая тихость бездонного неба созвучна бездумной дреме бесконечной, уходящей вдаль тропе. Жало солнечного луча колет щеку последним теплом. Острия исчерно-зелёных пихт дырявят гаснущее, тающее на глазах багровое солнце, уходящее за вершину. Вековые великаны хранят в зелёных лапах вечное безмолвие гор. Оставляя все земное, чем желало бы насытиться сердце, душа находит в себе чистое блаженство непонятно откуда пришедшей благодати.

« Всякое житейское, (то есть мирское), отложим попечение» - если на деле в жизни следовать этой молитве, то преображается и душа, и сердце, и ум. Если же слушать такую молитву, лишь умиляясь её мелодии, даже на миг не допуская для себя «всякое отложим попечение», то все будет и пение этой молитвы, глубоко просвещающей сердце, и её слушание. Тогда выходит, что «оскуде преподобный», когда и видя, не видят, и слыша, не понимают.

Если тянуть в Церковь суету, а не отсекал её сразу за порогом храма, то Церковь становится религиозной системой, а если суету протаскивать тайком в монастыри, они становятся казармами для «монахообязанных». Эгоистическая привязанность христианина к другим - это не любовь, страх быть оставленным другими - это не христианство. Заполни Богом сердце, тогда зло не останется в нем места.

Или мы всеми силами боремся со своим внутренним злом, или устремляемся единственно к любви Божией. Это два пути спасения для каждого христианина. Для первого пути необходимо иметь большой запас душевных сил, для второго пути требуется только одно любящее сердце. Выбор всегда остаётся за нами. Но и в первом и во втором случае мы не можем ничего требовать от Господа, потому что и спасение, и любовь Он подаёт даром.

Молящемуся сердцу хорошо находиться в чистоте от помыслов и в молитвенном покое благодати, тогда не остается ничего, чего бы оно не могло в себя вместить. Для обретения непрестанной молитвы не нужны никакие особые усилия, кроме глубокого покаяния, а для стяжания ясного созерцательного состояния не нужны никакие специальные приемы, кроме глубокого смирения. Оставив привязанность к вещам, начинаешь ценить сердце, в котором пребывает любовь, отвергнув влечение к миру, начинаешь благоговейно почитать дух, который един с Господом.

Благодать, словно мать, ведёт душу к спасению через смиренную Христову любовь.

Когда сердце наполняется Божественной силой, ум становится послушным и безмолвным. Душа отстает от греха и приходит к святости. И мы соединяемся просветленным духом со Христом, проникая в сокровенные чертоги Царства Небесного. Успокой молитвой сердце и ум соединится с ним незамедлительно.

Устранив все мысли, откроешь в собственном духе «избыток» жизни, нестарящей и неумирающей. Так в уединении, если есть решимость, можно за несколько месяцев обрести начальную благодать, а за несколько лет стяжешь в сердце великую благодать Святого Духа.

Толпою в Царство Небесное не входят, а лишь своим выстраданным личным выбором, оставаясь один на один с Богом, вопия со своего креста: «Или, Или, лама савахфани»(Мф.27:46). Христос есть спасение, а спасение- это постижение Христа в средоточии собственного сердца. И только через такое непосредственное Богостигение мы можем понять и осмыслить, что такое «грех» и «добродетель».

Или мы все видим во Христе, вплоть до спасения в Нем, или строим свою жизнь вне Христа, тщетно выстраивая для себя правила и законы, не имеющие никакого смысла. Без Христа и Его всеосвящающей любви все становится относительным и потому ложным.

«Дела» в Церкви – те же самые, что и дела мира сего. Ум мирянина, как и ум епископа, ищет развлечений в безчисленных «делах» в обертке необходимости «служения» людям. Но что может быть более необходимо для падшей души, чем её спасение? Храни умное безмолвие, помимо которого все остальное - лишь развлечение ума, который не может пребывать без вовлечения в «дела» и «служения», порождая массу помышлений, домыслов и интриг, запутывая таким образом собственную душу и души других, лишая их спасения.

Свет Православия может лишь тогда озарить Восток и Запад, когда в нём всегда будет осуществляться во всей полноте священная Литургия, молитва и созерцание. Корень хранения Православия - священная Евхаристия, корень обретения спасения - непрестанная молитва, корень достижения обожения - благоговейное созерцание. Отдай Христу каждое биение своего сердца и всю внутреннюю силу души, и дух твой переполнится неистощимой любовью. Все самое святое и прекрасное сосредоточено в единении со Христом.

Спасение души не в Минеях, не в Типиконе, а в ежедневном очищении сердца и преодолении греховности ума, как делали святые Отцы, которым посвящены Минеи и чьи наставления легли в основу Типикона. Буква никого ещё не спасла, но спасает Дух Божий, который «дышит, где хочет». Это спокойная радостная уверенность, рождающиеся из ясного, подлинного опыта молитвы и безмолвного созерцания, это уверенность, которая не знает ничего, кроме Бога.

Скука в Церкви - это яд мира. В Церкви не может быть скучно, если в ней есть Божественная сила, «немогущая врачующая» и утешающая обездоленных в благодати и нищих в добродетелях. И нищета духа одаряет своим духовным богатством тех, кто не «богател» помыслами и не собирал себе на голову огонь грехов. В ней блаженство чистоты сердца дает возможность душевно слепым узреть Бога в самих себе, когда духовное зрение целиком сосредоточено в словах молитвы.

Церковь, как и человек, подчинившись власти денег, перерождается и вырождается, приняв в себя ядовитую антиблагодатную энергию стяжания. Служители, отвергающие стяжание, всегда гонимы: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня»(Мф.5:11). Воистину блаженна Церковь бедная и гонимая, святая и целомудренная в своей чистоте Духа Святого, единая со Христом! Тот, кто считает видимый мир единственно реальным, а невидимый мир - мистическим и непознаваемым, утратил суть и вкус христианства. Такой человек пьёт горечь лукавых помыслов и жестоких страстей. Христос приходил в этот мир, чтобы даровать грешнику мир Царства Небесного, который «внутри нас есть». Церковь, починившая себя миру, утрачивает стяжание мира невидимого и истинного, а вслед за ней идут и люди, её составляющие ее и держащиеся за неё.

Ты, Иисусе, «дыхание мое, радование мое, Спасение мира» души моей! Каким образом эта любовь прививается к душе? Покаянной молитвой. Основа покаянной молитвы - неослабеваемая бдительность, трезвение ума. Каким образом дух человеческий наполняется Христовой любовью? Это совершается в Духе Святом через благоговейное созерцание. И радость души о Господе - плод соединения со Христом. Но без соединения с Господом никто и никогда не победил грех и смерть одной земной радостью.

Суета сует создает «напряженность» жизни и в умах, и в Церкви. Нерадивость расхолаживает сердце и ум и губит Церковь. Мир Божий, неведомый миру, постигается исключительно в молитве и закрепляется в созерцании, таков несомненный опыт сотен поколений христианских подвижников. Суета и нерадивость - духовные болезни. Молитва - якорь и исцеление для «скачущего» ума, неослабеваемое усердие в обуздании ветхого человека - пристань спасения во Христе и соединение с Ним для нерадивых.

Равнодушие к мирским обязанностям - это та же страсть, оправданная неприязнью, и является всё той же привязанностью к миру, которая «лечится» одним испытанным средством - стяжанием безстрастия, что есть стойкость духа не принимать и не отвергать. Бог безстрастен, но не равнодушен ни к Церкви, ни к человеку. Человек, следуя за Богом к спасению, безусловно обязан стать безстрастным, то есть

сострадательным и не привязанным ни к чему земному, но никак не равнодушным.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, как научиться жить по благодати?

Монах. Чтобы научиться жить по благодати, нужно разучиться жить по помыслам. Если принял помысл, то утратил благодать. Если принял благодать, берегись проникновения в сердце помысла. Помысл разрушает все лучшее, благодать создает все благое. Немногие понимают это и совсем редкие приходят к этому - жить по благодати, отсекая всякое помышление. Для этого необходимо иметь рассуждение. Духовное рассуждение - это не логика, это благодатная интуиция.

Перестань суетиться и войди в свое сердце. Пребывай в нем в мирности духа и обретешь благодать. Если дашь доступ постоянному присутствию в уме пустых мыслей, тебе будет трудно избавиться от них в дальнейшем и они сделают с тобой все, что захотят. Если стяжешь благодать, не захочешь её оставить даже под угрозой смерти. Ища Христа вовне, ты теряешь Его из-за своей мысленной суеты. Войдя вовнутрь собственного сознания или собственного сердца, обретаешь живого Иисуса. Однако во всём нужна вера, как соль для хорошего блюда.

П. Сколько лет необходимо для того, чтобы стяжать спасение?

М. Если есть смирение, спасение обретается в одно мгновение. Если нет смирения, не приблизишься к спасению. В одно мгновение обретается смирение, если отвергнешься самого себя. Если не сделаешь этого, не увидишь смирения и за сто лет.

Однако в миру трудно найти такого человека, а злословящих и клеветующих хоть отбавляй! Православие абсолютно просто и потому умникам никогда его не понять. Христианство безпредельно мудро и потому безтолковым не помогают даже тома правил и предписаний. Благодать Христова совершенно свободна и потому суетливым ее не ухватить. Сознание полностью безмятежно и потому гневливому его не опознать.

П. Как же можно понять сознание?

М. Сознание чисто, как ты его поймешь? Сознание без образа, как ты его постигнешь? Сознание безцветно, как ты его увидишь? Благодатью Духа Святого оно открывается тому, кто предан Христу всем сердцем. Духовным зрением Его видит тот, кто един с Пресвятой Троицей. Чистое сердце легко ухватывает его, ибо чистое сердце и сознание - одно.

Бегущего человека легко увидеть даже среди толпы, стоящий человек не сразу заметен. Бегущий человек - это твой ум, стоящий человек - это ты сам, твое сознание.

Ты сам, как личность, и твое сознание - одно. Хорошенько разберись с этим, если хочешь избавиться от греха помыслов, бегущих пред тобой и твоим сознанием. В глубине твоего сознания или духа пребывает Владыка Христос. Постигнешь истину сознания, постигнешь и Христа, вкупе с Отцом и Святым Духом.

П. Что такое Православная традиция, разве это не труды святых Отцов?

М. Не путай духовную традицию Православия с написанным святоотеческим наследием. Если один человек передает другому человеку сухую ветку, и тщательно хранит её, будет ли это передачей зелёного сада? Но когда один садовник передает другому садовнику здоровый крепкий саженец - это есть настоящее садоводство, это и есть расширение сада духовного. А когда один профессор передает многочисленным слушателям затверженные цитаты - это не традиция духа, а традиция мёртвой буквы. Благодатью передается Православие из поколения в поколение, благодатью, сынок, не забывай об этом!

Как передают огонь от одной свечи к другой, огонь духа одного сердца к другому сердцу - вот что такое православная традиция спасения в Духе Святом, а не в словах и буквах! К чему может привести человека гипертрофия учености и всех, кто ей

поклоняется? К сожалению, только к аду. Таков выстраданный итог всяких земных знаний. Не в кабинетах живёт мудрость, которая, одухотворенная благодатью, есть святость, а в чистых сердцах, очистивших себя непрестанной молитвой и благоговейным созерцанием - это есть передача православной традиции, передача истины и самой сути христианского совершенства.

Множество умных людей с богатой эрудицией, живущих по своим помыслам, умом понимают религию, но они не могут понять христианство, ибо оно не стало в них духом благодати. Такие люди толкуют Евангелие и рассуждают о молитвенной практике, не стяжав в уединении ни молитвы, ни благодати, и сбивают с толку духовных младенцев. Всё это напоминает детскую игру в «испорченный телефон». Когда страждущие души просят у них благодатной помощи, умники в ответ дают им только сухие цитаты. Если бы они в жизни встретили Христа, то, наверняка, снова распяли бы Его, как и прежде, чтобы Он не мешал им жить в этом мертвом мире помыслов и мечтаний, в безжизненном мире религии и самообмана.

Прошли сегодня в горах километров пятнадцать, если не все двадцать. Несмотря на то, что в группе разные по характеру люди, никто не мешает находиться в совершенном уединении - только молитва, молитва и молитва. Наслаждение от горного безмолвия, блаженство от солнечно-синего, в клубах расплывающихся облаков, небосвода, радость от расширившегося сердца, распахнувшегося всем прозрачным далям, благоговейное уважение к молчаливо шагающим впереди и позади молящимся собратьям - все это может понять лишь тот, кто пережил нечто подобное и сохранил в себе как невысказанное чувство.

Над палаткой зябкая круговерть снега. Затуманенным пятном проглянуло горное солнце. Безвозвратно ушедшие, похожие на радужные сны, образы непередаваемо прекрасных мгновений, словно мгновенная рябь на речной воде. Полет души сквозь снежную бурю, полёт над заснеженной землей, словно это хрупкое создание, обретая широкие крылья, безшумно летит в безпредельность сквозь снежную чистоту и ее зыбкую подвижность. Как горы не могут быть минутным энтузиазмом, а их нужно выстрадать, перестрадать, перетерпеть, так и молитву нужно пережить в себе как новую жизнь, чтобы ощутить, как она преобразилась в свет и просветила сердце «гласом хлада тонка»(3Цар.19:12).

Тетрадь восемнадцатая. Свет Воскресения

«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» 2Кор.5:17

Ночи стали холодными, даже с лёгким морозцем и острыми иглами крупных колючих звёзд над палаткой. Занесённость снегом, сверкающим под лунным нереально-таинственным светом, рождает в душе чувство совершенной оторванности от всего земного. Мертвые провалы ущелий рождают далекий глухой гул срывающихся лавин. Молитва в горах - единственный реальный миг прикосновения ее к душам всех людей, оставшихся «там», за снежной пеленой безмолвно молчащего пространства. Только в уединении так живо и непосредственно можно заново пережить и воплотить в себе Возлюбленного Христа, его одухотворяющую благодать, которая есть «тело воскресения» каждой молящейся души. Спасение - истинный свет воскресения духа человеческого.

После снежной бури горы оделись в яркий холодно-прекрасный день. Под яркостью осеннего солнца горные просторы завораживают взор своей первозданной чистотой: нигде не единого тёмного пятнышка. Лишь в глубоких расселинах ледника лежат сплошные синие тени. Чистота души требует от сердца стойкого непреклонного

мужества для следования за Христом: «Если око твое будет чисто...»(Лк.11:34). Малодушное око - греховно, темно, оно не может быть чистым и поэтому делает тёмным и лицо, и тело. Всеобъемлющий опыт сознания становится со временем неисчерпаемым достоянием души с которым она, освятившись, уйдёт в вечность. Душевная усталость приходит не от мира, а от мертвой пустоты в сердце, которая является следствием рабства страстям. Тогда человек заболевает сначала душой, а потом и телом. Уединение превращается в одиночество, радость становится унынием, тихость покоя делается непреходящей тоской. Это тяжелые демонические состояния. Страдание от отсутствия рядом «близкого» человека - невосполнимый изъян ума, который не смог стать цельным и простым, чтобы ощутить в душе Бога. Такими его искусственно не сделаешь, простота и цельность ума приходят лишь от стяжания благодати. Простое, кроткое сердце - наилучший сосуд для принятия нетварного света. Желание обличать - скрытый религиозный фанатизм, желание в Церкви все сделать «по-своему». Обличение - это подспудная ненависть ко всему иному, которая, в итоге, превращается в злословие, в ненависть к свету и просвещению души, жаждущей изменения ещё здесь на земле. Мир страшен всегда его смертностью, эта смертность, войдя в сердце человека, перерождает его и делает обличающим, то есть ненавидящим все, что отличается от его фанатизма. Всех любить, за всех молиться, носить в себе любовь Христову - это внутреннее христианство, и для него не нужны никакие религии.

Не менее страшно и смиреннословие, которое делает человека ущербным, обманываясь и его самого, и других. Демон смиреннословия чрезвычайно лукав, поскольку рядится в религиозные одежды, тем самым увлекает верующего человека впасть в тщеславие и гордыню по поводу своего «смирения». Под этой личиной лжесмирения не может пребывать благодать. Истинное смирение всегда хранит в себе кроткое достоинство образа и подобия Божия. Тот, кто стремится быть светом, всегда осознаёт, что причиной всякого греха является тьма его греховного ума, а не люди или обстоятельства.

Нам необходимо стяжать во Христе вечную жизнь, а не вечную религию. Смерть Христова спасла нас от страха смерти, от тяжкой власти этого страха, но в религии это страх остается изначально, делая его религиозным, не освобождая душу от смерти, но усугубляя страх смерти тем, что отрицает саму возможность возрождения ее ещё на земле, стяжания бессмертия «здесь», в Царстве Небесном преображенного человеческого духа. Христу не нужны наши добродетели, Ему нужно наше сердце, которое горячо любит Его, исполняя на деле Евангельские заповеди. Всякий грешник, искренно покаявшийся и освободившийся от греха в своей исповеди, навсегда отвергший эгоизм, делается в благодати Христовой истинным христианином, который готов даже пострадать, но никогда более не оставлять милосердного Христа.

Тот, кто всем сердцем следует за Спасителем, не обращается более вспять, но отрекается от мира, от мирского содержания своего ума и сердечных «страстишек», от всего дурного, дабы в преображенном духе войти в совершенный свет воскресения, подобно Христу. Свет воскресения духа человеческого во Христе есть жизнь, и жизнь с избытком. Эгоистическая любовь превращает все в мире - семью, детей, вещи и всякое имущество в любовь «для себя», отрывая их от любви Божией и делая своей корыстной привязанностью, мёртвой, слепой и беспощадной, а потому ещё и мстительной. Таков образ земной глупости, ищущей опору в знаниях лукавого мира сего.

Христос оставляет Свою жизнь, чтобы «поглотить смерть победой» духа. Подобно Христу, христианин оставляет жизнь душевную, страстную, все желания и помыслы,

чтобы не иметь своей воли, но преобразить её в жизнь вечную и бессмертную, уничтожая совершенно страх смерти. Оставление мира и всего, что в мире, преобразует душу, а за ней весь мир, являющийся её продолжением. Так душа во свете своем узрит Свет Небесный, ибо решила жить для Бога и в Боге. Такова величайшая свобода бессмертных чад Божиих.

«Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы»(Мф.24:16). Находящиеся в мирской ненависти, в скверне страстей и помыслов, должны иметь силу повернуться к добру - пусть бегут в горы молитвы и восходят на вершины Богосозерцания. Безрадостная Иудея - это безблагодатная жизнь души, утратившей молитву и не вошедшей в Богосозерцание, ибо у неё отняли ключ разумения те, которые сами не хотят войти в молитвенную и созерцательную жизнь и не дают это сделать другим.

«Свет разума» - это свет одухотворенного сознания, в котором воссиял свет мудрости Христовой. Без этого света, в котором оно не может говорить неправду, христианство перерождается в религию, где уже не найти этого света, и начинает служить миру, а в лице мира - антихристу. В стяжании каждой душой благодати Святого Духа лежит воскресение духа человеческого: «Радуйся, Ею же радость воссияет...», радость истинная, которая делает каждого христианина наполненного духовной силой, благодатью и жизнерадостностью - в этом состоит наше христианство!

Отсутствие в душе «света разума» Духа Святого и есть её надвигающийся крах. «Свет разума» или свет сознания, исполненного святости, есть любовь во Христе и через Христа. В таком сознании нет и не может быть ни страха смерти, ни самой смерти, а есть вечная непосредственная встреча со Христом в Его любви, которая победила смерть в нас самих. Именно эта встреча, к которой приводит людей Церковь, делает человека святым.

Преображение и просвещение сознания человеческого Духом Святым есть явление Царства Божия, ибо вне сознания нет никакого Царства, поскольку не сознание для Царства, а Царство Божие для сознания. Царство Христово, вошедшее в дух человеческий, становится Пасхой преображенного, ставшего светом сознания богоподобного человека: «И отверз еси нам райские двери...» Такие райские двери отверзаются христианину в любом месте, если только он кроток, терпелив и мужественно несёт в себе Христову любовь.

Для умирающей безблагодатной и ропотной души, желавшей обрести жизнь в обманувшем её земном интеллекте, становится все труднее и болезненнее любить Бога и ближнего, как самого себя. В интеллекте изначально нет любви, но только суетное измерение жизни, бесполезной жизни в помыслах, мечтаниях и планах. Лишь христианская душа может и должна научиться жить без всякого страха, отвергнув болезненные переживания и волнения, в благодатной простоте и спокойствии любви, храня в себе доброе произволение, привлекающее милость Божию.

Когда сердце умеет с воодушевлением и молитвой начинать каждый день заново, умеет долго и терпеливо, с неустанной решимостью вглядываться в себя самого, оно открывает, что оно - дух, а в духе находит самое непосредственное присутствие Божие. Это присутствие передается всему окружающему, соединенному с таким сердцем неразрывными связями. Это ощущение Божественного присутствия становится предельно ясным и переживается во всей полноте сердцем, когда оно освободится от добровольного порабощения суете и тлению, то-есть добровольному преданию страху и смерти.

Каждый человек уходит из жизни, словно падающая звезда или как легкое дыхание ветра. Святой сокровенным чутьем погружается в глубины своего духа, познавая себя и постигая там присутствие Бога, тем самым открывая всем остальным прямую

возможность последовать за ним и познать вкус бессмертия. Такое духовное чутьё или интуиция - дар Божий. Благодаря этому благодатному Божественному дару душа, каждая в своей мере, может достичь ещё на земле христианского совершенства, восстановив в себе первоначальную красоту духа.

Если молодость сможет сделать правильный выбор и обратит всю себя к достижению Бога, ей даруется ключ разумения ко всему, что прилагается к богопознанию - мудрости, свету, силе, смирению и любви. Однако, во многих случаях, выбор делается неправильный и вся жизнь становится цепью последующего закономерного краха всех юношеских целей и мечтаний. Когда духовная жизнь на «ноле», тщетны упования человека на свой личный разум и интеллект. И только если ещё не умерла в нём интуиция веры, то ещё есть надежда на воскресение души, обладающей восприимчивостью к воле Божией.

Истинное Православие не может быть самодовольно владычествующим мировоззрением, но всегда - только смиренно страждущим мироощущением. Стена в Православии между Церковью с её клиром и между остальными мирянами - в отсутствии живого движения ко Христу, в отсутствии жажды спасения. Тогда не помогают ни золотые иконостасы, ни роскошные облачения, находящиеся с одной стороны этой стены, а с другой - ни свечи, ни поклоны, ни частое Причащение. Эта стена состоит из глухого неприятия всего, что не входит в понятие «религии». К такой религии нечего добавить, нечего принять и пережить, нечего перестрадать и незачем её преобразовать и преобразовывать, если «воцерковленные» души наполнены самодовольством до краев. Безотчетная боязнь «как бы чего не вышло» - это то же самое проявление всеобщего самодовольства. Колеблющиеся и всего боящиеся, «как бы чего не вышло», - это «искушающие» Бога, а сомневающиеся во всем и ропщущие - противники премудрости Божией. Признак «искушающих» - их постоянный вопрос «почему?», а признак противников веры - вопрос «зачем?» Сколько ни отвечай на подобные вопросы, результат будет всегда обратный желаемому.

Самодовольной душе не нужно ни освящение, ни обожение, ей достаточно эмоциональных «переживаний» и «утешений», которые всегда преходящи и мимолётны. Поэтому такая душа всегда уныла и подавлена своим унынием, имея в глубине ума мёртвый корень эгоизма. Лжедуховность всегда мертва, а потому безблагодатна и тосклива и держится только на правилах и уставах, не имея сил преодолеть скорби и страдания, существуя без всякого живого проявления в сердце Святого Духа. Лжедуховность высасывает из человека силы, не давая ему ничего взамен.

Как же преодолеть скорби и страдания, и не только их, но и всю греховность человеческой природы и саму смерть? В своей основе этот вопрос гораздо глубже и шире: как же христианину целиком победить этот мир, как победил его Спаситель? Исключительно любовью ко Христу! Когда мы искренно всеми душевными силами начинаем любить Христа, зло не может держаться за нас, смертельная хватка греха ослабевает, а его тернии и волчцы иссыхают и отпадают сами по себе. Только такая любовь может преобразить всякую скорбь и любое страдание в радость служения Господу, в служение людям, в прямое и непосредственное Богопостижение, чтобы в нас исполнилась постоянно возглашаемая молитва Церкви: «Ещё молимся об избавлении от всякия скорби, гнева и нужды».

Без движения души к благодати, без её порыва к освящению, жизнь из души уходит и в ней растёт паралич всех её духовных сил и способностей, а все её оставшиеся силы уходят в блуд, гнев и зависть. Однако если мы повернём сердце к Богу, оно сразу начинает оживать и испытывать сильную потребность в молитвах и покаянии, ведущих

к исцеляющей Божественной любви. «Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте» - такого жития можно достичь лишь с покаянной молитвой и благоговейным созерцанием. Слава милосердию Божию за то, что молитва от всего сердца, души и всего разума нашего: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» - это действенный ключ к решению всех проблем! Любой христианин, имеющий в сердце такую молитву, знает, какие она творит чудеса. В такую молитвенную жизнь Церковь вводит святым Причащением всех своих верных чад, молящихся и созерцающих, содействующих свое спасение в Духе Христовом и побеждающих скорби духовной радостью Его любви: «Ныне радуюсь в страданиях моих»(Кол. 1:24). В религии миряне становятся клиентами Церкви, а Церковь - административной организацией, обслуживающей своих клиентов. Когда целью Церкви становится существование системы, как церковной организации, спасение в ней и через неё отходит на задний план, поскольку первостепенным становится «благополучие» самой организации. И церковность, и богословие, и духовность обязаны постоянно возвращаться к подлинному христианскому спасению через Причащение, молитву и созерцание, к совершенному разумению всей сути и полноты обожения человеческой души во Христе и вхождению ещё на земле в Царство Божие.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, почему в наше время не видно спасающихся?

Монах. Нынешние верующие хотят обрести благодать, переняв её либо у мощей прославленных Святых и Преподобных, либо стремятся получить освящение без скорбей и трудов. Отсюда рождается ложно направленная вера людей в чудеса и пророчества. Также они бережно сдувают пыль со святоотеческих трудов, считая, что таким образом они сохраняют духовное наследие, не прилагая никаких усилий, чтобы самим исполнить их на деле. Это есть великая ошибка в духовной жизни! Живое слово Божие они сделали мёртвой буквой и пытаются построить на ней «духовную» жизнь. Другие же, отрекшись от мира, притащили этот суетный мир в храмы и монастыри, удивляясь, почему в наше время перестали появляться богопросвещенные мужи? На песке не появится духовная пшеница, но лишь на тучной земле живого сердца, посвятившего себя практике молитвы и созерцания. Такие приверженцы легкого спасения ищут старцев, не ища Христа в самих себе. Они хотят получать духовные советы, не ударяя палец о палец. Они говорят о пользе послушания, сами ни единого дня не посвятив самоотречению.

П. Почему все духовные книги говорят лишь о Христе и почти ничего об Отце Небесном и Святой Троице?

М. Потому что вся современная религия приводит лишь к «воцерковлению»: богослужениям, исповедям и Причащениям. Отец Небесный остается для неё туманным понятием, Существом, живущим за облаками, тем более,- Святая Троица. Христос постигается лишь упорной и нелёгкой работой до пота над самим собой в покаянной молитве. Соединение со Христом осуществляется в благоговейном созерцании. Если оно отсутствует в церковной жизни, что можно сказать о соединении через Христа с Отцом Небесным и всей Пресвятой Троицей, недостижимой для понимания греховного ума? Именно поэтому, вследствие полнейшего непонимания пути спасения и отсутствие серьезной практики молитвы и созерцания, Православие, можно сказать, «кружит» на месте, принимая это вращение за некое поступательное движение, ибо религия наступила на горло самой себе, преградив человеку достижение подлинного христианства в сердце человеческом.

П. Что же такое подлинное христианство?

М. Подлинное христианство - это чистота сердца. Подлинное спасение - это нетварный

свет. Подлинное обожение -это богоподобное сознание. Все они - одно и все это есть сама суть христианства. Истинно верующий никогда не теряет этого понимания, постигая его личным опытом. Тот, кто не стяжает благодать во Христе, а занимается только хождением из дома в храм и обратно, впустую тратит свою драгоценную жизнь, лишая ее духовной практики и священных плодов молитвенного и созерцательного постижения спасения.

П. Что же мешает правильному постижению нашего спасения?

М. Если отречься от всех суетных мыслей, не знающих никакого отдыха, ничто не мешает спастись прямо здесь и сейчас! Постигание внутреннего нетленного света Христова внутри самих себя не требует длительных поисков, если есть смирение и решимость. Там, в свете Царства Божия, озарившего сознание человека и предавшего всего себя Христу, заканчивается всякая практика. Однажды благодать переполнит тебя и ты перестанешь быть рабом греха. Жить отрешенно, независимо от всех обстоятельств, и любить самоотверженно, в свободе от всех условий, - это путь спасения христианина.

От тихой сокровенной молитвы легко на душе и тепло на сердце, а ум не отвлекается на земное. Однако пора выходить из палатки и собирать сучья для костра. От шепота горной реки и ее всхлипов на лбах порогов тянет холодным ознобом. На покато́й песчаной отмели переплясывают длинные вечерние тени старых верб. В пустых глазницах осеннего леса качается хрупкая тишина. За перека́том охает, разбиваясь в брызги, небольшой водопад. На серой глади воды мелкой рябью мелькают невидимые молнии форелей. В хрустальном небе бледной дугой припаялся к горе заблудившийся месяц. Клубок мыслей, норовящий спрячется под сердцем, растворяется в тишине, осязаемой до звона в ушах. Глаза застилает пелена слёз, то ли от сильного и глубокого благодатного посещения, то ли от внезапного порыва взметнувшего с низовий резкого ветра. Отсутствие суждений о делах человеческих даёт сердцу прямую возможность ясно ощутить свою изначальную свободу.

Осенние дни теплятся, словно свечи на подсвечнике: одни ярко, а другие чадят горьким дымком. Морскими раковинами рассыпались по небесному побережью Млечного Пути зимние созвездия. По утрам подолгу тянется вдоль извилистых горных троп бесконечная пряжа туманов. С обломанной верхушки засохшего клёна надсаживается крикливая галка. Верблюжьими горбами, со щетиной разреженных рощ, встают гряды бесконечных пологих холмов. Чёрными ломтями отваливаются от дорожных обрывов остывшие пихтовые леса. Ржавыми буграми тянется внизу побитый холодным ветром камыш, убегая в туманы вдоль галечникового русла обмелевшей речной дуги. Благодатное сознание находит во Христе своё совершенство и, избавившись от всех привязанностей, соединяется с Ним навечно, через Христа обретая единство со Отцом и Святым Духом.

Тетрадь девятнадцатая. Присутствие Бога

«Вы храм Бога живаго...» 2Кор.6:16

Сосна загляделась в высокое небо, чистое, без единой облачной морщины, словно выглаженное ветром. Хрустким нетающим крахмалом постанывает под ногой затвердевший за ночь снежный наст. Жирной зеленью вспучивается под обрывами дрожащий студень речного стрежня. Подальше, к югу, горы меняют свои очертания, сливаясь в длинную волнистую линию акварельно-сиреневых контуров далеких хребтов. Под проглянувшим солнцем из снега вытаял сладковатый запах стелящегося по камням можжевельника. Небосвод словно вылинял, но к вечеру загустел, смешав

все свои линялые цвета с малахитом наплывающего вечера. Божественное словно слито со всеми проявлениями земного бытия. Но эта слитность лишь кажущаяся, ибо Бог совершенно свободен. Отдельно от духа нет никакой свободы, ибо именно присутствие в нем Бога делает дух человеческий свободным.

Огромная кряжистая пихта обнимает всей своей зеленой массой, растопырив шевелящиеся ветви, косматую от пушистых облаков лиловую даль. По хребтам громоздятся вперемешку сиреневые облака. В проломе туч прощально выплывает лимонное солнце, вонзая единственный ослепительный луч в сверкающую холодную синь ледников. Душа жадно сосет медовую сладко пахнущую тишину. Вспыхивают, словно очнувшись, немые глазастые зарницы, не затмевая первые стыдливые звезды. Отступая в ночь, палатка остаётся единственным островком мерцающего в темноте света. Не гоняясь за счастьем, не убегая от скорбей, постигаешь полноту существования в едином и блаженном Боге, Который есть любовь.

Во всех самых невероятных и самых потрясающих событиях неизбежно остается главным только одно - безмолвное присутствие Бога в душе человека. Что же мешает нам постичь это присутствие? Внутренняя безблагодатность, бездействие и недоверие Богу. Коварное искусство оболыщения доверчивой души дьяволом - через страсти и через скверные мысли, имеющие своей основой скверные желания мира сего, ведущие к состоянию одержимости, не дают возрастать в ней семенам спасения, посеянным Церковью. Каким бы ни было глухим человеческое сердце, оно хранит в себе способность услышать кроткий голос природы: пение дрозда на заре, круги, расходящиеся на тихой речной глади от всплеснувшей рыбы, радуга над бархатисто-мягким и мокрым от недавнего дождя зелёным лугом, мягкое нежное касание утреннего солнечного луча к щеке. Общение с природой оживляет душу, придаёт ей новые силы и напоминает о благодати молитв и Церковных таинств, в которых исцеляется сердце человеческое.

Зависть дьявола к человеку, зависть зла к возрастанию в человеке добра, сострадания и любви - всё это реализуется через помыслы, соблазняющие ум любопытством «знать, как боги», убивающего сердце безблагодатностью пребывания в помышлениях, в которых не живет Бог. С решимостью освободившись через молитву от мысленного рабства, душа освобождается от любого греха, сделавшись неспособной соединиться с ним. Тогда она обретает силы предаться любви Христовой, преобразующей всякое зло в жажду соединения с Богом, в неисчерпаемую радость и горение духа. Именно в этот момент, когда мы ощутим в себе любовь ко всем людям, мы постигнем, как нас любит Бог и поймём, что такое настоящее счастье.

Истерическая «радость» мира сего, показное и насквозь фальшивое, с изнанкой уныния, его «веселье», тем не менее, из поколения в поколение пленяют души своим наваждением и сатанинским мороком. А Церковь борется за свои земные «права» и «привилегии» в этом истерическом кошмаре всеобщего «веселья». Кто будет говорить душе о молитве, о её стяжании, о её плодах? Кто возвестит людям о священном безмолвии созерцания, открывающего сердцу присутствие Бога в самом человеке, благоговеющему проникновению в непознанные глубины духа. Столь очевидное присутствие Божие скрыто безобразными личинами мирского «веселья», убивающего всякую подлинную радость о Господе, о Его опытном постижении.

Все мысли, непрерывно возникающие в уме - это сети сатаны. Мечтания сердца - это его когти. Привязанности к миру - его клыки. Когда выйдешь из этой клетки в свободу духа, то Бог, пребывающий в нём, делает нас непоколебимыми и свободными. Увидеть свой дух, свое сознание, таким, каким оно является на самом деле, значит разбить оковы ума молитвой и войти в Свет Царства Божия через созерцание. Мир

монашества - это мир отрешенности и уединения, но любовь в нем неиссякаема и бесконечна. Молитва для христианина - это «рождение» духа, а созерцание - духовное совершенство спасения.

Муравьиная борьба за мирские привилегии быстро заканчивается при первом же дыхании смерти. А мёртвая дотоле душа, умерщвленная борьбой за земное «счастье», мгновенно оживает при первом дыхании Божественной благодати, дыхании святого блаженства не от мира сего. Любовь подлинная, настоящая есть всегда чистота, всегда целомудрие и потому всегда - святость. Ощущать в душе любовь ко всем - это подлинное смирение, ведь такая смиренная любовь любит всех и сострадает всем. Забота пастыря о чистоте собственного сердца и о чистоте сердец ближних становится заботой святой Церкви о свете собственного спасения и о просвещении душ верных ее чад светом этого спасения.

Когда душа человеческая изнемогает без благодати, тогда она постигает всю чудовищную тяжесть убивающей её мирской суеты. Услышанное слово ценнее написанного, тем важнее становится связь души с духовником, увидевшим свет и помогающим осуетившейся душе прикоснуться к этому свету. У стяжавшего свет нет саможаления, взамен этого земного чувства в его сердце начинает жить вечная любовь к Богу и ближним. Такая непреходящая любовь возрастает из неустрашимого терпения, а терпение питается Евангельской любовью: «Терпением вашим спасайте души ваши»(Лк.21:19).

Душа впадает в уныние и безнадёжность, переходящие в отчаяние, когда Бог не познан ею и духовный старец все еще не найден. Интеллектуально нам могут быть близки одарённые рассудочным умом люди, ставшие духовниками, но благодатной поддержки в жизненных трагедиях эти отношения не дают никакой. Интеллект всегда полон сомнений, рассудочный ум - всегда самодоволен. Одно - слепота духа, другое - глухота сердца. Интеллект и ум - друзья по аду. От них обоих - ужасная усталость от перетекания душевной энергии в никуда. Только смиренная душа быстро находит богоносного духовника и через него - любвеобилие Христово, где уже не может быть ни уныния, ни отчаяния, а есть только непрестанное духовное восхождение.

Человек доволен собой, став епископом или священником, и не замечая перерождения собственной души под непосильным бременем «священной» власти и благодати.

Мирянин, войдя в Церковь, мнит себя не таким, как прочие, оставшиеся вне церковных стен. В таком перерождении душа обманывается тем, что начинает почитать любовью то, что ею не является. Поскольку «так возлюбил Бог мир»(Ин.3:16), созданный Им из ничего, то, соответственно, эту же истинную любовь наследует и тот, кто стал в Духе един с Богом, возлюбив мир, как совершенное благо. Без этого единения с Богом и Его видения мира, человек будет глубоко обманут этим миром, поэтому нам сказано в предостережение: «Не любите мира, ни того, что в мире»(1Ин.2:15). Тот, кто вошёл в вечную жизнь Самого Бога, видит суть мира пустого, преходящего, кратковременного: «Как вы не от мира...потому ненавидит вас мир»(Ин.15:19).

В христианстве мы не ищем равенства в положении всех людей, но ищем изначальное равенство в духе, где Христос «все во всех». В этом равенстве по духу нет никакой привязанности, но есть любовь чистая, совершенная и полная свобода и независимость в этой смиренной любви «от всех и от всего». В ней нет места уму, обманывающему и запутывающему самого себя. В такой Божественной любви Отец, Сын и Дух Святой неслитно разделены и неслиянно едины. Единство с Богом и людьми - это блаженство и величайшее таинство Церкви и есть христианское совершенство.

Интуиция - это пробуждение духа благодатью, когда исчезает необходимость вести

беседы с ветхим умом, этим неустанным рисовальщиком сновидений. Когда нет обретения благодати, интуиция подобна спящей мудрости, а греховный ум затягивает душу в свои лукавые обольщения. Таким образом в неведении человек неразрывно срастается со своим мысленным паразитом, который пьёт его жизненные соки. Только стяжание благодати кладёт конец страшному мысленному рабству человека, а смиренный ум, лишенный помыслов, соединяется с сердцем или сознанием. С освящением сознания Духом Святым интуиция становится Божественной мудростью. В таком состоянии просвещения Богосозерцание становится естественным Богопостижением.

Благодать, обретенная духом, сопутствует тогда каждому действию и поступку человека, умудряя и просвещая его. Дух полностью объединяется с пребывающим в нем Христом, Который терпеливо ожидает этого соединения. Такой дух, слившийся со Христом, воспринимает весь мир как одно неделимое совершенство. Через любовь к ближнему - прямой путь к горячей самоотверженной любви ко Христу. Такая любовь дает душе возможность в крайнем изумлении созерцать Бога лицом к лицу. Чем более длительно состояние благоговейного Богосозерцания, тем совершеннее постижение истины и тем обильнее святая благодать.

До некоторого времени может удаваться, в какой-то степени, дерзко и безбоязненно жить во грехе и с мёртвой совестью, но для желающего спастись от греха, так жить абсолютно невыносимо. Не во всех условиях жизнь лучше смерти: с мертвой совестью и душой такая «жизнь» хуже смерти, тогда как смерть за Христа и во имя Христа становится жизнью вечной. У скорби есть имя и это имя - эгоизм. Уничтожь себялюбие с помощью благодати - и мир не сможет более противостоять твоему спасению. Без Христа подобное сделать невозможно, а со Христом - просто и легко.

Слова «Горе имеем сердца» - ключ разумения для живущих в миру и для отрекшихся от мира и грядущих в Царство Божие. У того, кто живёт в миру и миром, нет внутренней борьбы за чистоту сердца, но его обуревают такая борьба за собственное выживание, что ни на что другое не хватает больше никаких сил. Отрекшийся от мира находится в постоянной борьбе со злом мира сего, чтобы сохранить и взрастить в душе мир Божий, и к нему приходит великая благодать свыше, которая берет его бремя на себя, поставляя у дверей Царства истины. Но в двери истины душа должна войти сама, по своему свободному выбору, ибо истина - это вечная свобода освященного благодатью духа человеческого.

Богословие - это святость и святые слова, исшедшие из освященного сердца и благословенных уст от преизбытка благодати. Это не толкование и не перетолковывание толкований типа «из пустого в порожнее», это слова Истины: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу...» (Лк.4:18). Для подлинного Богословия необходимо духовное рассуждение, основанное не на обширной эрудиции, но на Духе Святом.

Познать свое сознание возможно только с помощью благодати Святого Духа, вразумляющей и просвещающей сердце человеческое. Пребывание в сознании открывает нам его непостижимую сущность, и, в тоже самое время, его неотмирное, не производное ни от каких условий присутствие. Этот первый шаг познания ведёт к углубленному постижению Света Христова в сокровенных недрах собственного сознания. Тогда дух человеческий воссоединяется со Христом и возвращается к полному единству со Отцом и Святым Духом.

Богосозерцание - это начало Спасения и совершенное изумление духа от видения

славы Божией, а единение преображенного сознания со всей Пресвятой Троицей есть завершение спасения. Это есть подлинная Божественная встреча и «узнавание» Бога лицом к лицу. Это простое чистое блаженство непредставимой нескончаемой Божественной жизни. Но начинается оно с умения давать решительный и своевременный отпор любой греховной мысли. Христианин - этот тот, кто сражается с мысленным грехом без всякого промедления.

Вера - это ощущение присутствия в душе невидимой и вечной Божественной благодати, находящейся за пределами слов и интеллекта. От простой чистой веры в сердце пребывает постоянная радость, от постижения источника этой радости - Христа в душе - нескончаемая благодать. Когда мы из последних сил поднимаем и несём наш крест, Бог поднимает нас вместе с нашим крестом и прижимает к Своей груди. От нас требуется только один шаг ко Христу, а от Него приходит вся Его благодать.

Одни люди живут Богом, зная Его, а другие живут в Боге, не зная Его и сопротивляясь Ему. И только в благодати сердце ясно видит, что для него спасительно, а что наполнено отравой безблагодатного мышления и гибели. Когда святая благодать входит в каждое действие и поступок, тот дух человека следует за ней, вразумляясь ею и спасаясь в свете Святой Троицы. Благодаря единению Богопостижения и благодати Святого Духа достигается уверенное и окончательное спасение. Свойство Бога есть свет и для вхождения в Божественный свет следует устойчиво пребывать в неколебимом Богосозерцании.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, мы в монашестве путаемся во множестве духовных истин, какой истины нам держаться?

Монах. Существует только одна истина - это Христос, и когда вы познаете Его в своем сердце, она сделает вас свободными(Ин.8:32). Остальные истины - лишь пояснения и дополнения одной-единственной истины.

Некоторые отцы говорят, что истина - это покаяние, другие - что непрестанная молитва, а возлюбившие Бога утверждают, что Истина - это любовь. Чаще говори Христу: «Я люблю Тебя, Господи!», и святая любовь воспламенится в твоём сердце. Покаяние - это дорога к истине, непрестанная молитва - это постижение истины, любовь - это высшее проявление истины.

П. Кто же может постичь ее?

М. Смиранный простец, не имеющий в сердце посторонних мыслей и добродетельный - такой быстро постигает истину. Также и тот, кто отрёкся от мира, уединился в отшельничестве, пребывает в умном безмолвии, очистил свое сердце непрестанной молитвой и утвердился в неуклонном созерцании - он постигает истину. Остальные продолжают обуздывать свои страсти, укрощают помыслы и полагаются на милосердие Божие.

Каждый сам должен постичь истину, опираясь на благодать Святого Духа. Не имея сомнений, такой подвижник утверждает в чистоте собственного сознания с помощью духовного старца и в этом сознании встречается со светом Христовым, светом бессмертной блаженной жизни. Он строит свою духовную практику в соответствии с Евангельскими заповедями, он старается стяжать непрестанную молитву согласно наставлениям старца, он погружен в созерцание водительством Святого Духа. Такие несомненно постигают истину.

П. Что меня затягивает в мир, мои привязанности?

М. Привязанности - лишь следствие, а корень их - ум, быстродвижный и неудержимый. Пока ум спокоен, спокойны и желания. Возбуждённый ум, устремившийся в мир, порождает безчисленные узы привязанностей к миру и его вещам. Греховный ум

разрушает душу, а вслед за ней всего человека и окружающий его мир. Когда ум обуздан непрестанной молитвой, сознание видит мир как совершенное благо, не имеющее никакого изъяна или недостатка. Поэтому пребывание в благодатном сознании, где ясно и живо сияет Христос, есть спасение.

П. Каковы же препятствия для спасения?

М. Препятствия для спасения таковы: греховная мысль есть препятствие. Тот, кто помыслил дурное, утрачивает благодать, помогающую спасению, и становится безблагодатным и неразумным.

Греховное желание есть препятствие. Тот, кто впал в пожелания похоти или гнева и прочих страстей, коих насчитывается восемь, тут попал в сети мира, из которых трудно освободиться.

Осуждение есть препятствие. Тот, кто осуждает ближних, это ропотник, дерзко осуждающий Бога и мир Божий. Его сердце омрачается и он утрачивает понимание Евангелия и добродетельной жизни.

Суэта ума есть препятствие. Тот, кто непрерывно обдумывает, планирует, строит домыслы и измышления, становится духовно слепым и сердцем, и душой, и падает в яму греховных поступков и скверных помышлений.

Неведение Бога есть препятствие. Тот, кто не познал Бога и не хочет Его познать, такой не имеет стремления ни к спасению, ни к благодати. И так он теряет возможность обрести и то, и другое.

В горах оттепель, принесшая душную сырость, тяжело повисшую в воздухе в виде длинных жгутов белёсого тумана. День с утра мокрый и какой-то весь тёмный. В полдень темнота поредела, перемежаясь неярким блеском скупых красок горной осени: чёрные ветви, серые скалы, серебристая, как чугун на изломе, вода. Затем внезапно погода нахмурилась и словно застряла в низкорослых соснах, пахнущих дождем. Однако, в противовес всему, свет души - немеркнущий, тихий, словно освещает все внутри и вокруг особым светом, свойственным лишь началу юности. По круто взбегающей вверх тропе, занесенной мокрым снегом, бреду из последних сил. Как будто всё открывается с самых азоров: идти вперед даже тогда, когда идти уже невозможно. Глаза и душа томятся в непроглядной туманно-сизой прожелти мелколесье. Безлюдье как будто пророчит всему живому скорую смерть в метели и непролазных сугробах. В такое время молитва - источник всех сил и устремлений: «В Нем была Жизнь, и жизнь была свет человеков»(Ин.1:1). Ночью изнемогаю в палатке, головная боль, одышка. В перерывах - сильнейшее ощущение блаженства, словно дар свыше от немеркнущих Небес.

Тетрадь двадцатая. Становясь светом

«Вы были некогда тьма, а теперь - свет в Господе: поступайте, как чада света» Еф.5:8

Молитва и созерцание отделяют рассудочное мышление от безмолвного духа, который начинает жить и дышать Божественной благодатью, словно новорожденный младенец земным воздухом. Сладость молитвы не оставляет сердце даже в походных заботах. Прохладное солнечное утро в перезвоне мелких ручьев и речушек, бегущих с высокогорья, хлопоты по укладыванию палаток и свертывание спальных мешков - все это сливается в одну сладкую музыку горного похода. После молитвы необыкновенно вкусны горячие лепешки и ароматный горный чай. Вокруг счастливые, будто помолодевшие лица, сияющие чистыми взглядами. Со всеми этими людьми чувствуется какая-то кровная близость во Христе, которой никогда не найти в миру. Иногда они ропщут, иногда спорят, но самое главное - всегда стоят рядом плечом к

плечу. Радость совместного Причащения, единение сердец и Божественное присутствие в каждом из них делает прошедшие дни незабываемыми.

Солнце, словно долго топтавшись на одном месте, быстро нырнуло в белую пену развалистого грудастого облака, сразу засиявшего изнутри жемчужным светом. Стая голубей серыми каплями застыла на его волнистом плече. Дорога неясной ниткой ныряет в дымчатую изумрудную даль неизведанного простора, разрезов надвое горизонт. За ним чистым румянцем рдеет закат. Впереди лежит, утонувшая в червонном золоте, земля людей, пятнистая от облачных пятен, скользящих по белым стенам домов. Дрожит, отраженный от окна, солнечный луч, тусклой киноварью лепятся по склонам холмов черепичные крыши. Гонясь за многим, не упусти одно, которое «единое на потребу» - созерцание Царства Божия в собственном преображенном духе.

Душа, исчерпав в мирской суете последние силы, не имея возможности выбраться из неё, уловленная своими же привязанностями, надывается, теряет всякий интерес к жизни и уже не имеет никаких сил для спасения, не догадываясь о существовании великой благодатной силы в христианстве. Религия, образовавшись из человеческих правил и условностей и образовав систему, которую необходимо постоянно поддерживать, не имеет ни душевного мира, ни тихости духовной жизни, а потому дать их не может. И души, привязавшиеся к ее внешним формам, так же напряжены и измотаны непрерывным бегом по кругу: ничего не упустить, не прозевать, не испортить. И, как следствие этого - постоянное беспокойство и неуверенность - не в спасении, нет, а в собственном благополучии. Тогда жизнь кажется бессмыслицей, а смерть - холодящим душу ужасом.

Суета мира сего основана на ложном ощущении полного отсутствия Бога в личной жизни, а это приводит к напряженному поиску замены Бога на наслаждения и удовольствия. Такие поиски ведут к распаду души и её погружению во мрак безысходной повседневности, в тесноту и скорбь богооставленности. В результате и жизнь - ошибка, и смерть - неудача, и ко всему окружающему - полное отвращение. И напротив, не выпрашивая к нам любовь у других, начиная любить погибающего брата своего и молиться о нем, мы ощущаем великое счастье в этой любви, ибо это в нас любит и молится Сам Господь. Такая любовь - непритворна, свободна от корысти и абсолютно искренна, ибо она с великой радостью принимает в себя скорби и страдания ближних.

Только в углублённом созерцании происходит окончательное спасение, прекращающее всякую зависимость от мира и от мышления. Предельная внимательность в процессе созерцания - вот единственное правило духовной практики, но обретенная благодать заменяет, в конце концов, все правила. Для глубокого созерцания необходимо обладать духовным рассуждением, чтобы понимать смысл созерцания, а также иметь духовную интуицию или благодать, чтобы постичь то, что открывается в Богосозерцании. И то, и другое стяжается непрестанной молитвой, как необходимым начальным условием для безмолвной жизни. Таким образом мы научаемся воспринимать все обстоятельства нашей жизни духовно - в благодати. Благодатное сознание - это искренняя, подлинная любовь к Богу, включающая и нужды близких. Такая любовь никогда не впадает в привязанность и зависимость от мира и от людей. Практика исихазма направлена на то, чтобы пребывать постоянно в безмолвном внимании к благодати и не связывать себя с возникающими мыслями. Это есть пребывание в Царстве благодатной безпредельности. Истинная духовная жизнь начинается с безмолвия ума и отсутствия всякого мышления, взамен которого к нам приходят мир, кротость, любовь.

Каждым своим действиям необходимо углублять созерцание, а находясь в уединенном безмолвии, каждое мгновение возрастать в благодати. Подлинное Богосозерцание сравнимо с лесным пожаром, когда нетварный огонь выжигает в душе, сердце и уме все грехи и пополяет безчисленные тернии страстей. В таком созерцании стирается различие между внутренним и внешним, и человек просвещенным благодатью духом видит Бога как Он есть. Дух полностью входит в Божественный свет, в котором обретается мудрость различения истины. Со временем созерцание развивается и становится ещё более глубоким, пока не исчерпается человеческая мера и способность Боговидения, когда дух человека встречается с непостижимостью Единого Бога.

Христос есть дверь, в которую душа, единая с духом, входит в безмыслии благодати. Вступая в Божественный свет, дух обретает вневременное личностное бытие, не имеющее никакой обусловленности тварным миром. Такое преображенное сознание человека вливается, словно река, в Божественную вечность, становясь светом и пребывая в свете Святой Троицы. В подобном состоянии святости некоторые созерцатели ещё при жизни духом живут в ином мире, продолжая действовать на благо и спасение всех людей. Состояние духа таких углубленных молитвенников влияет на весь мир, потому что Христовой любви ничто не может противостоять. Дух человека и есть Божественный образ и подобие, поэтому «хорошо благодатью укреплять сердца»(Евр.13:9), пребывая неуклонно, миг за мигом, в безмолвии созерцания. Плотской ум не имеет никакого богоподобия, ибо ползает, как змей, во мраке земных помышлений. Не плотская мудрость делает разум мудрым, а Божественная благодать. Начало духовного постижение - «познать мудрость»(Притч.1:7), которая делает дух человека богоподобным.

Тот, кто хочет устремиться к возможному совершенству, достичь богоподобия и обрести познание истины, принимает твёрдое решение оставить всякий грех. Он прилагает всевозможные усилия шаг за шагом исполнять Евангельские заповеди, стяжает добродетели постоянной молитвой и через неё вместе с истинным созерцанием восходит к Богу и обретает любовь. Божественная любовь - это высочайшее совершенное счастье и лишь она - истинна, все остальное - только привязанности.

Очистившись от скверных помышлений и предубеждений, душа такого подвижника приобретает победившую мир Божественную мудрость и в радости навеки приобщается единому премудрому Богу. Уподобление Богу и единение с Ним наполняет дух человека истинной мудростью и делает его подлинным образом и подобием Бога. Подлинная совершенная любовь - молчалива, но духовные плоды ее - благость, мир, веру, доброжелательность, сострадание - незримо ощущает все живое. У мира тоже есть мудрость, плотская, бесовская, который он никогда не познает Бога. И у такого земного мира также есть «любовь» - сатанинская, жестокая, безжалостная, бесчеловечная. Но духовная мудрость иная: она, в безмолвии и молчании, искоренив скверну помыслов, очищает ум и сердце. Подобная совершенная мудрость любви не имеет негодования на своих гонителей и хулителей. Она без всякого гнева молится о вразумлении впавших в диавольское наваждение и неразумие. Очистившись через непрестанную молитву, дух всецело прилепляется к Возлюбленному Богу. Жить новой безконечной жизнью значит быть мертвым для страстей и помышлений, это значит жить полностью внутренним, глубоко сокровенным христианством.

Мирские науки полезны тем, что показывают, насколько их знание убийственно для души и для всего человечества и побуждает этим сердце предпочесть постижение Христа. Вникая в пустоту материального видения мира, помыслы человека

выстраивает многочисленные ложные теории, основанные лишь на догадках греховного ума. Множество людей состарилось и умерло в них, обезмыслив собственную жизнь и свои потуги во внешней учености, имя которой «суета сует». Греховный ум жестоко мстит человеку через накопление пустых знаний. Для чего тогда такое знание, если оно не приводит к Богу, а отдает человека во власть диавола? Мир эгоизма нелеп и трагичен, он потворствует исключительно и только эгоизму и отвергает все, тянущееся к духу, кроме самого эгоизма, который постоянно спорит, оправдывается и негодует. Это есть действительная смерть, воскреснуть из которой человек может лишь поправ ее смертью своих земных привязанностей. Воскрешение духа - это преображение его Христовой благодатью и вселение в вечные обители обоженного сознания. Это необратимое стяжание незыблемой свободы в Святой Троице, той свободы духа, которая не зависит ни от каких неблагоприятных обстоятельств.

Избрав для себя Христа и спасение, христианская душа навсегда прощается с многообразными земными измышлениями и рассуждениями и всецело посвящает себя Богу и наполняется горячей любовью к Нему и благодарностью, она горит для Христа. Поистине, «знание надмевает, а любовь созидает»(1Кор.8:1). Любовь есть единение с Богом и постижение Его через созерцание, и поэтому она созидает нового человека во Христе. Только лишь то знание, которое преображено благодатью и любовью к Богу, становится спасением. Поэтому такое знание есть «мудрость свыше»(Иак.3:17).

Отдавать ум диаволу и помыслам его есть зло. Помыслы - это слуги лукавого. Предание ума и сердца в просветленной молитве Богу есть высочайшее благо. Полностью отдать себя воле Божией означает совершенное смирение. Для этого надлежит собрать вниманием рассеянный ум и привести его в сердце, изначальную обитель Бога в человеке. Трудноуловимый ум быстро подчиняется молитве с тихим ровным дыханием, когда она медленно произносится в сердце на вдох и выдох. Когда дыхание исходит и входит тихо, то постоянно скачущий ум умиротворяется и возвращается в сердце, соединяясь с ним навсегда. Оставив всякую телесную и мысленную суету, не блуждая взором туда и сюда, безмолвник неисходно пребывает в такой сосредоточенной молитве. Совершенное послушание Богу - это спасение, делающее человека богочеловеком.

Дух Божий не живет в тех, которые все силы устремили в плоть и стали плотью, создав себе из возвышенного спасительного христианства «удобную» религию и всецело погрязнув в ней, заботясь лишь о построении земного царства и удовлетворении собственных похотей. У прилепивших свой дух к Божественной любви, преображается даже плоть и становится духоносной. Подвижник не оставляет без внимания ни одно движение души и тела, объединяя их в молитве и возводя к Богу вместе с сосредоточенным молящимся умом. Он желает постоянно говорить со Христом, а в стремлении помочь спасению ближних он дает место действию Божественной благодати, чтобы она подвигла их к Христовой любви.

Наиболее трудным путем спасения идут души, мучимые страстями и нападениями лукавого и отчаянно сражающиеся с ними, не желающие окончательно впасть в их полное порабощение. К этим душам, которые напрямую борются с диаволом, всегда обращено око Божие, исполненное великой любви и милосердия. Таких стойких и верных подвижников Господь удостоивает великой святости. За ними идут так называемые «заблудшие», заблудившиеся в поисках мирских и оккультных знаний. Их любовь обратилась к никчемным вещам, однако они, просвещаемые благодатью, тем с большей верой устремляются ко Христу. Для всех практикующих христиан много чтение хорошо до обретения молитвы, а созерцание благодно после обретения

её. Признаки благодатной молитвы: мир в душе и небесный огонь в сердце, пополающий все грехи. Возрастание такой молитвы приводит дух к созерцанию умопостигаемого света, которой есть свет познания Бога. Чем обильнее свет вселяется в человека, тем более он ощущает, что ещё больше желает любить Христа и пребывать в Нем.

Всякая привязанность к людям или вещам вредит душе, поскольку отвлекает ум от Бога, делает его страстным и запутывает в мирских попечениях. Это естественная любовь. Богу нужна не наша земная привязанность к делам суетного мира сего, а любовь от всего сердца и от всего разумения к Нему, вводящая дух человеческий в вечность. Божественная любовь приводит человека к миру душевному и святости, освящая и обоживая его незаходящим Светом Духа Святого. Небесный свет находится вне имен и понятий, вне слов и представлений, поэтому он безымянен и именуем. Это свет обожения духа человеческого, когда Божественная благодать обильно наполняет и дух, и тело. Свет благодати - «пища небесных жителей» и есть духовное просвещение. Дух одевается в благодать и постигает свое непостижимое устройство, которое есть местопребывание Самого Бога. Тогда дух сам становится светом, подобным сияющему голубому небосводу: «Бог, велевший из тьмы воссиять свету, воссиял в наших сердцах»(2Кор.4:6).

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, почему только Иисусова молитва приводит к соединению со Христом?

Монах. Чем дольше находишься в этой молитве, тем больше пропитываешься Христовой благодатью. Сразу две мысли не могут находиться в уме. Как только подумал о мирском, тут же потерял своего Спасителя Иисуса. Как только принял мысль, тут же оказался среди мира сего и потерял Царство Небесное. Через мышление мы растрчиваем все силы нашего ума и убиваем свою жизнь. Человеку становится плохо, когда он думает только о себе. Мужественная душа решительно борется за свою победу над собственным эгоизмом, малодушная душа то и дело сдается врагу, не знающему никакой пощады.

Никогда не устраивай себе отпуск в духовной жизни ни на миг, не оставляя устремления к спасению ни на мгновение. Всякая скорбь возвращает тебя ко Христу, всякое обстоятельство понуждает тебя к молитве. Всякая мысль, стараясь пленить тебя, тем самым призывает к стяжанию спасения. Найди внутри себя того, кто молчит. Это и будет твой собственный дух, твое сознание, которое живет только Христовой благодатью.

П. Завершение духовной практики - это Христос?

М. Христос есть «путь, истина и жизнь»(Ин.14:6), Он есть «дверь» к Отцу Небесному, которую ты должен открыть с помощью Духа Святого. Поэтому соединение со Святой Троицей есть завершение духовной практики.

Молитва, покаяние и безстрастие - все это временные помощники на пути спасения в истине - любви Божией. Истина - это вечное исцеление и просвещение омраченной души, впавшей в болезнь неведения Бога. Хорошо, если ты понимаешь святых Отцов, отлично, если ты знаешь Евангелие, но суть спасения в том, овладел ли ты бессмертной Христовой благодатью, преобразившей твой дух? Даже если ты непрерывно молишься и совершаешь бесчисленные поклоны, все равно Богу ближе и дороже тот, кто постиг Его в собственном сердце. Молитва лучше поклонов, созерцание лучше молитвы, но Богопостижение и обожение сознания - это и есть завершение духовной практики.

П. Позволительно ли подвижнику отдыхать в праздники?

М. Святые дни церковных праздников - это не праздность, а совершенствование духа в благодати. Дванадцатые праздники - не пиршества и застольные громогласные пения, это всецелое сосредоточение духа на спасении. В молодости мне было чрезвычайно жаль тратить свои дни впустую, поэтому пришла помощь Божия, «немошная врачующая», и Бог исцелил даже такое заблудшее сердце, как у меня, не ведающее Его безпредельной милости и не постигающее Его безчисленных щедрот, и просветил тьму душевного неведения светом Царства Небесного. Запомни же мой совет: пока молод, предай свою жизнь и все силы Христу и обретешь благодать сторицей, ибо в старости трудно прийти к покаянию и нелегко укротить заблудшие сердце.

Спасение не нуждается в похвалах и восхвалениях и никого не принуждает, чтобы отдать ему сердце. Ты сам себе создаёшь дурную участь, и, когда языки мысленного пламени обожгут твою душу, ты опрометью побежишь искать старца. Но время упущено, а старцы редки. Тогда раскаяния будет много, а толку мало.

Береги свое сердце от греха, не развращай свой ум ложной вседозволенностью, периодически удаляйся в уединение, погрузи ум в сердце. Тогда увидишь, как в нем воссияет свет вечной Жизни. Тогда всем сомнениям придёт конец и дух обретет начало бессмертия во Христе!

Чтобы зло потеряло силу, достаточно христианину не принимать его, а чтобы зло разрушилось, достаточно отвергать его и жить в духе и истине. Истина - это свет мудрости и сияние нескончаемой любви. Как можно это забыть? Живая любовь - не цитаты, а благодать Духа Святого, поэтому не следует жадничать в любви к людям. Храни свою любовь во Христе – и Христос сбережет твой дух для вечности.

Спускаемся с гор в ясные солнечные дни, в богатые росой вечера, в розовые вянущие травы. В лохматую купу сосен, кружась и колеблясь, упала, раненая сорочьим криком, тишина. Будто раздерганным хлопком обсыпала туча край девственно чистого смиренного неба. Позади, словно пригорюнившись от расставания, блекло отсвечивают оставленные нами заоблачные вершины. Горная река, набрав сил, разметалась по галечниковой долине, поражая своей живучестью и стремительным течением. Вязы радуют взор остатками пока ещё пышной предосенней зелени. Когда ничего не ждёшь от мира, в душу входит удивительная спокойная тихость. Нежелание оставить эту тихость, выпасть из неё, переходит в постоянное молитвенное созерцание.

Разбуженное голосами людей просыпается молодое утро. В диком терновнике начинается воробьиный базар. Через стеклянный купол небосвода ещё просвечивают последние светлые звезды, словно хрустальные глаза небес. На голубом пространстве воздуха сквозит чёрное безлиственное дерево, будто постамент для Большой Медведицы, уходящей в жёлтое пламя ширящегося восхода. Первый ослепительный луч больно колет зажмурившиеся глаза. Из темной глубины долины отчаянно рвутся к свету бледно-зеленые пятна тамариска. Спустя мгновение ласковое прикосновение желто-румяного утра, словно тёплая рука матери на щеке, проникает в палатку, наполняет свежестью голову и грудь. Начинается новый день, полный радостного и близкого присутствия Бога. Благодатное преображение духа неотлучно от безмятежной радости и мирности сердца и это понимание сути Спасения прогоняет и рассеивает всякую тревогу.

Тетрадь двадцать первая. Невидимый свет
Книжники и фарисеи начали сильно приступить к Нему,
вынуждая у Него ответы на многое, подыскиваясь под Него
и стараясь уловить что-нибудь из уст Его, чтобы обвинить Его».

Лк.11:53-54

Взбитые, будто сливки, безконечные облака тянутся над сизым жнивьем необъятного простора уставшей, отдыхающей земли. И ещё выше, над ними, сплясавшим веером лучей разливается солнечное масло, словно выжатое из звёздных семян ночи. Неуловимо-текуче стелются последние дни уединения, отзванивая немеркнувшим светом молитвенных вздохов. Налившуюся прощальной зеленью позднюю траву мнёт, словно сорвавшийся с привязи щенок, неугомонный порывистый ветер. Родное тепло благодати расширяет ожившую усталую душу, мягко щиплет сердце и делает ум безмятежно-тихим, как это хрупкое, жаждущее человеческого тепла безграничное небо. В отрешенном опыте постижения Бога приходит окончательная уверенность в завершении всех предыдущих безчисленных поисков духа неуловимого Божественного Бытия - совершенной и бессмертной обители Христовой.

В лиловых утренних пеленах тумана ворочается проснувшийся день. Солнечной трепещущей рябью света обрызгало убегающую вдаль дорогу, словно соединившую глаза с далёким бледно-палевым горизонтом. Цепляясь за верхушки тополей, голо и сиротливо плывут звуки, оторвавшиеся от галочьей стаи. Влажным запахом дождя веет от ольховых перелесков. На извороте блестит приникшая к жёлтой галечниковой отмели, как бы ласкаясь к ней, уходящая вдаль светло-розовая речная полоса. Серебряной змеей повис на обрыве водопад. Безконечность пространства сливается с беспредельностью духа. Над всей землёй сияют «мир и радость» Божии, словно крылья невидимой, парящей в густо-синем воздухе райской птицы. Все сущее, живое и неживое, становится единым бьющимся сердцем, рождённым в Господе. Когда человек постигает во всей полноте, что Бог - это великая бессмертная Любовь, он сам преображается светом этой любви. Слава Господня есть великий свет, когда дух человеческий в этом свете сам становится светом, обретая его в совершенном безстрастии: «Пошли свет Твой и истину Твою, пусть они ведут меня на святую гору Твою»(Пс.42:3). Страстные и суетные не видят свет, но лишь видят тьму и суету своих страстей: «Огнем предстанет Тот, кого они не признали светом». Свт. Григорий Богослов. Для всякой христианской души - великое благо узреть воссияние Небесного света в силе Святого Духа, когда побеждается все скверна плотских помышлений. Достижение духовного восхищения не означает некое мирское удовольствие и не имеет с ним ничего общего. Это есть состояние высочайшего неотмирного просвещения и блаженства духа.

Без опыта безмолвного пребывания в созерцании и прямого Богопостижения учить об исихии по своим эгоистическим измышлениям и предствлениям - явное безумие и глупость, в итоге становящиеся богоборчеством. Даже предваряющее познание самого себя невозможно, если прежде не изгнана из сердца гордость, а из ума - лукавство. Пока на сердцах лежит умственный мрак помышлений и упрямого своеволия, не получится приступить к исихии, даже несмотря на всевозможные ухищрения и приемы. Богопознание происходит лишь тогда, когда ум целиком сливается с сердцем, наполненным благодатью. Одни считают, что духовная жизнь - это благочестивые помыслы, другие видят ее в отсутствии всяких помышлений, но совершенный христианин знает, что спасение лежит в Христовой благодати.

Подвижник в духе своем только через посредство Святого Духа созерцает невидимый Божественный свет, который даже после постижения остается незримым, неслышимым и непомыслимым. Только «единый духом с Господом»(1Кор.6:17) ясно созерцает духовные вещи «при успокоении всякой деятельности ума». Богозрители принимают в себя Дух, Который становится для них духовным зрением, когда прекращается всякое действие рассудка. Терпеливо перенося строгое воздержание от

действий рассудочного мышления, дух человека или его сознание пробуждается в благодатном преображении, обретая способность к созерцанию Бога в самом себе и «прося всем Божественного сияния»(Кондак свт. Спиридона).

Стадии исихии таковы: вначале непрестанная молитва в уединении, затем созерцание, потом изумление и, в завершение - всецелое восхищения духа в Царство Божие, где раздаются святым Божественные дары. Оставив все тварное, в полном бездействии рассудочного ума, в совершенном бездействии ведомый благодатью дух созерцает непредставимый покой Божий. Соблюдение Евангельских заповедей и стяжание непрестанной молитвы - два крыла, которые поднимают дух подвижника к священному Богосозерцанию: «Благословен еси на престоле Славы Царствия Твоего, восседающий на херувимах».

Человек тогда может видеть и действовать духом, когда оставит все земное и плотское и освободится от тьмы помышлений, просветив дух святой благодатью. В непрестанной безмолвной молитве приходит изумление духа от славы Святой Троицы, дух становится выше молитвы и начинает молиться Духом Святым, восходя в непостижимость, превышающую всякое знание. Созерцание нетварного света делает дух свободным в безграничном, озаряющем его свете, подобном громадному солнцу, заполняющему собой все пределы безпредельного сознания.

В созерцании Бог не передает духу человеческого Свою природу, но дарует ему Свою славу и сияние, обоживая его и вводя в начала Божественности. Святые обоготворенным духом созерцают нетварный свет и постигают, что этот нетварный свет есть Бог, просвещающий их Своею благодатью. Совершенное созерцание Бога открывается просвещенному духу как свет, озаряющий всех приблизившихся к Нему в бесконечные веки.

«В месте светле» означает в месте Божественного сияния, в месте Божественного покоя, где уже нет ни воздыханий, ни печали, но жизнь бесконечная, начавшаяся ещё на земле. Это место есть место одухотворенного сознания, которое посещает свет лица Божия.

Признаки непрестанной молитвы таковы: духовное тепло, сладость благодати и благоговейные радостные слёзы. Даже тело по своей мере приобщается воздействию благодати и становится согласным с нею. Такая молитва подобна духовной печи, в которой сжигается весь хлам мирских попечений и помышлений.

Признаки истинного созерцания: подлинное благодатное смирение, избавление от земных наслаждений и страстей, успокоение и очищение мыслей, покой и радость преобразенного духа, презрение к человеческой славе, видение Божественных откровений, исполненных непредставимой радости и запредельного блаженства, безстрастие к мирскому, любовь к Небесному, созерцание света Святой Троицы независимо от органов чувств.

Божественные дары во всей полноте воспринимает человеческий дух, устремленный к Духу Божию, ибо Дух есть Бог, приближаясь к Богу и приобщаясь Его дарований и Его славы. Этот же свет будет озарять духов и в будущем веке, где нет ничего тварного, а есть Единый Бог, как Все во всем: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное»(1Кор.15:44).

Дух человеческий, обоживаясь благодатью, сам делается блаженным богом, оставляя позади всякую мысль и всякое действие тела. Изобилие Божественной славы преобразует и делает духом и душой, и умом, и телом. «Сияние Бога нашего на нас», когда мы превратимся в дух и душой, и телом, сосредоточиваясь в самих себе и пребывая в мире и радости Божественных осияний.

Начни молиться, и молитва сама найдёт свой способ, в котором обретёт свою

устойчивость и силу, пока дух не просветится Божественным светом. Оставив ветхого человека с его страстями и помышлениями, дух сливается с блаженнейшим и непостижимым светом Святой Троицы, поднявшись в созерцании над мышлением и рассудочным знанием.

Плоды священного созерцания: благодать, приобретённая чистотой сердца, постижение собственного духа как места славы Господней, вхождение в нетварное сияние Святой Троицы и, как завершение, постижение самой непостижимости Божией, видение Истины и вкушение вечного света Истины.

Дух человеческий, соединяясь со светом Небесного образа, уже теперь приобщается познания Божественных тайн. Тот, кто ради Евангельской жизни отрётся от земных вещей, мирской славы и плотских наслаждений, кто «пришел в меру возраста Христова»(Еф.4:13), приемлет огонь безстрастной и святой Божественной любви и устремляется в едином устремлении всех сил и способностей к единению с Возлюбленным Богом. Ум, связанный пустыми мыслями, далёк от Бога. Дух человеческий или сознание - это цельное, единое нераздробленное бытие, образ и подобие Бога в человеке, именно он соединяется с запредельным Единым Божеством. Удалившийся от всякой привязанности, без суеты и забот, пребывает в безмыслии благодатного безмолвия, в богоподобной исихии. В ней подвижник, дотоле стяжав непрестанную молитву, и вернув через неё себя целиком в собственное сознание, обретает путь к Небесам, в молчании безмолвного созерцания прилепляясь к молчаливому Человеколюбивому Богу.

Заблуждения в созерцании: видение безблагодатного не просвещающего душу свечения, отсутствие ненависти ко греху и презрения мирской славы, отсутствие умиротворения и тишины помыслов и духовного покоя, неимение радости, мира и смирения, сильная тяга к наслаждениям и страстям, когда результатом становится не благодатная тишина созерцательного уединения, а мертвая тишина полного одиночества.

В этом веке трудно стяжать неизменную благодать, ибо «только ангелу дано не впадать в грех», человеческая же природа подвержена всегдашним изменениям. Однако истинный подвижник даже умалением благодати искусно и мудро приобретает ещё большее смирение, делая это причиной возвращения обильной благодати на благодать. Начинаящий возрастает в смирении, зрелый созерцатель возрастает в удалении от помыслов, у совершенных боговидцев происходит «возрастание и изобилие Божественного света».

Тот, кто не верит в обожение и одухотворение благодатью никогда не может оставить плотские наслаждение, суету и прах мира и его славы. Охваченный гордыней собственного самосовершенства и самоупоения, уверенный в силе и эрудиции своего ума, почитает такую жизнь достойной и достаточной, чтобы действовать по своей воле без помощи благодати, нападая на тех, кто кроток и смирен сердцем. Тот же, кто приобрёл начальную благодать самоотречением, взирая на Христово совершенство, считает себя ничего не достигшим и тем прибавляет себе смирения и возрастает в ещё большей благодати.

Умение презирать искушения злого духа - это великое христианское совершенство. Оно достигается только с помощью Божественной благодати. Сила Духа Святого делает сердце христианина настолько чутким и пронизательным, что оно глубоко прозревает все замыслы лукавого и умеет вовремя дать им отпор, укрываясь во Христе и хранясь Его благодатью. Просвещенное Духом Христовым и слившееся с Ним в любви, такое христианское сердце навеки воскресло, чтобы жить и дышать Возлюбленным Христом. Не жалея сил и самого себя, устремись ко Христу, а Его

любовь сделает все остальное.

Читающий духовные книги ради накопления теоретического знания, а не ради спасения и смирения, приобретает лишь заблуждения. Святое Богопостижение уклоняется от неразумного «умствования» и никогда не открывается ему. Любовь Божия живёт в истинном созерцании, а проявляется в Евангельском поведении. Стяжавший «несуемый ум» и чистое сердце, прибывает с Богом и в Боге. Возлюбившие собственный ум всегда будут противниками молитвы и созерцания, будучи рабами собственных измышлений. Для большинства людей, пребывающих в прелести, удобнее объявить одного человека, познавшего истину, впадшим в прелесть, чем нарушать монотонное течение привычного существования остальных. Истинный созерцатель ничего не делает без Бога, но, пребывая в единении с Ним в покаянной молитве и благоговейном созерцании, извлекая великую духовную пользу в затворе пожизненного покаяния, утверждаясь в скудости пищи и в тихом потаенном дыхании, удерживает ум в духе и получает дар непрестанной благодатной молитвы, которая возвышает подвижника к святой радости неисходного созерцания и изумления открывшемуся ему Божественному Бытию. Если же ты не принял благословенного непрестанного молитвенного дара, усердствуй и примешь его вместе с Божественным созерцанием.

«Рождённый от Духа есть дух»(Ин.3:6), ибо если ум соединен с духом, он духовен, а если с плотью, то становится плотским умом. И тогда услышит: «Да не пребудет Мой Дух на этих людях, ибо они плоть»(Быт.6:3). Когда дух в благодати восходит к Богу, тогда забывает не только о вещах мира сего, но и о самом себе. Совершенно невещественный и безвидный он соединяется с невещественным и безвидным Богом. Однако такое восхождение к Богу не длится долго, поскольку мера человека не выдерживает всей полноты славы Божией.

В Любви к Богу человек исполняет Божественный замысел о его обоготворении через Божественную любовь, а в любви к ближним он исполняет Евангельские заповеди, служа им своей жизнью. Таков путь к совершенной любви через безстрастие к миру и мирским помышлениям. Принуждение себя к добру порождает любовь к заповедям Христовым, исполнение заповедей приводит сердце к безстрастию, от которого рождается истинная любовь к Богу и ко всему, сотворенному Им.

Ум и все его помыслы действуют в сердце, но само сердце, или сознание, которое также есть дух человеческий, не действует, будучи свидетелем мысленных действий. Свет благодати выше не только ума, но и самого сознания, которое преображается и пробуждается действием этого света. Сердце, находясь в Духе Святом, постигает и открывает в себе Бога, потому что Бог никогда не был отделен от него. В Святом Духе - свет, в Господе Иисусе Христе - просвещение, в Отце Небесном - спасение.

Нетварный свет, «ярчайший солнечного», никакого равенства с солнцем не имеет и превосходит всякое представление об этом свете, будучи познаваемым лишь в прямом опыте благоговейного Богосозерцания. Безстрастный дух человеческий озаряется Божественным сиянием и, преображаясь им, делается Христоподобным. Через обожение духа происходит совершенно успокоение от всех умственных и телесных действий.

Очищение души, ума и тела через исихию, через созерцательное безмолвие, приводит дух к невидимым созерцаниям, которых «не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»(Кор.2:9). Зримое в духе Богоявление есть единение с Богом «превыше ума». Конечно, Бога не видел и не узрит никто. Став же духом и видя в Духе, человек созерцает подобное в Подобном и свет во Свете.

Святые, достигшие Христоподобного и блаженного удела, всецело становятся духами и соединяются с блаженным Христовым светом. «Цель молитвы - восхищение ко Господу», а цель созерцания - сверхмыслимое соединение с ним в пресветлом Свете. Дух подвижника имеет такое единение со Светом, что становится по благодати тогда и Светом, и Духом. «Слава Божественной Природы» есть «единый, истинный, вечный, непоколебимый, невечерний, неизменный свет, через который становимся светом, порождением совершенного света и мы». Свт. Григорий Палама.

Из переписки с друзьями

Послушник. Отче, прочитав множество святоотеческих книг, не ощущаю, что во мне прибавилась благодать. Что мне делать?

Монах. Золото - весьма драгоценная вещь, но, нагрузившись им, не переплывешь реку, для этого нужна лодка. Ведь главное в том, чтобы научиться плавать от знающего человека, а для этого нужно иметь хорошо тренированные мышцы и умение держаться на воде, а также разумение, чтобы видеть, куда направить лодку своего спасения. Так и в духовной жизни, чтобы обрести спасение, нужно хорошенько овладеть непрестанной молитвой, следуя наставлениям старца, и с помощью благодати обрести Христа в собственном сердце, постоянно сверяя свои духовные восхождения с Евангелием и святоотеческими трудами. Никогда не уставай стремиться к стяжанию святой благодати, несмотря на многочисленные падения. Человек побеждён лишь тогда, когда он более не пытается встать.

П. В духовной жизни одни держатся уединенной молитвы, а другие предпочитают совершать добрые дела в миру. Кто из них ближе к Богу?

М. Никто из них не может быть ближе к Богу, если не имеет смирения. Поэтому из всех людей ближе всего к Богу - смиренный. Ведь уединенная молитва без смирения приводит к прелести, а добрые дела в миру без смирения порождают гордыню. Всякое действие и поступок без этой добродетели ущербны, как саженец без корня. Если приступаешь к какому-либо делу и желаешь хорошего результата, сначала смири себя и тогда действуй, ощущая в своих действиях помощь Божию. Позволь жить в себе Богу и Он позволит тебе жить Его жизнью. Поэтому истинно помогают людям только святые и те, которые отрешились от всего земного.

П. В чем же тогда разница между отшельниками и мирянами?

М. Разница в том, что одни наполнены щами, а другие вещами.

П. Как мне понять сказанное?

М. Если те и другие не стяжали Бога в самих себе, то нет никакой разницы между сидением в лесу и хождением по базарам. Зачастую всё отшельничество сводится к тому, чтобы отыскать уединённое место в лесу, построить там хижину и остальное время и силы тратить на добывания еды, огороды и выживание долгой зимой. Становясь на молитву, они клюют носом, устраивая бдения, перемежают его громким храпом, начиная рассказывать о молитве, не могут остановиться. В таком случае не остается ни сил, ни времени на стяжание постоянной молитвы и обретение спасения. С другой стороны, вся мирская суета сводится к привычному хождению по праздникам в храм, устройству браков и разводов, воспитанию детей, приготовлению пищи, монотонной рутинной работе, когда душа покрывается, словно пылью, большими и мелкими грехами. Приступая к чтению духовных книг, они то и дело вертятся по сторонам, стараясь слушать в храме Евангелие, не могут запомнить из услышанного ни строчки, рассказывая о близких, не упускают возможности осудить их. В этом случае некогда даже поднять голову к небу и вспомнить о спасении, живя подобно слепым, ослепшим от света.

П. Кто же тогда понесёт таким людям прозрение, чтобы они увидели свет Истины?

М. Научившийся от своего старца и воспринявший во всей полноте христианскую православную традицию спасения - он сможет безопасно взять в руки огонь слова Божия и передать его дальше, другим поколениям, открывая им очи духовного разума. Ибо слово Божие - огонь, пожигающий все грехи, а потому передающий это слово другим охвачен таким Божественным пламенем, словно неопалимая купина, оставаясь невредимым и обоженным силою этого очищающего святого огня благодати, огня истины. Сказано: «Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его»(Лк.6:40).

П. В чем смысл истины?

М. В единый смысл истины невозможно проникнуть даже игле, но, тем не менее, истина легко проходит в игольное ушко. Почему в истину невозможно вставить даже иглу? Потому что она цельна и нигде не имеет ни малейшего промежутка или трещины. Почему истина легко проходит в игольное ушко? Потому что не запятнана ничем мирским и настолько тонка, что требует особой духовной подготовки для Ее постижения. Христос сказал: «Я есть истина»(Ин.14:6). Всякий человек, достигший Хриstopодобия, постигает свое сознание, которое он называет «я», так как он и есть это сознание, в котором пребывает Христос. Такая душа непрестанно хвалит и благодарит Господа, что сподобилась облечься «в познание Тебя, истинного Бога нашего».

Самый важный шаг в духовной жизни, после утверждения в христианском мироощущении, - это сделать полный переход от внешнего исполнения религиозных правил и обязанностей, от формальной религии, к внутреннему христианству, а именно: к внутреннему духовному совершенствованию, уподоблению Христу и соединению с Ним в Духе Святом. Это значит начать жить благодатной сокровенной жизнью Христовой Церкви. Ни отшельничество, ни жизнь в городе не могут ни способствовать, ни препятствовать процессу созидания внутреннего христианства. Всякий, придающий значение внешним обстоятельствам, совершает ошибку. Внутреннее христианство - это поиск свободы духа в благодати Духа Святого и соединение со Христом. Религия - это поиск построения царства земного, как отражения Царства Небесного, и установления его законов на земле. Когда духовные занятия и неустанное внутреннее стремление к совершенствованию духа становятся главным и окончательным смыслом в твоей жизни, знай, что Христос позвал тебя через твое сердце. Храни в душе внутреннее запрещение на всякий грех и тем самым будешь свободен от всех грехов.

Совершенный христианин, как понимал его апостол Павел, - это свободный человек в Духе Божием: «Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего»(Флп.3:8). Такое познание постоянно устремляет душу вперед, к Богу: «Братия, я не почитаю себя достигшим, а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания во Христе Иисусе»(Флп.3:13-15). Это прямое и совершенное Богопознание объединяет всех: «Итак, кто из вас совершен, так должен мыслить»(Флп.3:15). Тогда духовное совершенство делается для христианина полнотой благодатной свободы: «Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец - жизнь вечная»(Рим.6:22). Так христианин становится единым со Христом, приобщаясь во всей полноте смысла этой истины, которая делает его свободным и совершенным. Выражать и проявлять любовь к людям - высший дар Небес. Тот, вокруг которого спасаются тысячи, является преемником апостолов. Кто надзирает за зданиями и богослужениями в этих зданиях, - является надзирателем. Раб системы может привести только к рабству. Душа, свободная во Христе, приводит людей к Христовой свободе, к совершенству.

Православие - это не конвейер, это искусство духовного пробуждения души, которая интуитивно находит свое спасение в благодати, мгновение за мгновением и шаг за шагом восходя к открытию Бога, пребывающего в ней всецело, неслиянно и нераздельно. Стремление человека к совершенству бесконечно. Только во Христе - совершенство и только Христос - Истина, другой истины не найти нигде и никогда: «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: свершилось! И, преклонив главу, предал дух»(Ин.19:30).

Волнующие песни ветра летят с окоема земли, прорастая тягучими трелями утомленных цикад. Вслед за южным ветром бегут зеленой зыбью неподвижные шеренги кипарисов, с тлеющими на горизонте закатными облаками. Морская ширь сочится густым запахом соленой пены, разметанной по мокрому песчанику качающихся в дымке далеких берегов. На западе еще светло, а долину затопили ночные тени. Уплывает в зелено-синий провал неба, словно дымясь воспоминаниями, удивительная неразгаданная жизнь, смыкаясь над горизонтом с нежнейшими оттенками лазури. Словно прощаясь, смотрит она правдивыми детскими лицами первых народившихся звезд. Ничья душа не потеряна в просторе преображенного духа, никакая добрая весть о спасении страждущих сердец людских не остается забытой в широко текущем свете святой благодати Божественной вечности. До самого утра - безмятежность и ясность широкой и всеохватывающей молитвы.

На востоке - оранжевый всплеск зари за вздыбленной, смятой горными складками кожей земли. С последней цикадой закончилась ночь, бархатной чёрной бабочкой залетевшей в мою палатку на самом краю земной шири. Когда вижу красные цветы бугенвиллии, снова кажется, что я не один на белом свете. Сонную речную заводь целуют тонкие лозы, изгибаясь до самых полынно-серых упругих струй. Сладко гостить на тебе, гостеприимная земля! Травой-безсмертником, пышным златоцветом пересыпаны мои горные тропы. Покинув горные урочища, ухожу все дальше в сокровенные извивы иного, глубинного бытия, как в целостное завершение всей нескончаемой жизни, молчаливо ожидающего бессмертный дух, подобие и образ Божий, утверждаясь в блаженстве и свете любви Христовой, изначально неотъемлемой от всякого восходящего к Богу сына человеческого, ищущего в Святой Троице вечного и нескончаемого совершенства: «Мы родились, чтоб не погасли звезды». Это есть неотступно ожидающее всех нас непоколебимое Царство нескончаемой бессмертной свободы во Святом Духе: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»(Мф.5:48).

Оглавление

Предисловие

Тетрадь первая. Всегда радуйтесь

Тетрадь вторая. Пароль вечности

Тетрадь третья. Скрытое неверие

Тетрадь четвёртая. Жажда Свободы

Тетрадь пятая. Невысказанность духа

Тетрадь шестая. Соль земли

Тетрадь седьмая. Исцеление ума

Тетрадь восьмая. Ключ разумения

Тетрадь девятая. Царство Божие - не загробный мир

Тетрадь десятая. Временная «свобода»

Тетрадь одиннадцатая. Духовничество и старчество
Тетрадь двенадцатая. Когда Жизнь становится Христом
Тетрадь тринадцатая. Духовные неудачи
Тетрадь четырнадцатая. Чем люди живы?
Тетрадь пятнадцатая. Первая и последняя Любовь
Тетрадь шестнадцатая. Плохие полосы
Тетрадь семнадцатая. Выстраданный выбор
Тетрадь восемнадцатая. Свет Воскресения
Тетрадь девятнадцатая. Присутствие Бога
Тетрадь двадцатая. Становясь светом
Тетрадь двадцать первая. Невидимый свет